

Оксана Рум

ХИРАН

ДЛЯ КОГО СЯЕТ
БРИЛЛИАНТ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Колин Тейт всегда довольствовался тем, что имел. Днем он ремонтировал мотоциклы, а вечером сам гнал своего железного коня.

Иногда пил пиво с друзьями, в своей квартирке над гаражом. Его не привлекали дорогие вещи и драгоценности.

Пока однажды он не увидел бриллиант. И не захотел его сияния для себя...

Предстоящее замужество не огорчало Хиран. Ее жених был красив и баснословно богат.

К тому же, он был ее хорошим другом детства. Хиран была послушной дочерью строгого отца.

Она не чувствовала золотой клетки. Пока не захотела быть свободной...

Пока сердце не забилося для любви.

Тусклый свет настольной лампы, красиво играл на полупрозрачной ткани полога, закрывающей кровать. Хиран радовалась ночной прохладе и тишине, сладкому запаху благовоний, которые бабушка жгла в ее комнате перед сном, и аромату цветов, растущих под окнами ее спальни.

Эта ночь была особенной. Последней, когда она принадлежала себе. Завтра вечером, она уже будет принадлежать своему будущему мужу. И несмотря на то, что помолвка еще не свадьба, это не имело значения. Для ее семьи — помолвка была равноценна самой свадьбе. Разница заключалась лишь в том, что невеста еще оставалась в доме родителей и готовилась к предстоящему главному торжеству.

Но и это были не все перемены. За две недели до свадьбы она покинет и этот дом. Дом, в котором провела свое детство. Единственная дочь, любимая и лелеемая всей семьей, она должна будет уехать и отправиться в страну, которая несказанно ее пугала.

Хиран знала, что Америка, была мечтой большинства ее сверстников. Даже ее подруга, мечтала попасть туда. Но не Хиран. Если бы у нее был выбор, она осталась бы в родной Индии. Но к сожалению, ее будущий муж живет в Америке.

Ее будущий муж. Хиран улыбнулась в полумраке. Арун Джейдев был ее хорошим другом. Все детские годы они повели вместе, пока он не уехал учиться в университет, в Америке. После окончания он так и не вернулся и стал преуспевающим бизнесменом за границей. Хиран видела его по большим праздникам, и как ни странно их дружба не ослабла. Они часто созванивались, переписывались через электронную почту. А когда Арун приезжал в Индию, две семьи, его и ее, объединялись в одном из семейных поместий.

Решение свадьбе не стало неожиданностью ни для нее, не для Аруна. Они с детства привыкли думать, что поженятся. Только не осознавали серьезности данного обещания. Хиран понимала, что многие посчитали бы такой брак пережитком прошлого. Но только не их семьи с Аруном. А им самим не пришло в голову даже спорить об этом.

И вот Арун приехал всего на пару дней, чтобы объявить о помолвке. Завтра вечером они обменяются кольцами, еще раз сверят гороскопы и определять благоприятный день для свадьбы. Затем ее жених уедет обратно в Америку, а Хиран останется готовиться к свадьбе. За две недели до торжества, Хиран с семьей отправиться в чужую страну, где она станет Хиран Джейдев.

Все шло именно так, как было принято на протяжении десятилетий. Хиран любила Аруна. Она знала, что станет ему хорошей женой, а он ей прекрасным мужем.

* * *

Было почти утро, когда Колин, попрощавшись с друзьями, вынес последний пакет с мусором, и вернулся, в только что прибранную, маленькую квартирку, которую занимал последние пять лет. Но она его вполне устраивала. Он чувствовал себя в ней гораздо комфортнее, чем в квартире, что они купили с женой, и которую он оставил ей же, после развода. Это событие не стало ни для кого из них трагедией, даже наоборот. Избавлением от обременительного брака, связавшего двух абсолютно несовместимых людей.

Всего пару часов назад он сидел в компании своих лучших друзей, потягивая первоклассное пиво, смеясь и рассуждая о мотоциклах. Завтра, а вернее уже сегодня у него был выходной. Он проспит до полудня, а потом спуститься в гараж, выведет свой мотоцикл

и будет гнать его, пока мелькающий пейзаж не потеряет четких очертаний.

Ему нравилось так жить. Ни каких обязательств. Ни чего обременительного. Он зарабатывал столько, сколько было необходимо для его неприхотливого проживания, и имел столько свободы, сколько нужно было его свободолюбивому сердцу.

Возможно, когда-нибудь, он задумается о повторной попытке создать семью. Но не сегодня, не теперь. Каждый его нынешний день был таким, как Колин хотел. И, в ближайшее время, он не собирался ничего менять.

Сбросив кожаную куртку на старое кресло, с выцветшей обивкой, Колин прошел в крохотную душевую. А уже через пятнадцать минут спал, на диване в комнате, которая служила ему гостиной и спальней одновременно. Но большего ему было и не нужно.

— Арун! Нас будут искать! — засмеялась Хиран, увлекаемая женихом, прочь от гостей, собравшихся в доме.

Но он лишь смеялся, ведя ее за руку через красивый сад, к высокой ограде. Хиран старалась удержать свободной рукой тяжелые, расшитые стеклярусом складки гагра-чоли*, чтобы не наступить на подол. Дупатта* все больше осложняла движения, сползая с плеч. Когда же они, наконец, добрались до забора, Хиран вздохнула с облегчением. Но оказалось, что их остановка, лишь временная передышка. Арун, не смотря на, роскошно расшитый, шервани*, с легкостью взобрался на широкую ограду. Он и раньше проделывал это, но не в наряде для помолвки. По удобнее устроившись наверху, Арун протянул руку Хиран. Но девушка, едва отдышавшись, покачала головой.

— Ну уж нет! Ты сошел с ума, Арун Джейдев! Я не полезу за тобой.

— Это почему же, госпожа невеста? Разучилась, пока меня не было? — усмехнулся Арун. — Мы проделывали это сотни раз. Раньше ты не была такой неженкой.

Хиран засмеялась. Они и в самом деле проделывали это много раз. И в детстве, и потом, когда Арун приезжал только на праздники, они порой убегали от гостей и перебирались через ограду. Это не было необходимостью, они могли бы спокойно выйти через главные ворота. Но Арун, как самый настоящий хулиган увлекал ее через сад и заставлял лазить по заборам.

Но сейчас Хиран осмотрела свой красивый наряд и отступила на шаг.

— Может и сотни раз, Арун. Но ни разу на мне не было такого гагра-чоли. Его и носить — то можно с трудом, а уж куда то взбираться... Да я свалюсь с этого забора быстрее, чем ты успеешь моргнуть.

Арун снова протянул ей руку и притворно рассердившись, произнес:

— Конец спорам, Хир. Давай руки, я подтяну тебя. Делай, что тебе говорит будущий муж!

Хиран засмеялась, подошла ближе к забору. Не имело смысла спорить. Он все равно не отстанет.

— Ну ладно же, господин Арун. Потом не жалуйся, если вместо невесты получишь гибсовую мумию.

— Не трусь! Я не дам тебе упасть, Хир. Ты это знаешь. Ну же! Смелее! — уговаривал невесту Арун, пока она пыталась подобрать подол и обвернуть вокруг талии длинную накидку.

Потом с помощью Аруна взобралась на забор.

После смеха и бесполезных попыток привести наряд в порядок, Хиран и Арун притихли, сидя рядом. Из украшенного гирляндами и огнями дома доносились звуки музыки и песни приглашенных певцов. Более двух сотен гостей собралось на их помолвку. Всего час назад они с Аруном обменялись кольцами, а потом принимали поздравления родственников и друзей.

Весь этот день был наполнен приготовлениями к празднику, и Хиран не было времени думать о чем-то, или беспокоиться. А теперь, наедине с Аруном, Хиран не могла отделаться от ощущения, что часть ее жизни безвозвратно уходит, а она совершенно не представляет, что придет взамен.

Боясь показать свою растерянность, Хиран посмотрела на Аруна, надеясь, что он сейчас не смотрит на нее. Но он внимательно вглядывался в ее лицо, а темные глаза говорили о том, что он знает все, о чем она думает.

— Ты боишься? — спросил ее Арун, не имеющий привычки ходить вокруг да около.

Хиран покачала головой и отвернулась. Она не смогла бы обмануть пронзительный взгляд друга. Он был тем человеком, который знал ее лучше, чем кто-то из ее семьи. Арун был красив, особенно сейчас, в праздничном шервани, но и в обычной жизни этот мужчина был неотразим. Он был успешен во всем, за что бы ни брался. Начиная с учебы и заканчивая бизнесом. Но для нее он всегда был просто Аруном, ее хорошим другом. Но теперь он ее жених, а вскоре станет и мужем. И пока Хиран не знала, как объединить эти два спектра их отношений в один.

— Хиран. — позвал Арун, взяв ее, украшенную кольцами и браслетами, руку в свою. — Посмотри на меня, дорогая.

Хиран подняла на него свой взгляд и улыбнулась.

— Я не боюсь, Арун. Честное слово. Я очень люблю тебя, ты же знаешь. — тихо ответила Хиран.

— И я тебя люблю. Ты это тоже знаешь. Но ведь я не об этом. Ты волнуешься, я вижу. Во время церемонии ты не смотрела на меня. И это не из-за стыдливости, Хиран. Ты пряталась от меня все два дня, что я здесь, ссылаясь на занятость. Не надо. Просто скажи, что тебя беспокоит. Хотя... Я и сам догадываюсь.

— Арун, перестань. Ты выдумываешь. Конечно, я волнуюсь. Станный ты! Любая невеста волнуется.

— Хиран. Хиран. Ты меня не проведешь.

Они, снова ненадолго, замолчали, каждый думая о своем. Хиран тяготила эта напряженность между ними. Ей хотелось бы, что то сказать, чтобы разрядить обстановку, но на ум не приходило ничего. Но Арун первый прервал молчание.

— Я не буду тебя торопить. У нас будет много времени привыкнуть к тому, что мы... муж и жена.

— Что? — испуганно переспросила Хиран, чувствуя, что краснеет.

Ее жених усмехнулся и сжал ее ладонь.

— В этом же причина твоих страхов, да?

— Нет! — пытаясь изобразить возмущение, воскликнула девушка.

— О, да! Ты плохая лгунья. Даже в этом тусклом свете я вижу как ты покраснела.

— Мне жарко! Вот и все!

— Ну конечно! Как удобно. Но я-то знаю правду, Хиран. — Арун рассмеялся, потрепал ее по щеке. — Ты просто самая настоящая индийская девст...

— Арун! — вскрикнула Хиран и закрыла его губы своей ладонью. — Ты совсем спятил! Еще одно слово и я сброшу тебя вниз.

— Ну, прости. — высвобождаясь из под ладони и пытаясь скрыть смех, произнес Арун. — Прости, ладно? Но ты не должна скрывать от меня что-то. Особенно сейчас. Все будет хорошо, дорогая. Я обещаю. Я позабочусь о тебе. Сделаю все, чтобы ты была счастливой.

Хиран прикусила губу, а потом спросила о том, что волновало ее больше всего.

— Арун, если я спрошу, ты ответишь мне честно?

— Конечно. Обещаю.

— Ты правда хочешь жениться на мне?

Хиран замерла, стараясь в полумраке рассмотреть выражение лица жениха. Она и сама не понимала, почему это так важно для нее. Удивление, которое появилось на лице Аруна, заставило ее немного расслабиться. Он так искренне улыбнулся, что Хиран едва не заплакала от облегчения.

— Конечно, хочу. Что за странный вопрос. Я всегда знал, что ты станешь моей женой. Да и представить себе не могу кого то, кто более всего подходит для меня. Ты будешь прекрасной женой мне, я уверен. И ни кто в мире, кроме тебя, не достоин, быть хозяйкой в моем доме, и быть спутницей моей жизни. Скоро ты приедешь ко мне, и мы вместе выберем дом. Любой, какой тебе только понравится. Ты обставишь его по своему усмотрению. А потом, когда все образуется, и ты привыкнешь к жизни в новой стране. Привыкнешь быть моей женой, у нас появятся дети. Все будет прекрасно, Хиран. Я буду уважать, и любить тебя. Буду заботиться о тебе.

— Звучит прекрасно. — мечтательно произнесла Хиран.

Арун обнял ее за талию, а Хиран положила голову ему на плечо.

— Все и будет прекрасно. Вот увидишь. Тебе понравится в Нью-Йорке. Он не похож на Дели, конечно. Но у него свои достоинства. Там жизнь будто кипит. Да скоро ты и сама увидишь. Там тебе не будет скучно.

— А я смогу работать?

— Работать? — удивился Арун. — Сможешь, конечно. Только, зачем? Я дам тебе все, что только захочешь. Лучшие магазины будут к твоим услугам. Я познакомлю тебя со своими друзьями и их женами. Ты найдешь подруг, будете вместе ходить по магазинам, каким-нибудь женским клубам. Вот увидишь, тебе будет некогда грустить. Но, если ты все таки захочешь работать, то мы что-нибудь придумаем.

— Мне очень повезло с тобой, Арун. Хорошо, что мы поговорили. — вздохнула Хиран, чувствуя, что ее страхи уходят.

— Ты переживала из-за этого. — подтвердил жених.

— Немного. Просто не знала, хочешь ли ты жениться на мне. Не хотела, чтобы родители заставили тебя. Ты очень хороший, и заслуживаешь быть счастливым. Откуда я могла знать, может в своей Америке ты встретил девушку и влюбился. А тут я и предстоящая свадьба...

Не сразу, но Хиран почувствовала, как плечи Аруна напряглись, и все тело, словно окаменело. Девушка выпрямилась и растеряно посмотрела на жениха.

Нехорошее предчувствие зародилось в душе.

— Арун, что случилось? Ты...

Но он не дал ей договорить. Тряхнув головой, он быстро спрыгнул с ограды и протянул руки к Хиран.

— Спускайся, Хир. Пора возвращаться. Иначе нас будут искать. В конце концов — это помолвка. А какая помолвка без жениха и невесты.

И когда Хиран оказалась на земле, близко от Аруна, она увидела печаль в его глазах, и еще твердую решимость. Она отчетливо поняла, что-то терзало ее друга, но он решил, во что бы то ни стало, это преодолеть. И это выражение его глаз, не давало Хиран покоя. Она наблюдала за Аруном, на протяжении оставшегося праздничного вечера, стараясь понять, что же его терзает. Но он вновь был весел и раскован. С теплотой улыбался ей и шутил, подоброму подраживая ее. Казалось, он был действительно счастлив.

Но даже когда праздник закончился. А Хиран лежала в своей постели под балдахинном,

нехорошее предчувствие не давали ей уснуть.

***Сноски:**

Гагра-чоли*- Гагра-чоли или лехенга-чоли — традиционная одежда женщин. Этот костюм является сочетанием лехенги, облегающего чоли и одхани (odhani). Лехенга — это форма длинной юбки, которая имеет складки. Обычно лехенга украшена или имеет большие полосы внизу. Чоли — это кофточка, обычно скрытая, которая прилегает к телу и имеет короткие рукава и глубокое декольте.

Дупатта* — дупатта (dupatta) или одани (odani) (вуаль), чтобы покрывать голову или плечи.

Шервани* — Шервани — это длинный пиджак, который застёгивается пуговицами. Его длина обычно доходит до колен, но иногда может достичь икр. Этот пиджак имеет воротник Неру[36], который несвёрнут, как обычный. Шервани носят с обтягивающими штанами или брюками, называемые «чуридар». **Чуридар** — это брюки, которые свободны в районе бёдер, но в районе лодыжек являются уже обтягивающими. Шервани обычно надевают женихи на помолвку или свадебную церемонию, или на торжественные мероприятия, при этом он обычно молочного, золотого цветов и цвета светлой слоновой кости, а также может иметь золотистую или серебристую вышивку. Иногда с шервани носят шарф.

Их дом, за последнюю неделю, превратился в сумасшедший. Что делало Хиран безумно счастливой. В последний раз, когда в нем так долго царило оживление, была свадьба ее тети, сестры папы. Она была ужасно некрасивой, ворчливой и вредной. И тем не менее заявила старшему брату, что если он не найдет ей подходящего мужа, она все сделает для того, чтобы и его дочка, то есть Хиран, никогда не вышла замуж. Каким-то чудом, но тому удалось найти для сестры мужа. В те дни весь дом стоял на ушах. И тогда, как и сейчас, приготовления шли быстрее, чем обычно, ведь молодоженам предстояло уехать в другой город, так как будущий муж тети Тулси был военным. Вот и сегодня, казалось, что дом порой содрогается от количества народа, проходившего через его распахнутые двери. Сегодня, когда прошел дождь, наполнив воздух, усиленным ароматом цветов и фруктов, все женщины и девушки собрались во внутреннем открытом дворе.

Его выложенные мозаикой полы были еще влажными, когда подруги и многочисленные тети и снохи выпорхнули с босыми ногами на яркий узор, всполошив голубей. И с тех пор, их гомон не смолкал ни на минуту. Кто-то спорил о выборе цвета и узора для свадебного сари, а кто-то не мог согласиться с тем, какой рисунок хной будет нанесен на руки невесты. И было еще много всего, что давало повод женщинам поспорить между собой. Правда, эти споры, к счастью, не перетекали в ссоры, что радовало Хиран. Потому что у нее и так слегка кружилась голова от всего этого. Но в то же время сегодня она наслаждалась каждой минутой.

— Посмотри сюда, Хир! — позвала девушку Мая, одна из лучших подруг. — Вот красивый. Вот бы мне такой. — мечтательно протянула она, сдув челку с глаз. — Как тебе?

Хиран, без особого любопытства, заглянула в журнал, с разнообразными вариантами росписи хной для всех случаев жизни.

— Тут опять птицы. Ни каких птиц, Мая. — покачала головой невеста и вновь повернулась к другой подруге, которой пыталась уже минут двадцать заплести косу, вплетая в нее цветы.

Это получалось бы быстрее, если бы ее не отвлекали каждую минуту.

— Хир! — не унималась Мая, — Почему не птицы? Смотри же, как красиво!

— Я не хочу, что бы у меня на руках были птицы. Найди что-нибудь с цветами. — стояла на своем, Хиран.

От этого заявления Мая фыркнула, за что получила выговор от одной из тетюшек Хиран.

— Если ты будешь фыркать как верблюд, девушка, то и в мужья тебе достанется погонщик. У тебя три младшие сестры Мая Огнихотри, какой пример ты им подаешь. — строго выговаривала ей тетя, одновременно что-то зашивая в кругу женщин с таким же занятием.

— Извините, тетя. — проговорила Мая, благоразумно изобразив смущение.

Хиран закатила глаза, а Мая хихикнула. Киран ойкнула.

— Хир, ты выдерешь мне все волосы!

— А ты не крутись. — сердито сказала Хиран и продолжила плести косу.

— Цветы так цветы. А по мне так это банально. Всем невестам рисуют цветы. Ну, почти всем. — не унималась подруга, листая журнал.

— Что вы пристали к мой девочке, щебеталки.

Хиран оглянулась и увидела, как из домак ней идет бабушка, кончиком белого сари утирая слезы. Она склонилась над Хиран, и обхватила лицо девушки теплыми морщинистыми руками и поцеловала в лоб.

— Зачем вы забиваете ей голову этими рисунками, скажите на милость. — проговорила она, поглаживая внучку по щекам. — Разве найдет она в этой Америке хоть одного художника хной. Моя девочка пройдет семь кругов с голыми руками, и никто не проведет ритуал от дурного глаза.

Хиран выпустила так и не доплетенную косу подруги из рук и встала с низенькой скамейки. Обняла бабушку, расцеловала ее в щеки.

— Бабушка, ты проведешь все ритуалы перед отъездом. А Арун обещал найти мастера, который распишет мне руки. Я пришлю тебе фотографии ба. А если мы не найдем того, кто работает с хной. то можно сделать временную татуировку.

— Ох. Но разве так делается! Разве так было, когда я выходила замуж за твоего деда. Да он бы не взял меня и на одну жизнь, не то чтобы на все семь, если бы я пришла к нему с узором не из хны. И что это за разговоры, что сари на тебе будет не красное, а синее.

— Бабушка, у меня будет самое красное сари, я обещаю. — шмыгнула носом Хиран, едва сдерживая слезы. — Завтра его привезут для примерки, и ты сама увидишь.

Она и сама не представляла, как сможет она без родных, в чужой стране.

Конечно, как сказал Арун, они будут приезжать на все большие праздники, но она уже будет всего лишь гостьей.

Девушки загладели вокруг невесты и бабушки, расцепив их объятия. Хиран потянули обратно на скамейку, а бабушку усадили в кругу теток. И та, что пару минут назад выговаривала Мае, перешла и на бабушку.

— Что вы довели невесту. Ей надо сиять и радоваться, а вы своими слезами что наделали.

Бабушка шлепнула ворчунью по руке.

— Помолчи ка, негодница. С тебя спрос другой. Где это твой сынок прохлаждается? Все чем ни будь да заняты. А твой, что? Снова вокруг девиц увивается.

После такого тетя притихла, а в их кругу слышались только тихие смешки и степенные разговоры. А потом и вовсе завели традиционную для данного события песню, чем повеселили молодых девушек. Хиран смеялась больше всех. Ее родственники явно не обладали музыкальными талантами. Единственное, что они могли более сносно пропеть, так это молитву.

Следующие пару часов, она просто наслаждалась болтовней с подругами, веселыми подшучиваниями над ее предстоящим замужеством. Из дома то и дело приносили холодный лимонад, который хоть немного спасал от жары.

Но на этот раз вместо лимонада ей вынесли трубку радиотелефона.

— А ну ка, девушки, расступитесь! Наш красавец жених, хочет поговорить с невестой. — заявила одна из сестер отца.

Но не успело сердце Хиран радостно забиться, как Мая схватила телефон и завела руку за спину, а остальные одобрительно заулюкали.

— Зачем так спешить, госпожа невеста! — воскликнула Хиран, которая так и не стала обладательницей красивой косы. — На что ты готова, ради того, чтобы поговорить с красавчиком Аруном?

— Отдай! — потребовала Хиран, хотя знала, что не получит трубку, пока не выполнит

какое ни будь их условие.

— Сначала обещай, что в день свадьбы на твоих руках будет рисунок с птицами. — выкрикнула Мая, а Киран одобрительно закивала.

Понимая, что спорить бесполезно, Хиран кивнула, от чего все захлопали в ладоши, а она получила телефонную трубку.

Сверкнув сердитым взглядом на подруг, на что они показали ей языки, Хиран вошла в дом и вбежала по лестнице наверх. Быстро зашла в свою спальню и закрыла за собой дверь.

— Арун. — позвала девушка, приложив, наконец, трубку к уху.

От туда послышался знакомый смех, и мягкий голос друга успокоил волнение.

— Бедная моя, Хиран. Замучили тебя эти сумасшедшие индийские женщины. Значит птицы, да? Как ты? — спросил жених.

— Да нет, Арун. Все просто здорово. Давно в нашем доме не собиралось столько народа. Правда папа все время ворчит, но на самом деле он очень доволен. Они с твоим папой весь день сидят в кабинете и вспоминают свои студенческие годы, и то, как женились сами.

— Да уж. Это они могут делать бесконечно. Ты только последи, Хир, чтобы он курил поменьше.

Хиран засмеялась.

— Арун, с этим прекрасно справляется бабушка. Когда она их отчитывает, хохочет весь дом. А наши папы выглядят как нашкодившие школьники.

— Обожаю твою бабушку, Хир. Она генерал в сари, вот точно. Но ты так и не ответила мне, Хир. Как ты сама? Готова к отъезду? Эта неделя была просто сумасшедшей. Не хочу, чтобы, когда ты приедешь, меня отвлекали дела. Так что приходится работать вдвое больше. Еще неделя и ты будешь тут со мной. Уже соскучился по тебе, Хир.

— И я соскучилась, Арун. Тебя здесь очень не хватает. Иногда мне кажется, что все здесь абсолютно чокнутые. Особенно теперь. Нельзя по дому пройти, чтобы надо мной не подшутили.

Арун снова засмеялся. От этого смеха, Хиран и сама улыбалась.

— Тогда, хвала Богу, что я далеко.

Они поболтали еще немного о разных мелочах, а потом тепло попрощались. Этот разговор бы как многие другие, когда Арун звонил ей. Единственное отличие было то, что теперь они говорили о свадьбе. И не о свадьбе родственников или знакомых, а о собственной. И это приводило Хиран в смятение. Чем больше приближался этот день, тем беспокойнее она становилась. Иногда разговаривая об этом с подругами, или обсуждая свадебные приготовления с тетками, Хиран ловила себя на мысли, что ей кажется, словно это все ее не касается. А когда она осознавала, что это ее сари они ждут от портнихи для примерки, что это для нее, отец достал украшения ее матери, Хиран впадала в панику. И тогда ей хотелось закричать, чтобы все замолчали или просто выбежать из комнаты. А иногда было все совсем наоборот. На нее находила такая радость, что она хватала за руки подруг и кружилась по комнате. И от ее безудержного веселья начинали ворчать тетки, а бабушка качала головой.

* * *

— Красотка, тебе лучше пошевелиться, и одеться. Если через пять минут ты не встанешь с дивана, я выведу тебя, в чем мать родила. — усмехнулся Колин, вытирая влажные волосы после душа.

Он прислонился к косяку прохода, ведущего на крохотную кухню, и стал наблюдать, как стройная блондиночка неохотно выползает из-под простыни и нарочито медленно надевает трусики. Да и на нем самом было лишь полотенце, обернутое вокруг шеи и трусы боксеры. Но он не спешил одеваться, получая удовольствие, наблюдая за голой грудью девушки, которую та не спешила прикрыть.

— Почему мне нельзя принять душ? — капризно простонала она.

— Можно. Было можно двадцать минут назад, когда я разбудил тебя. А теперь у тебя только пять минут. Ты можешь сходить пописать. — снисходительно ответил Колин.

Оторвавшись от наблюдения за соблазнительными формами своей подружки, Колин подошел к шкафу и достал джинсы и черную футболку и натянул на влажное тело.

— Ты, когда-нибудь, перестанешь вести себя, как последний сукин сын, Тейт? — притворно дуясь, возмутилась Рут.

Она подняла с пола свое крохотное платье и надела, а лифчик подцепила наманикюренным пальчиком и бросила его Колину. Он, смеясь, поймал его и бросил в корзину для мусора на кухне.

— Вот засранец! — услышал он в свой адрес.

— Если ты не перестанешь так выражаться в моем доме, я вымою тебе рот с мылом. — вполне серьезно проговорил мужчина, взяв ключи от квартиры.

— Ты это серьезно? Боже! Ты говоришь сейчас как маменькин сынок.

— Ну, сочту это за комплимент, куколка. Моя матушка прекраснейшая женщина, и она очень строга к тому, что выходит изо рта людей. Такие выраженьица она считает грязью и борется с ними доступными средствами. Однажды она засунула кусок мыла в рот своему второму мужу заядлому рыбаку, за то, что он сказал, что улов был хреновым. Так что это не шутки, Рут. Не люблю, когда девушка выражается как уличная торговка.

— Ты лицемер, Колин Тейт. Сам ругаешься на каждом шагу, а читаешь мне лекции...

— Я мужчина. А ты вроде как леди. Хотя, черт возьми, я уже не так в этом уверен. Так что это разные вещи. — усмехнулся он.

— Да ты еще и шовинист? — выходя из квартирки, спросила девушка.

— Есть немного. И это тоже заслуга моей матушки. Она могла заставить своих мужчин есть мыло, полоть ее цветник и мыть посуду, но если ее спросить кто хозяин в доме и кто глава семьи, она однозначно ответить "Мужчина".

Спустившись в мастерскую, Колин распрощался с рут, пообещав позвонить ей поближе к выходным, а потом поднял гаражные ворота, тем самым начиная свой рабочий день.

На самом деле, Колин Тейт не был никаким сукиным сыном. По крайней мере, таковым себя не считал. Он не имел привычки обижать женщин. Даже таких распутных и прилипчивых как Рут. Просто он знал ее слишком хорошо, чтобы предвидеть любое ее поведение. Будь он более мягок с ней, он не смог бы выпроводить ее из своей квартиры еще часа два. Она бы до последнего перед ним задницей крутила. А мастерскую и гараж он открывал всегда вовремя. И этому научила его мать. И в отличии той лапши, что он навешал Рут о своей матери, эта была чистая правда.

Хотя и с этими историями про мыло он не совсем солгал. Рядом с домом, где он вырос жила женщина. И все дети округи не называли ее иначе, чем "матушка". Да и некоторые взрослые тоже. Это была добрейшей души женщина, которая считала, что сможет одарить своей любовью весь мир. Но и за уши оттащить она умела. Это маленький Колин прекрасно усвоил. А от нее мальчишкой он выслушал немало нотаций, но и вкусных пирогов с ее стола

съел не мало. Да и на ее диване он не раз спал, пока его мать оприходовал очередной кобель.

Он всему учился у "матушки" и ее трех, поочередно сменивших друг друга, мужей. И это были поистине счастливчики. А единственное чему научила его родная мать, так это хорошо прятаться, материться, и ровно в восемь утра приносить ей холодное пиво и сигарету. Опоздание каралось поркой. И так продолжалось пока Колину не исполнилось тринадцать. Именно столько было ему, когда его поймали за кражей в супермаркете. Он взял обычный набор. Пиво, сигареты.

Сейчас, вспоминая то время, Колин не испытывал ни сожаления, ни обиды на непутевую мать. Иногда он предпочитал думать о том Колине Тейте, как о постороннем мальчишке. Тот мальчишка о многом мечтал. О такой же матери как их соседка. О друзьях, которые умеют больше чем воровать и напиваться. Об уютном доме. Потом он мечтал об образовании и хорошей работе. Затем о собственной семье, где будет любимая жена и дети. Но это был тот Колин Тейт.

А Колин Тейт, который с ног до головы пропах бензином, научился радоваться тому, что имел. Он зарабатывал столько, чтобы не нуждаться. И жил так, чтобы не о чем не жалеть.

Он старался на нее не смотреть.

На протяжении всего времени, что шли переговоры, со шведскими представителями, Арун смотрел на кого угодно, только не на Эрику Бредли. Он все время ощущал ее взгляд на себе, и от этого мужчине хотелось зажмуриться. Не в состоянии сосредоточиться, он терял нить разговора, то и дело вынужденный переспрашивать и уточнять детали, что было весьма странно для владельца фирмы и инициатора данных переговоров. А еще он злился, что было ему вовсе не свойственно. Но сейчас, злость сопровождала его постоянно. Нет, он не злился на Эрику. Только на самого себя. Да и не могло быть иначе. Он сам загнал себя в ловушку, шагнул в нее, прекрасно зная, чем все это обернется.

Арун Джейдев, всегда считал себя сильным человеком, но однажды не смог устоять, и уступил своему желанию. Понимая, что совершает ошибку, проявил слабость, поддался искушению. Пустил в свою жизнь белокурую красотку, по имени Эрика Бредли. И если он думал, что сможет убрать ее с такой же легкостью, с какой впустил в свою жизнь, то глубоко заблуждался. И если он смог отгородиться от нее показным равнодушием и холодностью, то от себя не убежишь. Он по-прежнему желал ее с той же силой, как и в момент их первый близости. Как и прежде у него перехватывало дыхание от взгляда ее голубых глаз, в которых светилась любовь.

Переговоры все тянулись и тянулись, и Арун смог немного сосредоточиться, чтобы завершить их в свою пользу. Конечно, это была только маленькая победа, и предстояло еще много работы для каждого отдела в офисе и вне его, но первый рубеж был перейден. Может, постоянная занятость поможет ему забыть о женщине, которая вопреки всему стала для него важна. А он не мог себе этого позволить. Он не сумел это предотвратить, но просто обязан сделать все возможное, чтобы остановить катастрофу. У него больше нет права желать Эрику, не имеет права обладать ей.

Когда все разошлись и Арун остался в тишине своего кабинета, то надеялся, что ему станет легче дышать. Но из удушливого сплетения запахов мужского одеколona и женских духов, он немыслимым образом улавливал единственный аромат, присущей только ей одной, девушке, которая не отпускала его мыслей.

Чтобы избавиться от этого наваждения, он протянул руку и набрал номер, желая услышать голос Хиран. При мысли о его Хиран, Арун всегда чувствовал себя лучше. Она была как свет, мягкий, теплый, и тихий свет. Его милая, нежная и доверчивая Хиран. Любил ли он ее? Безусловно. Может она и не зажигала его кровь и не делала одержимым, но он любил ее. И был уверен, что точно так же будет любить ее и через десять, двадцать лет.

Как Арун и предполагал, разговор с Хиран успокоил его. В который раз убедился, что он все делает правильно. У него чудесная невеста, которая станет ему прекрасной женой и матерью их общих детей. Сам же он сделает все возможное, чтобы его Хиран была счастлива и чувствовала себя любимой. Он оступился, и от этого не уйдешь. Но он не позволит этому коснуться его невинной девочки. А для этого он должен перебороть себя.

Чтобы вновь не вернуться мыслями к запретной теме, Арун попытался представить себе Хиран. Ее черные как ночь волосы, карие, сияющие теплотой глаза. Ее нежную улыбку. Он понимал, что и она волнуется перед их свадьбой. Да и впереди у нее испытание переездом в чужую страну. Знал, что на первых порах он должен приложить максимум усилий, чтобы

облегчить ее жизнь. Помочь освоиться и привыкнуть. И он должен...

Лампочка на селекторе замигала, и Арун нажал на кнопку.

— Мистер Джейдев, в приемной мисс Бредли. По личному вопросу. — деловым тоном сообщил его секретарь.

— Спасибо, Стив. Мисс Бредли может пройти.

Арун позволил себе на пару мгновений прикрыть глаза, потом встал с кресла и подошел к большому окну, открывающему вид на Нью-Йорк. Подтянул узел галстука, который немного распустил после переговоров, словно это могло сделать его более уязвимым. Он слышал, как открылась и закрылась дверь, почувствовал новую волну сладкого аромата жасмина. Спрятав руки в карманы брюк, Арун повернулся к девушке, за момент до того, как она позвала его по имени.

— Арун, я...

— Ты не должна была приходить. — сказал он спокойно, хоть это и давалось с большим трудом.

— Я не могла не прийти. — просто ответила девушка и отвернулась.

Пользуясь возможностью, Арун жадно окинул взглядом стройную фигурку Эрики. Ему нравилось, что она не была худышкой. Ее фигура была идеальной. Не переходя в полноту, ее формы были плавными и соблазнительными, и он сходил с ума от одного лишь взгляда на девушку, что сейчас, он это знал, пыталась не заплакать. Это ранило его. Арун понимал, как тяжело этой сильной самостоятельной личности, стать такой уязвимой. Он не хотел причинять ей боль.

— Я знаю, что сама виновата. Я обещала... Ты с самого начала все мне рассказал, но я думала, что...

— Что ради тебя я передумаю. Я мог бы, Рик. — устало вздохнул Арун. — Но не могу.

— Я понимаю, но...

— Нет. Не понимаешь. Но я тебя не виню. Я не должен был все это начинать.

Девушка повернулась, в ее глазах стояли слезы.

— Я тоже этого хотела. Я и сейчас этого желаю всем сердцем! — с горячностью воскликнула Эрика. — Почему ты такой? Словно и не ты. Ты стал такой чужой, холодный. Ты даже не смотришь на меня. Это все так отвратительно! Я чувствую себя какой-то мерзавкой, которая соблазнила чужого жениха, но так не должно быть! Ведь это не так!

Видя, что Эрика дрожит, Арун, не осознавая, сделал пару шагов к ней, но остановился. Если он ее коснется, разве сможет потом отпустить.

— Ну, зачем ты мучаешь себя? Мы уже об этом говорили, не заставляй меня делать это снова. Я не могу иначе, Рик. Мы не можем иначе. Мы совершили ошибку. Думали, что легко сойдемся, легко и разойдемся. Ну что же. Я должен был быть умнее. Ты ни в чем не виновата. Я мог бы уберечь тебя от всего того, что сейчас происходит, но не смог. Я не знаю, что мог бы сделать для тебя, чтобы тебе было легче...

— Просто, будь со мной. — тихо прервала его Эрика, не отводя своих глаз, заставляя Аруна тонуть в их голубой глубине.

— Все кончено, Рик. На следующей неделе приедет моя невеста. А еще через пару недель мы поженимся. Других вариантов нет. — твердо произнес Арун и, не выдержав больше тоски, что вцепилась в него мертвой хваткой, вновь отвернулся к окну.

Он желал, чтобы Эрика ушла. Но еще больше он хотел подойти, притянуть ее к себе и целовать, пока не забудет обо всем на свете. Он хотел бы до одури вдыхать ее аромат, такой

же сладкий, как она сама. Пропустить сквозь пальцы мягкий шелк ее светлых волос. Он знал, что от природы ее волосы имели слегка рыжеватый оттенок, но он не нравился Эрике. И она подкрашивала их более светлым оттенком. Она могла избавиться от натурального цвета волос, но не могла избавиться от едва заметных под пудрой веснушек. Но Аруну была знакома их россыпь на носу. Они слегка тронули и щеки, и соблазнительно расположились на груди.

Он сойдет с ума, если она не уйдет сейчас же! Горло перехватило, когда он произнес:

— Мне нужно работать. Тебе лучше уйти.

Эрика всхлипнула. Он вздрогнул, мысленно умоляя ее уйти.

— Но, я люблю тебя, Арун.

О Господи! Арун резко обернулся. Эрика стояла, расправив плечи. Но она и не могла иначе. Он не хотел, чтобы она умоляла и унижала себя. Но она и не могла себя унижить. Она признавалась ему в любви с тем же достоинством, с каким могла бы носить корону. Она просто сказала то, что чувствовала, открыто и прямо, и этим убивала его. Все это было невыносимо.

— Не надо, Рик. — тихо сказал Арун. — Не делай этого со мной. Не делай этого с собой. Я не могу. Мы оба знали, что все закончится. Пришло время поставить точку, Рик. Я почти что женат. У меня нет права идти на попятную. Это не просто обещание. Это моя жизнь, Эрика. Я уже тебе объяснял. Отказаться от Хиран, значит отказаться не только от нее. Это означало бы оскорбить ее и моих родителей. И даже если бы я мог пойти против родственников и традиций, я не могу так поступить с Хир. Ты не представляешь, что значит в моей стране, по крайней мере, в наших семьях, если жених отказывается от невесты. Это больше, чем просто расторжение помолвки. Хиран этого не заслужила. Я обещал ее отцу и ей, что буду заботиться о ней и ее благополучии. Теперь это моя жизнь. Теперь Хиран — это моя жизнь.

— Ты прав. — с горечью в голосе произнесла Эрика. — Ты обещал. А мне ты ничего не обещал...

— Рик. — не сдержавшись, и прикоснувшись кончиками пальцев к щеке девушки, сказал Арун. — Прости меня.

Девушка позволила одной слезинке пробежать по щеке, и Арун поймал ее большим пальцем. А уже в следующую секунду Эрика отвернулась. Мужчина опустил руку и отошел на шаг назад.

— Всего доброго, мистер Джейдев. — выдавила из себя Эрика и направилась к двери.

Арун смотрел ей вслед, и продолжал еще смотреть на дверь, когда та закрылась за девушкой. Он все делал правильно. Разве у него есть выбор? Разве мог он поступить иначе? Нет. Просто должно пройти время, чтобы все успокоилось.

Весь остаток дня, Арун повторял это себе снова и снова. Но это не помогало. Ему казалось, что как бы он не поступил, это станет катастрофой.

Оно было прекрасным! Может быть, Хиран была предвзятой, в этом отношении, но все равно считала, что ее свадебное сари было самым красивым. Сама не понимая почему, Хиран захотелось остаться одной, а не в окружении стайки щебечущих подруг и восхищенно ахающих тетушек. Она хотела взять в руки тяжелую ткань и почувствовать пальцами объемную вышивку, золотой нитью. Поиграть светом, отражающимся в гранях камней, рассыпавшихся словно звезды, на дорогой ткани. А потом расправить сари и ощутить его тяжесть и значимость. И взять в руки кофточку чоли, повторяющую орнамент вышивки на сари. Рассмотреть каждый элемент, нашитый вручную, украшенный зеркальным стеклярусом.

От великолепия ее свадебного наряда, Хиран едва не заплакала. Но вовремя опомнилась и прикусила щеку изнутри. Если она прольет хоть слезинку, вопросам и излишней заботе тетушек не будет конца. Поэтому, она позволила себе лишь провести ладонью по наряду, а потом нашла глазами бабушку. Та смотрела на нее, а не на сари. И в ее глазах было понимание. А Хиран кивнула на великолепный наряд, словно говоря бабушке, вот видишь, я же обещала, что оно будет красным.

Хиран, не в силах сопротивляться, снова посмотрела на свадебное сари. Она слышала, как Мая и Киран уговаривают принести украшения и посмотреть, как все это будет смотреться вместе. А одна из теток с благоговением вздохнув, сказала о том, как восхищен, будет жених. Хиран машинально кивала на все их утверждения, и почти не понимая вопросов, что-то отвечала.

— Хиран, дочка, померяй. — Умоляюще произнесла тетя Тулси. — Как жаль, что в то время, когда я выходила замуж, такую красоту еще не делали.

— Чудесно! — воскликнула Мая и от ее хлопка в ладоши Хиран вздрогнула. — Ну, что ты стоишь, как вкопанная! Ты превратилась в статую богини? Или уже о брачной ночи замечталась? Ну, померяй же, Хиран!

— Ах ты, бесстыдница! Давно пора тебя выдать замуж, да за такого, который научил бы тебя манерам! — проворчала бабушка, на самом деле, нисколько не сердясь на Маю. — Этот колледж испортит тебя, видит Бог. Твой отец еще наплачется с тобой.

— Бабушка, я же пошутила. Ну, Хиран! — чуть ли не подпрыгивая на месте, настаивала подруга. — Померяй! Давай же!

И одна за другой все женщины в комнате присоединились к Мае. А Хиран захотелось убежать. Это было очень глупо. Она мерила это сари много раз, пока подгоняли по фигуре чоли и паваду*, но сейчас от мысли о примерке, Хиран охватила дрожь. Она чувствовала себя так, словно ее просят померить чужое сари. Так бывало уже не раз, когда она не могла поверить, что все это происходит с ней. Но такой паники она еще не испытывала. Ни разу Хиран еще настолько сильно не чувствовала неотвратимости грядущего события. И нестерпимо захотелось, чтобы Арун был рядом и снова пообещал, что все будет хорошо. Что они непременно будут счастливы. Ну, конечно же, будут! Ведь это Арун! Лучший жених на всем белом свете. Красивый, добрый, умный. Такой серьезный и строгий в один момент, а в другой нежный и заботливый. Он сказал, что любит ее, и Хиран поверила ему. Он никогда ее не обманывал. И она знала, что тоже любит его. Ей нравилось, когда он обнимал ее, целовал в висок или щеку. А перед своим отъездом, после помолвки, он увлек ее в сад, прижал к

себе, и коснулся губами ее раскрытых от волнения губ.

Хорошо, что, не добившись от Хиран согласия немедленно примерить сари, на нее перестали обращать внимания, и переключились на принесенные кем-то из тетушек украшения. Потому что Хиран чувствовала, как покраснели ее щеки от воспоминаний о том поцелуе. Хиран не была невеждой. Они с подругами ходили почти на все премьеры фильмов. Она сотни раз видела поцелуи в кино, да и иногда замечала не стесняющихся публики, целующихся парочек в Дели, да и довольно откровенные сцены в фильмах теперь не такая уж редкость. Но сама она никогда не целовалась. И этот быстрый поцелуй, в тени деревьев и в окружении цветов, стал для нее особенным.

Арун держал ее за руку одной рукой, а второй привлек Хиран к себе. Его карие глаза, переполненные нежностью, притягивали и успокаивали. Арун погладил пальцами ее щеку, улыбнулся. Пообещал, что скоро они увидятся, и попросил не волноваться ни о чем. А потом наклонился и поцеловал ее. Он только на пару секунд прижался к ней губами, а потом отстранился, но не выпустил из объятий. Хиран от смущения не знала куда смотреть. Тогда Арун взял ее за подбородок, поймал ее взгляд и тихо рассмеялся. Но смех его был с оттенком грусти.

— Все будет хорошо, моя милая. — Сказал он, и повел ее к дому.

Как жаль, что Арун был сейчас далеко. Он непременно нашел бы правильные слова.

Словно очнувшись ото сна, Хиран снова слышала смех подруг, они подшучивали над ней, что если бы у нее не были открыты глаза, то они подумали бы, что Хиран спит. А тетя Тулси спорила с Киран о количестве украшений, которые должны быть на невесте. Тетя утверждала, что чем больше, тем лучше, а подруга твердила, что так уже не в моде и это не современно.

И когда спустя двадцать минут этой говорливой толпе все же удалось убедить Хиран примерить свадебное сари, она немного успокоилась и даже смогла включиться в спор про украшения. Стоя на низенькой скамеечке, чтобы всем было лучше видно, она потихоньку крутилась, давая рассмотреть одетый наряд. Все с восхищением смотрели на Хиран, кто-то даже утирал слезы умиления.

И только бабушка не улыбалась и не радовалась. Она с печалью смотрела на внуку, и Хиран казалось, она видит что-то, что никому не ведомо. И от грусти, что читалась в каждой морщинке на лице бабушки, Хиран становилось не по себе.

* * *

Колин ненавидел, когда приходя домой после работы, обнаруживал, что холодильник пуст. И он вынужден был решать, что делать дальше. Отправиться в ближайший магазин или еще лучше в пиццерию, или довольствоваться сухим печеньем и отвратительным кофе, которое он никогда не умел варить. Но сухое печенье он ненавидел еще больше, чем кофе собственного приготовления. Поэтому зачастую, выбор останавливался на магазине, или как сегодня на пиццерии. Проглотив очередной кусок мясной пиццы, Колин запил все это колой. И единственное, что он хотел на данный момент, это оказаться в своей крошечной квартирке и лечь спать.

Неделя выдалась тяжелой, и какой-то изматывающей. И даже завтрашняя суббота, ставшая традиционной, встреча с друзьями, не воодушевляла его. Он сам предложил парням собраться у него, но теперь, пожалуй, предпочел бы просто вывести свой байк, и прокатиться по городу. Но это только завтра, и может его настроение изменится. А пока он наслаждался горячей пиццей и колой.

С тех пор как его, пойманного на краже в супермаркете, привезли в полицейский участок, Колин Тейт полюбил пиццу. Это событие стало для него первым переломным моментом в жизни. Он тогда, может и не сразу, но понял, что собственная жизнь, это не то, чем стоит пренебрегать. И что вместо того, чтобы идти наверх, он катиться вниз. Скатывается именно к той жизни, которую ненавидел. Его мать была распутной бабой, отец вообще неизвестен, по крайней мере, самому Колину. Сам же он считал, что оплеуха единственная ласка, возможная от матери. Но когда его забрали от родной матери и отправили в приемную семью, его жизнь изменилась.

Он прекрасно помнил, как у него урчало в животе, и кружилась голова от аромата пиццы на столе в участке, пока тучный мужчина в форме заполнял протокол, задавая идиотские вопросы. Отвечая на них, Колин ненавидел и этого полицейского, и собственную мать, да и вообще весь чертов мир. Но еще сильнее мальчик ненавидел страх и голод. А еще, Колин помнил, каким потрясением стало для него то, как с трудом поднявшись с места, из-за огромного живота, инспектор подошел к столу, и, отделив большой кусок ароматной пиццы, протянул его Колину.

Мальчик хотел бы найти в себе силы отказаться, но не смог. Он взял предложенный кусок, и стал есть, вгрызаясь в тонкое тесто и сочную начинку зубами, даже забыв поблагодарить. Но на суровом лице служителя закона не появилось осуждения. Он лишь заметил, что так недолго и подавиться, а затем предложил колы. На этот раз, Колин вспомнил одно из наставлений "матушки", которой уже год не было в живых, и с полным ртом пробормотал "Спасибо".

Инспектор кивнул, а потом произнес: "Не за что, сынок".

И Колин Тейт расплакался.

* * *

Сытым, было куда приятнее возвращаться домой. По привычке, Колин еще не успев разуться и снять куртку, нашел пульт и включил телевизор. Признаться, он мог за весь вечер так ни разу и не взглянуть на экран, но ему нравилось, что своей болтовней, телевизор служил фоном для рутинных забот. Хотя, единственной заботой Колина на данный момент, было принять душ и лечь спать. Но, уже направляясь в ванную комнату, Колин увидел мигающую лампочку на автоответчике. Ставив с плеч футболку и откинув ее на диван, он нажал на кнопку, чтобы прослушать запись.

На это не потребовалось много времени.

Разочарование кольнуло, как надоедливый комар. Видимо ему не придется выбирать, чем заняться завтра. А вот что ему придется сделать, так это встать пораньше, захватить свои водительские права и отправиться в деловую часть города Нью-Йорк. Потому что у его единственного друга, который был из прошлой жизни, есть просьба. А ему он отказать не мог. По сути, это был единственный человек, которому Колин не мог отказать. Он был единственный, кто допускался в новую, тихую жизнь Колина Тейта. И этим человеком был Арун Джейдев.

*** Сноски:**

Павада (павадаи) — узкая юбка, которая надевается под сари.

Чоли — короткая кофточка, с короткими рукавами и глубоким декольте, одевается под сари.

Войдя в вестибюль «Джейдев Тейтон Индастрис», Колин несколько секунд наслаждался прохладой, которая контрастировала с пеклом на улице. К тому же костюм, хоть и безумно дорогой, был не самой комфортной одеждой для летней жары. Сегодня были бы в самый раз его привычная футболка и джинсы, но с этим придется повременить. Понимая, что сегодня будет один из тех дней, которых он старался избегать, Колин направился в сторону лифтов.

— Доброе утро, мистер Тейт. — улыбаясь на сто мегаватт, поздоровалась блондинка на ресепшине.

— Кэрол! — кивнул Колин, подойдя ближе, хоть ему хотелось скорее убраться из многолюдного вестибюля. — Ты украшение компании. Надеюсь, мы доплачиваем тебе за это? — и, дождавшись ее кокетливого смеха, продолжил: — Надо это решать скорее, пока тебя не переманили. Уверен, если мы тебя потеряем, половина служащих уйдет за тобой.

— Мистер Тейт! Вы неисправимы! — махнула она наманикюренной ручкой, даже умудрилась изобразить смущение.

Это была их обычная игра. Ничего необычного. Так что Колин, подмигнув, отправился к лифту для руководителей и их заместителей. К счастью, к этому времени практически все были на местах, и поднимался Колин в одиночестве, что не могло не радовать. Меньше всего, он хотел бы разговаривать, и отвечать на вопросы. К сожалению, совсем избежать встреч не удалось и пришлось несколько раз останавливаться, пожимать руки мужчинам, делать в своей обычной манере комплименты женщинам, и даже пару раз поинтересоваться здоровьем родителей и успехами детей в школе. Когда-то все это было каждодневным ритуалом, необременительным и даже приятным. Но теперь, оказавшись, наконец, в главном офисе, он испытал облегчение, когда двери за ним закрылись.

Арун поднялся навстречу. Они коротко обнялись, хлопнув друг друга по спине. И это был, пожалуй, единственный ритуал из прошлого, не вызывавший раздражения. Арун терпеливо подождал, пока Колин снял пиджак, ослабил галстук, а затем направился к бару. Правда из всего многообразия напитков, Колин взял лишь воду, и, не позаботившись о стакане, глотнул прямо из горлышка.

Когда с жаждой было покончено, Колин сел в кресло, напротив кресла Аруна во главе стола. Но Арун не вернулся на свое место, а сел рядом с другом в соседнее кресло.

— Ну, что же. — кивнул Колин. — Я готов. С кем я должен провести переговоры? Вводи в курс.

Это было не таким уж необычным делом. Как правило, Арун его не беспокоил, но иногда, он просто физически, был не в состоянии сам справиться со всеми делами. И некоторые из них не мог доверить заместителям. Тогда, он звонил Колину. И тот полагал, что сегодня один из таких случаев. Поэтому его насторожило, когда Арун покачал головой, а в его лице он смог угадать озабоченность. Это было не свойственно Аруну Джейдеву, умеющему сохранять самообладание, в любой ситуации. Только в отношении нескольких случаев он мог проявлять эмоции. И Колину не составило труда понять, в чем дело.

— Что-то с семьей, Джей? — спросил Колин.

Друг вскинул бровь, и усмехнулся. Хотя и не проявил удивления.

— С семьей все хорошо, Кэл. Но у меня к тебе просьба. Причем, довольно необычная. И она как раз связана с семьей. Ты, я думаю, не забыл, что я скоро женюсь.

Такое вряд ли забудешь, тем более обстоятельства, при которых должен был жениться друг. Колин и так был настроен не очень позитивно в отношении браков, если учитывать его собственный брак, а уж о предстоящей свадьбе Аруна ничего хорошего сказать не мог. Но он так же знал, чего, а вернее кого, стоит эта свадьба другу, и поэтому воздержался от озвучивания своего отношения к предстоящему мероприятию. К тому же Арун и сам знал, что сам Колин думает обо всем этом. Было видно, что Аруна все это не на шутку измотало. Таким усталым он давно его не видел.

Колин даже на секунду ощутил чувство вины, за то, что все дела переложил на друга. Но это было мимолетным чувством, не имеющим под собой оснований. Так было лучше для всех, хотя Арун до сих пор был с этим не согласен.

— Надеюсь, — пытаюсь немного разрядить обстановку, сказал Колин. — ты не хочешь, чтобы я нарядился в этот твой длиннющий странный пиджак, и, выдавая себя за жениха, взял в жены твою индийскую принцессу.

Арун оценил. Даже улыбнулся. Колин видел, как немного расслабились его плечи. Но полностью напряжение не ушло.

— Шервани. Наряд называется шервани. И, если бы только это было возможным.

— Джей. Зачем все усложнять? Неужели нельзя найти выход? Сейчас двадцать первый век, черт возьми. Ты один из самых успешных людей в штатах, а следуешь каким-то средневековым традициям. К тому же, Джей, ты всегда утверждал, что твоя Хиран умная добрая девушка. И что вы очень привязаны друг к другу, так неужели она не поймет...

— В том-то и дело, что поймет. А ее семья нет. И моя семья тоже. И, Кэл, я уеду, а она останется. Невеста, отвергнутая женихом накануне свадьбы. Это скандал, Кэл. И он скажется на ней больше, чем на мне. А я слишком люблю ее, чтобы так поступить с ней. Ты просто не знаешь ее, друг. Я уверен, что если приеду и скажу, что не хочу жениться, она не станет злиться на меня. Она поймет. Но поймет не так, как могла бы понять другая девушка. Она будет думать, что не достойна меня. Что я отказался от нее потому, что не считаю ее достойной стать моей женой. И точно так же будет считать ее семья. Как ты думаешь, легко ей там будет?

— Это невыносимо. Но почему не сказать правду? Если вы друзья? Скажи, что встретил другую. Скажи...

— Ты серьезно? — горько усмехнувшись, Арун встал с кресла и подошел к окну. — Сказать невесте, что жених полюбил другую? Мы друзья, да. Но в первую очередь она девушка. Уже невеста, которая росла со знанием, что когда окончит колледж, мы поженимся. У нее не было возможности ходить на свидания и вечеринки. Потому что это не имело смысла. Она всегда была моей невестой и никогда не позволяла себе лишнего. А я... Это моя вина. Не ее. Я повел себя как кобель. Я знал, что совершаю ошибку, и все равно не сумел устоять.

Колин какое-то время молчал, не зная, что сказать. Да и стоило ли что-то говорить. Не сказать, что он понимал друга, но уважал его приверженность традициям, преданность своей культуре и семье. Колин знал о невесте друга еще с тех пор, как они вместе жили в студенческом общежитии. Тогда он часто смеялся над Аруном, когда они вдвоем приводили красоток студенток в свою комнату. Но сейчас было не до смеха. Да и женщина, от которой приходится отказываться другу, значила для него куда больше, чем подружки, что прошли через их постели.

— Так что я могу сделать для тебя? — спросил Колин, понимая, что переубедить друга

все равно не получится.

Арун вернулся и сел обратно в кресло.

— Понимаешь, Хиран впервые выезжает за пределы Индии. Да что уж говорить, она и в Индии мало где бывала. Однажды я отвез ее в Дели, и это для нее было большим впечатлением. А поверь, Кэл, Дели и Нью-Йорк как небо и земля. Я хотел бы по максимум облегчить ей переезд, но сейчас очень напряженное время. Я и так работаю больше обычного, чтобы выкроить для Хиран время, когда она приедет. Но, к сожалению, я не могу совсем отойти от дел. По крайней мере, пока идет расширение производства. Да ты и сам знаешь.

У Колина перехватило горло. Он готов был ради друга практически на все. Даже переступить через себя и вернуться к делам. Если Арун попросит, то Колин это сделает. Но это не значило, что данная перспектива его радовала.

— Кэл, ты бы видел выражение своего лица сейчас. — хохотнул Арун, хлопнув друга по коленке. — Я знаю, о чем ты думаешь. Но ты не прав. Я не стал бы просить тебя вернуться. Но моя просьба тоже не из легких. Я прошу тебя присмотреть за Хиран.

Сначала, Колин думал, что ослышался. Но Арун кивнул, словно подтверждая правдивость просьбы. Что же, этого он ожидал меньше всего. Не скрывая своего удивления, Колин провел рукой по волосам. Потом вновь посмотрел на друга.

— Лучше бы ты отправил меня на переговоры, дружище. — выдохнул он, пока не зная как реагировать на подобную просьбу.

— Знаю. Но это важнее.

— Что конкретно ты хочешь? Что значит, присмотреть за ней?

— Сам не знаю, Кэл. Наверняка она будет что-то покупать к свадьбе. А когда мы присмотрим дом, то и для дома тоже. Она не знает город, и к такой суете и движению наверняка не готова. Я не могу доверить ее никому постороннему. Да и не понравится ей, что рядом с ней будет кто-то чужой. А ты мой друг. Я доверяю тебе. И она знакома с тобой, хоть и заочно. Я хочу знать, что с ней все в порядке. Кэл...

— Арун, ты хочешь, чтобы я был ее водителем? — все еще в недоумении переспросил Колин.

— Не совсем так. Я хочу, чтобы ты присмотрел за ней.

— Я должен ее охранять?

— Ну не так категорично. Но... Да.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что хочешь нанять меня водителем и телохранителем для своей невесты?

— Нет! Ты спятил? — возмутился Арун. — Вот еще! Другая работа? Никогда! Я все еще надеюсь, что ты останешься без своего гаража, и ты в отчаянии вернешься обратно.

Колин облегченно откинулся на кресле.

— Тебе повезло, друг. Потому что я уже готов был врезать тебе по зубам. Но я все еще не понимаю. Почему бы тебе не нанять профессионалов, Джей? Я не тот, кто тебе нужен и тем более не тот, кто нужен твоей невесте.

— Мне не нужны профессионалы. Мне нужен именно ты. Я не хочу пугать ее, Кэл. Как ты думаешь, она почувствует себя спокойно, если я приставлю к ней двух амбалов. Но оставить ее одну я не могу. И не хочу, чтобы она сидела дома, пока я работаю, дожидаясь меня. Она захочет посмотреть город, пройтись по магазинам.

— А разве она приедет одна? Неужели никто не сможет побыть с ней тут, хотя бы до

свадьбы?

— Они прилетят за пару дней до свадьбы. Не раньше. На днях должен родиться ребенок у одной из ее троюродных сестер, поэтому, они не могут быть с Хиран. А ее подругам вряд ли разрешат лететь в Америку одним. Она могла бы остаться в Индии до свадьбы. Но нам нужно выбрать дом. Я не могу привести жену в свою холостяцкую квартиру, в которой... Это слишком для меня, для Эрики. Так что ты нужен мне, Кэл.

Это была бредовая идея. И Колину она не нравилась. Но он не мог отказать человеку, который был его единственным близким человеком. Другом ни разу не предавшим его и не отвернувшимся от него, даже тогда, когда Колин сам себе был отвратителен.

— Ладно, Джей. Посмотрим, что из этого получится. Но предупреждаю, что не стану одевать костюмы и изображать дебила с каменной физиономией.

Было видно, что Арун рад его согласию. Но это скорее была радость от быстроты капитуляции, а не от полученного результата. Арун знал, что Колин не откажет. Точно так же, как не отказался бы сам.

— Никаких костюмов. Договорились. Но могу я рассчитывать, что ты не станешь ее катать по городу на своем байке, а ограничишься машиной?

— Можешь, Джей. Но не думай, что я не попытаюсь ее на это подбить.

— Хотел бы я на это посмотреть. — усмехнулся Арун. — Если когда-нибудь Хиран сядет на мотоцикл, я обещаю отдать тебе все, что ты ни попросишь, Кэл.

— Давно заглядываюсь на твою яхту, Джей. Так что придется постараться.

— У тебя нет шансов.

— Шанс есть всегда. Тем более на кону твоя ласточка. Но может, я придумаю что-то еще. Что тебе не захочется отдавать. Хочу посмотреть, как ты будешь рыдать.

— Не обольщайся. — засмеялся друг, на минуту сбросив с себя озабоченность, и став похожим на того, кем они были в годы своего студенчества.

На какое-то время они замолчали. Они оба знали, что если бы Колин захотел, то смог бы и сам иметь яхту, и все что пожелает. Но он никогда не стремился к показной роскоши, хоть и любил достаток. Ему нравилось хорошо одеваться, иметь автомобиль и огромную квартиру, которую он купил, когда решил жениться. Тогда он позволил себе жить роскошной жизнью, чтобы дать женщине, которую любил, все и только самое лучшее. Он думал, что добился всего, чего желал. Из оборванного мальчишки, ворующего в супермаркетах пиво и сигареты, он превратился в преуспевающего бизнесмена. Только он забыл, что, сколько бы денег он не заработал, сколько бы машин и яхт не купил, он навсегда так и останется сыном алкоголички и шлюхи. А отец, о котором он когда-то ничего не знал, и о котором он узнал вскоре после свадьбы, окажется, отбывающим свой срок, насильником. Все, к чему он так долго шел, и все, что уже было в его руках, исчезло. И разве мог он кого-то в этом винить.

Это было ошибкой. То, что она приехала сюда, было большой ошибкой. К чему лишний раз мучить себя, когда и так каждый день, словно рассыпаешься на части. Неужели мало того, что она просиживает час за часом и смотрит на телефон, ожидая его звонка.

Но он сказал, что больше не придет и не позвонит. А Арун всегда держал свое слово.

Эрика, сидя в прохладном салоне автомобиля, разрывалась между желанием уехать и, садисткой потребностью, остаться и увидеть невесту Аруна своими глазами. Пока она ехала, то трусливо надеялась, что пробки не позволят ей приехать вовремя. Но потом только поняла, что вышла из дома гораздо раньше, чем было необходимо. Так что она приехала в аэропорт раньше, чем было необходимо.

Эрика достала из сумочки солнечные очки и спрятала за ними покрасневшие глаза. Нет, не от слез. Она уже не плакала. Просто долго не могла уснуть, словно физически ощущая приближение того дня, когда невеста Аруна перестанет быть кем-то далеким, и казавшимся эфемерным созданием, а станет реальным человеком, той, которая станет женой ее Аруна.

Нет! Прервала себя Эрика. Не ее. Он никогда ей не принадлежал. Он был с ней не определенных условиях. Она сама согласилась, сама приняла их, а теперь пожинает плоды своей глупости. Как она могла быть такой душой, если полагала, что сможет легко отпустить его. Арун Джейдев никогда не был ее. Он всегда был предельно честен с ней. И как легко было забыть, что его жизнь связана с другой. Что обещания, которые дает, он выполняет, даже если это причиняет боль. Как легко было поверить, что он никогда не уйдет, пока его рук обнимали и ласкали ее.

Но, может быть, Эрике было бы легче поверить в невозможность их совместного будущего, если бы она увидела, что безразлична ему. Но она видела, что это не так. Она помнила горечь и сожаление в глазах Аруна, нежность и желание, каждый раз, когда он смотрел на нее. И пусть это было всего лишь мгновения, а потом выражение его лица вновь становилось непроницаемым, Эрика знала, что Аруну тоже больно.

Первую неделю после их разрыва, Эрика злилась на него и про себя обозвала трусом, который биться пойти против семьи, ради своей любви. Но теперь понимала, что надо обладать силой, чтобы делать то, что делает он. Ведь Арун может получить практически все, что пожелает. Но, как он сам однажды сказал ей, вынужден отказаться именно от того, чего желает больше всего.

Она помнила их последний вечер и ночь. Они почти не разговаривали, и так зная, что это конец. Утром Арун должен был лететь в Индию, где через пару дней состоится его помолвка. Она сказала, что любит его. Он закрыл ей рот поцелуем. Это была сладкая ночь. А потом наступило горькое утро.

И теперь она дрожащими пальцами сжимала руль, пытаясь набраться смелости, чтобы выйти из машины. Может, это и было безумием, приехать сюда, но она должна была это сделать. Потому что, несмотря на ясность ситуации, все равно каждый день наделась на то, что все можно изменить. Она должна увидеть невесту Аруна. Пусть боль станет такой сильной, чтоб больнее уже было невозможно. И кризис минут. Тогда, она надеялась на это, можно будет идти дальше. Эрике не нравилось женщина, которой стала. Всегда была сильной, уверенной и смелой, а последние недели только и делала, что жалела себя и плакала, а потом ненавидела ту другую, сама стыдясь своих чувств.

Посмотрев на золотые часики, Эрика поняла, что пора принять решение. И Эрика, боясь все же передумать, покинула салон автомобиля. Когда она оказалась в аэропорте, уже объявили посадку самолета компании «Indian Airlines» рейса Дели — Нью-Йорк. У нее еще было время, чтобы затеряться среди встречающих.

Арун был один. В светло сером костюме и белоснежной рубашке, он казался Эрике самым красивым мужчиной. Он был без галстука, чисто выбрит, а глаза были скрыты за темными очками. Эрике не нужно было видеть их, чтобы вспомнить их темную глубину.

Сердце заколотилось в два раза быстрее, а каждая жилка в ее теле словно задрожала от волнения. Как же хотелось подойти близко-близко, прижаться к этому красивому, такому любимому мужчине и услышать от него, что все будет хорошо. В какой-то момент, словно почувствовав ее взгляд, он повернулся в ее сторону. Из-за очков невозможно было понять, заметил ли он ее и смотрит ли на нее сейчас. Эрика немного отвернулась, обвиняя себя в непроходимой глупости. Она совсем лишилась разума, когда приехала сюда, но если Арун ее заметит, это будет унизительно. Меньше всего она хотела быть в его глазах чокнутой, влюбленной дурочкой, преследующей его.

Наконец-то, решившись вновь посмотреть на любимого, Эрика обнаружила, что он вновь смотрит на проход, откуда должны были выйти прибывшие пассажиры рейса. Арун успел снять очки. А когда появились пассажиры, от Эрики не укрылось, как нетерпеливо Арун стал высматривать свою невесту. Неприятное чувство ревности, тлевшее уже несколько недель, стало разгораться сильнее. Она втянула воздух через нос и медленно выдохнула, стараясь сдержать слезы. Но это было непосильной задачей.

Уже через минуту, она увидела радостную улыбку Аруна, и черноволосую красотку, что впорхнула в его раскрытые объятия. И даже сквозь пелену слез, Эрика рассмотрела, как любимый наклонился и поцеловал девушку в макушку, а она еще крепче прижалась к его груди, обнимая его за пояс, руками с множеством цветных браслетов. Эрика будто прироста к месту и, закусив губу, продолжала смотреть на эту встречу. Арун, наконец, отступил на шаг от девушки, обхватил ладонями ее лицо, и та посмотрела на него. Еще раз, коснувшись губами ее лба, Арун взял небольшой чемодан одной рукой, а другой приобнял невесту за плечи и повел к выходу. А Эрика продолжала стоять, и чувствовала, как рассыпается на части. Вокруг нее было много людей, они обнимались, пожимали друг другу руки, смеялись и сияли от счастья. Разные голоса слились в один монотонный гул, который резал слух, и Эрике захотелось зажать уши. Она молила сейчас только об одном, чтобы ей хватило сил добраться до машины. Она сделала шаг и покачнулась, даже успела смириться, что сейчас с позором упадет.

Но этого не произошло. Сильные руки поддержали ее, обхватив за плечи. Эрика повернулась, чтобы поблагодарить того, кто помог ей, но увидев своего спасителя, только жалобно всхлипнула. Мужчина прижал ее к себе, и это было таким нужным ей сейчас.

— Ну, тише. — сказал он, и погладил ее по волосам, скрытым шелковым платком. —

Тише, милая. Не надо.

— Он заметил меня, да? — не смея поднять глаза, отчаянно спросила Эрика.

— Что я могу сделать?

Ничего. Ничего уже не сделаешь. Она действительно его потеряла. Потому что Арун любил эту девушку. Да, их связывала дружба, но он ее любил.

— Отвези меня домой, Колин. Пожалуйста...

Ничего не сказав, Колин повел Эрику к ее машине.

Впервые за время их недолгой помолвки с Аруном, Хиран забыла о сомнениях и страхах, предстоящего замужества. Приятное волнение и приподнятое настроение не покидало ее с того самого момента, как она увидела жениха, встречающего ее в аэропорте. Своими объятиями он прогнал все напряжение последних дней.

Его глаза светились радостью и теплом, и Хиран отбросила все сомнения. Каждым словом и жестом он показывал, что рад видеть ее. А потом они ехали по Нью-Йорку и Арун то и дело, поворачиваясь к ней с улыбкой на лице, поясняя мимо чего они, на данный момент, проезжают. Признаться, Хиран была немного ошеломлена видом города. Она, конечно, и до этого знала, что этот город будет очень отличаться от, привычных для нее, городов Индии, но даже картинки и фильмы не могли подготовить ее к такому. Своей монументальностью, значительностью и строгостью этот город мог не только восхищать, но и подавлять. Но пока Хиран сидела в уютном салоне автомобиля, рядом с любимым человеком, Нью-Йорк ее восхищал. Она даже чуть-чуть не верила, что оказалась здесь.

Арун, остановившись на светофоре, взял ее за руку и легонько сжал, словно обещая, что все будет хорошо. И почему-то, именно этот жест встревожил ее. А может, и не в рукопожатии было дело, а едва уловимой печали, промелькнувшей на лице жениха. Но это было так мимолетно, что девушка решила, может ей всего лишь показалось. Она улыбнулась, желая и ему показать, что верит в правильность происходящего.

Когда они подъехали к одному из высоких зданий, Арун заботливо помог ей выйти из машины, поручив свою машину служащему, и велел позаботиться о чемоданах Хиран. А сам не выпускал ее руки. А Хиран, не могла не восхищаться им. Такой красивый, в строгом сером костюме и белоснежной рубашке. Длинноватые волосы были зачесаны назад, и на солнце отдавали синевой. Гладко выбритый, он так отличался от того Аруна, которого она привыкла видеть в Индии. Там он никогда не носил костюмы, предпочитая носить курту*, хоть и укороченную, а зачастую с джинсами. И все же это больше походило на традиционную одежду. Арун сам говорил, что одеваясь так, он пытается загладить вину перед отцом, за то, что предпочел строить карьеру в чужой стране. Именно поэтому Арун при возможности, приезжая на родину, исполнял все традиционные обряды и позволял родственникам исполнять их в отношении себя. И Хиран привыкла видеть его таким. Так он казался ей ближе. А тот Арун, который держал ее за руку, ей мало знаком, хоть и был неотразим.

Но попав в квартиру, Хиран поняла, что как бы не был одет Арун, он всегда остается собой. Она ожидала увидеть помещение в духе самого здания. Прямые линии, серые оттенки и много стекла. Что-то холодное и негостеприимное. Но оказалась права. Не смотря на то, что в интерьере преобладали спокойные оттенки серого, но они были удачно разбавлены золотыми и бежевыми деталями и акцентами. Пол и стены были выкрашены в серый, но диваны и кресла, размещившиеся в центре, были словно из позолоченной кожи, а столик, столешница которого была стеклянной, имела массивное основание, выполненное из дерева. Но основное направление задавал текстиль. Занавески, плетеный коврик, многочисленные подушки, пестрели красками и орнаментами Индии. Все это так гармонично сочеталось, и строгость линий, и яркость, что, не смотря на то, что было видно, квартира принадлежала мужчине, она обладала уютом и неповторимым стилем.

Хиран настолько поразила красивой обстановке, что не заметила как Арун, подошел сзади и взял ее за плечи.

— Нравится? — спросил он, и по интонации, Хиран поняла, что ее мнение важно для него.

— Очень. — искренне ответила она.

— Тогда осматривайся. Не стой на пороге.

Хиран услышала, как заиграла мелодия. И Арун, достав телефон из кармана, посмотрел на экран. Нажал на кнопку и звонок прекратился.

— Мне нужно сделать один звонок. — неуверенно пояснил он. — А потом, я весь в твоём распоряжении. Ты позволишь?

— Конечно. Иди.

— Только не стесняйся, Хир. Ты же знаешь, что мой дом — твой дом. Вон там, ванная комната, если хочешь освежиться с дороги. — указал он на арочный проход справа от них. — А там кухня. В холодильнике есть сок. А через пару минут я к тебе присоединюсь. — указал он в точно такой же проход, только с левой стороны.

А потом, поцеловав ее в макушку, ушел.

Несколько минут Хиран стояла, немного растерявшись от поспешного ухода Аруна. Но потом подумала, что не зря же он столько всего добился, а это значит, что у него много работы. Она сняла летние сандалии и прошла в ванную комнату, чтобы умыться. Ванная так же поражала лаконичностью интерьера, но в тоже время яркими деталями, задавая определенное настроение и индийские корни хозяина. Хиран сняла с запястий тонкие, жесткие браслеты и положила на мраморную столешницу раковины. Сполоснув лицо и руки, она утерлась полотенцем и поспешила вернуться в гостиную.

Арун стоял возле окна, положив правую руку на стекло, и создавалось ощущение, что он держится, чтобы устоять. Сердце Хиран тревожно забило, потому как во всем теле жениха она видела напряжение. А потом он и вовсе поднял левую руку и запустил пальцы в волосы, растрепав их. Появилось желание тихонько уйти, словно она подсмотрела то, что для ее глаз не предназначалось. Но она не позволила себе этой слабости и шагнула к нему, позвав по имени.

Мужчина вздрогнул и резко обернулся. Он виновато посмотрел на нее, и улыбнулся. И возможно, если бы Хиран знала его чуть меньше, то эта улыбка и сошла бы за радостную. Но она слишком долго знала Аруна, и видела так много его искренних улыбок. А эта... была не из их числа. Он подошел к ней и взял за плечи. Несколько секунд он смотрел на нее с сожалением, а потом, вздохнув, прижался своим лбом к ее.

— Моя милая. — эти слова немного ее взбодрили. — Если бы ты знала, как дорога мне.

— И ты мне тоже. — ответила Хиран, улыбнувшись.

— Хорошо. Это хорошо. — он выпрямился и погладил девушку по щеке. — Хиран.

— Что? Арун, что-то случилось?

Хиран не нравилось, как Арун смотрел на нее. Словно был в чем-то виноват. Что-то творилось с ним и это пугало ее. Та радость, с которой он встретил в аэропорте, так отличалась от теперешнего состояния жениха, что Хиран засомневалась в правильности своего восприятия.

— Хир. Я знаю, что это ужасно. Просто ужасно оставлять тебя сейчас. Но... Милая прошу, пойми меня правильно. Я, правда, очень тебя ждал и хотел весь день провести с тобой. Но кое-что случилось. И мне надо уехать.

— Уехать? — Хиран даже не пыталась скрыть своего неверия и непонимания.

— Хиран. Прошу. Я не сделал бы этого, если бы не острая необходимость. Я понимаю, что не имею права вот так бросать тебя, буквально на пороге своего дома, когда ты только приехала. Но я не могу не поехать. Я постараюсь вернуться как можно скорее. Я все сделаю, чтобы приехать быстрее обратно.

— Но что случилось? — все еще не придя в себя, воскликнула Хиран, и не осознано отошла от Аруна, позволяя его рукам соскользнуть с ее плеч.

Он понял ее жест и с сожалением покачал головой. Она думала, что он уже не ответит. Да и с какой стати она могла на это рассчитывать. В конце концов, она никогда не имела отношения к его делам. Но потом мужчина отошел к бару в углу, оставляя Хиран посреди гостиной.

— Одному человеку стало плохо и он сейчас в больнице. Я просто хочу поехать и убедиться, что с ним будет все в порядке.

— Это твой друг? — предположила Хиран, исходя из беспокойства в голосе Аруна.

— Да. Это мой... друг. — он вновь повернулся к ней, но не подошел. — Ты понимаешь?

— Да. Понимаю. Конечно. Ты прав. Иди.

И в этот момент Хиран поняла, что теперь и сама хочет, чтобы Арун ушел. Она нуждалась в том, чтобы немного прийти в себя и разобраться в том, что происходит. К тому же ей было непривычно и даже немного страшно видеть Аруна таким обеспокоенным и подавленным. Ведь именно он всегда внушал ей уверенность и придавал стойкости. И именно он рассеивал все ее сомнения. И она очень хотела его поддержать, но не знала как. Решив, что как его невеста, она просто обязана сделать для него хоть что-то. Поэтому сама подошла к жениху и взяла за руку.

— Если это нужно, то, конечно, ты должен ехать. Ты прав. Твой друг попал в больницу, и это куда важнее, чем необходимость меня развлекать. А я пока немного отдохну с дороги. Ты знаешь, мне было совсем не страшно, хоть я и летела на самолете первый раз. Но почему-то мне не удалось сомкнуть глаз. Так что, это даже хорошо. А когда ты вернешься, то я уже буду в состоянии завалить тебя множеством вопросов об этом городе и обо всем, что связано с тобой. А пока, иди. Делай, что должен.

Хиран хотела отойти, но Арун не позволил, сжав ее ладошку в своей чуть крепче. Он благодарно улыбнулся ей и, неожиданно для нее, притянул к себе и обнял.

— Ты самая лучшая невеста. И будешь прекрасной женой. Я никогда не сомневался в этом. Спасибо.

Он отстранился, нежно коснулся губами ее макушки, и пошел к выходу, прихватив со столика, возле дивана ключи от машины. Но, уже открывая дверь, повернулся к девушке, озабоченно посмотрев на нее.

— Прости, я должен был спросить раньше. Может, ты голодна? Хочешь, я закажу тебе что-нибудь на обед?

Была ли она голодна. Наверное, да, еще несколько минут назад. Но сейчас она хотела чтобы Арун поскорее ушел. И в тоже время, она отчаянно хотела, чтобы он передумал и остался. Но понимая, что это не возможно, она покачала головой.

— Нет. Спасибо. Я просто выпью сока. Я лучше дождусь тебя.

— Хорошо. Располагайся. Это твой дом. Я постараюсь быстрее.

Возможно он, продолжая стоять возле приоткрытой двери, ждал каких-то слов, слов ободрения, но Хиран промолчала, ограничившись кивком. А потом Арун ушел. Она

услышала, как он запер дверь снаружи, чтобы ей самой не пришлось запираяться. Хиран продолжала стоять еще несколько долгих минут, пока она осознавала, что происходит.

А потом закрыла лицо руками и заплакала. Глупо. По-детски, но не смогла удержаться.

Она понимала, что это несправедливо, и что Арун ни за что не оставил бы ее, если бы причина не была серьезной. И все равно чувство разочарование сжимало какие-то струны внутри нее. И все сомнения, отступившие так ненадолго, вернулись с новой силой.

* * *

Колин ждал друга, подпирая стену приемной больницы. И все больше сокрушался на самого себя, что ввязался во все это. А ведь этот день мог быть таким же обычным, как и все дни до этого. У него сводило челюсть от желания плюнуть на все и поехать в свой гараж, чтобы до вечера разбирать и собирать мотоциклы, отгородившись от всего мира. Ему нужно было выполнить много заказов по ремонту, а он торчал в больнице, беспокоясь о девушке, к которой не имел никакого отношения. Конечно, они были в той или иной степени друзьями, и когда-то все вместе проводили приятные дни в общении друг с другом. Но он все это оставил и не желал возвращаться. Но вот Арун попросил его об одолжении, и он не смог отказать. Чтобы не терять времени он предложил поехать с ним в аэропорт и там познакомить их с Хиран. Вот только Арун вовремя заметил там Эрику, и, позвонив Колину, дожидавшемуся их в машине, попросил увести ее.

И он сделал это, хоть и не горел желанием утешать плачущую Эрику. Он хорошо к ней относился и даже сочувствовал ей. И его нежелание было обосновано не черствостью, а просто не знанием, как вести себя в подобной ситуации. Он считал, что говорить идиотские слова о том, что все образуется и будет хорошо, глупо. Потому как всем было очевидно, что это не так. А ничего другого ему в голову не приходило. И все же, когда он увидел несчастные глаза Эрики, ему вдруг захотелось говорить все эти глупости хоть миллион раз, лишь бы она перестала плакать.

Он отвез ее домой, и помог выйти из машины, видя, что, проплакав всю дорогу, она совершенно обессилила. Но он не думал, что настолько. Стоило ей сделать пару шагов, как она стала падать. Колину едва удалось подхватить ее у самой земли, и не дать разбить голову. Он быстро посадил ее обратно в машину и повез в больницу. И не поддавался на уговоры Эрики, которая пришла в себя по дороге, отвести ее домой, и что это всего лишь обморок от усталости. Как бы там ни было, Колин знал, как дорога эта девушка другу, и не собирался рисковать.

И теперь, она проходила какие-то тесты и делала анализы, а он ждал Аруна, чтобы переложить это на него.

Арун влетел в двери больницы и сразу впился взглядом в Колина. Тот оттолкнулся от стены и подошел к другу. Но они не успели сказать ни слова друг другу.

— Арун.

Они одновременно повернулись на голос Эрики. Она стояла в паре метров от них, сжимая в руках сумочку и пестрый платок, еще недавно покрывающий ее волосы, и казалась еще бледнее, чем во время обморока. И не смотря на свой немного потрясенный вид, ее глаза горели особенным светом, а их выражение было таким выразительным, что Колину захотелось зажмуриться. И вопреки последним событиям, вопреки тому, что еще час назад она была такой несчастной, глаза ее светились счастьем. Она, словно не замечая Колина, приблизилась к Аруну. Который, буквально, пожирал ее глазами.

— Ты в порядке?

— Теперь уже да. — тихо ответила она. — Колин позаботился обо мне.

Арун с благодарностью посмотрел на друга. Колин пожал плечами.

— Так что сказали врачи?

— Ты не мог бы отвезти меня домой? — вместо ответа попросила Эрика.

Колин видел, что друг взволнован. С одной стороны он готов был сделать для Эрики все что угодно, но с другой понимал, что не имеет на это права.

— Эрика... — начал он, и, даже для Колина, было очевидно, что он сейчас ответит.

Ну что же, видимо ему снова придется поработать водителем. Аруну явно надо вернуться к оставленной невесте, а машина Эрики на стоянке аэропорта. Так что было очевидным, кто отвезет девушку домой.

Но Эрика не позволила Аруну отказаться. Она закрыла его губы ладошкой, шагнув к нему еще ближе.

— Пожалуйста. Мне надо поговорить с тобой. Это важно. Прошу тебя, Арун.

Колину было не по себе, от того что стал свидетелем их обмена взглядами. Это было слишком личным, а он никогда не был вуайеристом. И потому он решил оставить их одних. Но Арун, видимо приняв решение, кивнул.

— Ладно. — сказал он, и взял Эрику за руку. — Поехали. Только подожди пару минут, мне надо поговорить с Колином. Но сначала давайте выйдем отсюда.

И следуя за идущими за руку Аруном и Эрикой, Колин с сожалением понимал, что сегодня ему вряд ли посчастливится поковыряться в двигателе хоть одного байка.

***Курта** — это длинная широкая рубаха, длина которой достигает колен, но может быть и немного короче. В зависимости от личных предпочтений, курту можно одевать с чуридарами, узкими штанами, выкроенными специально длиннее ноги, чтобы образовать на голени складки, напоминающие браслеты. Также её носят с широкими шальварами (шароварами) и паджами — широкими, свободными брюками, не зауженными книзу.

Давно Колин не чувствовал себя таким раздраженным. Его жизнь давно стала размеренной, лишенной каких либо встрясок. Может сегодняшний день является наказанием за долгие месяцы спокойствия? Тем не менее, винить в этом было некого. Пусть Арун и был инициатором всей этой затеи, но он мог отказаться. И не сделал этого. Колин конечно дал другу понять, что он думает обо всем этом, но отказаться не смог. Аруну и так досталось сегодня, да и, судя по всему, еще достанется. Так что Колин все же согласился поехать к Аруну и проверить как там его невеста. Хотя не понимал, зачем это понадобилось. Судя по всему, невеста Аруна, взрослая девушка, а не ребенок, чтобы бояться оставить ее одну в квартире.

Ладно, Колин просто заглянет к ней, убедится, что она цела и невредима, а потом, как просил Арун, закажет для нее что-нибудь из ресторана. Арун, уходя, даже не дал ей номер своего мобильного, и не оставил ей денег, во всяком случае тех денег, которые в ходу в Нью-Йорке. Что же, Колин даст ей номер друга, заплатит за еду, а потом уйдет с чувством выполненного долга.

Но даже, убедив себя, что эта встреча будет короткой и необременительной, Колин все равно медлил и не спешил стучать. Трудностей пройти через вестибюль не было, консьерж узнал и пропустил его, а вот просто постучать в дверь квартиры Аруна было не так-то просто. И дело было в том, что Колин абсолютно не желал успокаивать еще хоть одну женщину сегодня. И почему-то пожалел о своей ребяческой выходке, когда заехал домой и переоделся. Но он сменил не только костюм на джинсы и футболку. Он оставил машину и сел на свой мотоцикл. Это было ему необходимо, чтобы почувствовать себя снова в своей тарелке. Это позволило ему удостовериться, что ничего не изменилось, и он по-прежнему не имеет отношения к тому миру, из которого сбежал.

Дольше стоять под дверью было бы полным идиотизмом. И Колин постучал.

Ему открыли быстрее, чем он ожидал. И счастливая улыбка, черноглазой девчонки, едва не вышибла из него дух. На какие-то несколько секунд, Колин был просто ошеломлен представшим перед ним видением. Потому что девушка, открывшая ему дверь, была смещением буйства красок и счастья.

Но это длилось всего несколько секунд. А потом все изменилось. Не трудно было понять, что она ждала Аруна. А когда увидела, кто пришел, ее улыбка растаяла столь же стремительно, как погасли ее черные глаза. Девушка неловко отступила, прижал руки к груди, от чего множество тоненьких браслетов, позвякивая, упали ниже на предплечьях, открыв хрупкие запястья. Девушка смотрела на него удивленно, но без страха. А потом она нахмурила свои темные брови, и, кажется, узнала его. Видимо Арун был прав, утверждая, что она видела столько их совместных фотографий, что без труда узнает его. А потом она, кажется, смутилась. Даже на ее смуглой коже было видно, как проступил румянец, и она спрятала глаза за длинными черными ресницами.

Девушка сделала пару шагов назад, сложила ладони перед собой и еле слышно, что-то прошептала. Наверное, она и сама поняла, что голос ее слишком тихий, и она попробовала еще раз.

— Намасте.* — повторила она, а затем, цокнув языком, как иногда делал Арун, исправилась. — Здравствуйте.

— Привет. — не спеша входить, ответил Колин.

Он ждал, когда девушка посмотрит на него. У нее ушла минута, чтобы решиться на это. Но Колин был рад, что за это короткое время она успела немного взять себя в руки. Невеста Аруна все еще смущалась, но уже увереннее смотрела Колину в глаза.

— Извините. — облизнув губы, она зачем-то коснулась их кончиками пальцев, правой руки. — Но Аруна сейчас нет. Я... — она тяжело вздохнула. — Я не знаю, когда он вернется.

Девушка говорила с акцентом, смягчая и растягивая согласные. Когда-то, заселившись в студенческое общежитие, он познакомился с парнем, говорившим точно так же. Это теперь Арун стал говорить почти на безупречном английском, и его акцент был практически не заметен.

— Я знаю. — сказал девушке, Колин. — Поэтому я здесь.

Колин давно не встречал человека, эмоции которого мог с такой легкостью прочесть. Это было так непривычно и ново, что он даже улыбнулся. Не потому, что того требовала вежливость. И не потому, чтобы подбодрить собеседника. А просто так, сам не заметив, как уголки его губ приподнялись. Он отчетливо видел, как удивление на лице девушки сменяется сомнением. Решив, что и так достаточно продержал ее у порога, заставляя чувствовать неловкость, он вошел в квартиру.

— Тебя зовут Хиран, ведь так?

— Да.

— Колин Тейт. — представился он. — Называй меня Колин. Некоторые зовут меня Тейт. Выбирай, как больше нравится. Послушай, Хиран, ведь я могу тебя так называть? — он дождался кивка. — Арун просил узнать, как ты тут.

Девушка стояла и молча смотрела на него. А Колин чувствовал себя как слон в посудной лавке.

— Так как ты тут? — переспросил он, видя, что дело не движется.

Хиран встрепенулась и закивала, от чего ее серьги, раскачались, посылая радужные отблески на щеки. Что означали эти кивки, Колин не знал. Но так как дальнейших пояснений не последовало, он решил, они могли означать, что девушка в порядке. Правда, по ее виду этого не скажешь. И дело не в ее внешности. На первый взгляд и, правда, все было отлично. Да и ее яркий наряд мог создавать впечатление, что его хозяйка всем вполне довольна. И не сказать, что девушка была разряжена как павлин или что-то в этом роде. И все же было сразу видно, что она родом из другой страны. На ней были широченные штаны, с множеством складок, собранные на щиколотках, и длинная рубашка, похожая на платье до колен, с рукавом, едва прикрывающим локоть. А на левое плечо был накинут шарф, или что-то похожее, и его концы опускались ниже колен девушки. И этот однотонный, бледно-зеленый наряд слишком подчеркивал смугловатый оттенок кожи. А яркие браслеты и серьги, делали девушку экзотичной.

Колин не был слепым, да и однажды увидев девушку на фотографии, знал, что невеста Аруна красива. Но увидев ее сейчас, готов был разувериться в способности фотографии передавать реальность. Потому что он не помнил, что когда смотрел на снимок, заметил эти полные губы, или выразительную ямку над ними. И блеск ее черных глаз, был не таким ярким. И уж конечно, его не заворожил вид маленькой блестящей точки между бровями. Арун как-то говорил ему, как это называется, но Колин не мог вспомнить.

Она вся, в этом необычном наряде, с яркими украшениями, с черными глазами, была похожа на экзотическую птичку из сказки, залетевшую в мрачную реальность.

Но, не смотря на радужную оболочку, Колин без труда видел смятение и растерянность. Блеск глаз девушки был слишком влажным, словно едва сдерживала слезы. И немного паникуя, он сделал к девушке шаг. Как ни странно, она не отступила в этот раз.

— Ты голодна? — решил действовать Колин, пока ему не пришлось утешать еще одну ревущую девушку. — Я закажу тебе что-нибудь. Напротив дома есть хороший ресторан. Мы с Аруном часто там обедали. Кухня отменная, и доставка быстрая. Арун настаивал, чтобы ты пообедала. Если ты согласна, то я сделаю заказ. А потом оставлю тебя в покое. Ладно?

Колин не знал, что он такого сказал, но невеста друга, кажется, расстроилась еще сильнее.

— Прости... те. — немного испугано начала она. — Колин джи. Ой. Мистер Тейт. — и снова облизала губы, заставляя Колина задержать взгляд на ее нижней губе. — А Арун? Когда он вернется? Где...

Ему показалось, что девушка сейчас загорится, как факел, потому что вновь покраснела. И Колин понимал ее. Ни одной невесте не понравится признаваться, что понятия не имеет где ее жених и когда он явится. Но поскольку Колин явно не хотел рассказывать ей, где Арун, да и придумывать какую-нибудь ерунду тоже, то он решил обратить внимание на другое.

— Колин. Зови меня просто, Колин. Без «мистер», и тем более «джи». Когда Арун хочет достать меня он говорит мне это дурацкое «джи», и мне хочется ударить его по голове. А однажды, он уговорил меня поехать на праздник, где все гости были практически родом из Индии, живущие сейчас в Нью-Йорке, и мне весь вечер пришлось слышать это «Колин джи». Но ему было этого мало, и он всучил мне какие-то палочки, все в блестках и ленточках, и попытался уговорить меня с ними танцевать. И то, что я не проломил вашему жениху голову, уважаемая невеста, заслуга слишком большого количества свидетелей.

— Праздник Дурги! — в миг, словно наполнившись светом, воскликнула Хиран. — Здесь празднуют Дурги!?

— Да. Насколько я знаю, они отмечают все праздники, что приняты у вас в Индии. Правда, Аруну больше не удалось затащить меня ни на один из них. Но он не упустил случая, один раз, вымазать меня какой-то разноцветной дрянью. Этот порошок был повсюду. Я орал точно сумасшедший, уверяю. Но Арун заявил, что раз не смог поехать на праздник... — замешкал Колин, точно зная название праздника.

— Холи! — радостно улыбаясь, подсказала девушка, чего и добивался Колин.

— Ага. Вроде того. Так вот, раз ему не удалось поехать на этот праздник домой, он должен отпраздновать его со мной. И с тех пор, я недолюбливаю цветные мелки, палочки украшенные ленточками, и обращение «джи». - закончил он свою речь.

А Хиран засмеялась, почему-то качая головой, вновь заставляя играть радугой свои серьги. На этот раз она смотрела на Колина почти с благодарностью. И пусть из ее глаз не исчезла грусть, зато она улыбалась.

— Это ведь шутка? И ничего такого не было. Да? — все еще улыбаясь, спросила Хиран.

— Почему это? Еще как было. — настаивал Колин. — Можешь сама спросить Аруна. И не забудь спросить его, как я потом ему отомстил. Эту поездочку он не забудет.

Он подмигнул ей, желая продлить этот момент. Колин не хотел, чтобы она снова грустила. Это было нелепо, если учитывать, что знал он ее не больше пятнадцати минут. И все же, ему нравилось, когда она улыбалась. Но он зря вновь напомнил ей об Аруне. Потому что от ее веселости не осталось и следа. Да и вряд ли ее веселость была настоящей. Хиран

отвела взгляд и посмотрела на дверь, тихонько вздохнув.

— Я спрошу. Когда Арун вернется. — сказала она. — Спасибо вам... Тебе. Мне жаль, что из-за меня пришлось приезжать сюда. Но я не хочу есть.

Все это девушка говорила убитым голосом. От ее несчастного вида Колин почему-то разозлился на Аруна. Впервые за много лет дружбы с Аруном, Колину хотелось всерьез надрать другу задницу.

Но тут Хиран, ойкнула и всплеснула руками. И опять цокнула языком, от чего Колину захотелось улыбаться. А девушка всерьез разволновалась.

— Ох! Как же так! — переполошилась она. — Я ведь даже не предложила вам... тебе ничего. Мне так стыдно. Проходи... те. Проходи и садись. Ужас какой! Я держу друга Аруна у порога. Ну! Садись. Я не знаю, что тут есть. Но я сейчас посмотрю. О! — чему-то вдру обрадовавшись, воскликнула Хиран. — Сок! Арун сказал, что в холодильнике есть сок! На улице ведь так жарко. Холодный сок будет хорошо, да? — тараторила она.

И тут же подошла к Колину, взяла его за руку и подвела к дивану. Она даже уверенно толкнула его, усаживая. Выразительно жестикулируя, она выставила ладони перед ним, словно подчеркивая свое требование.

— Сиди. Располагайся удобнее. — сказала она, наконец-то решительно обращаясь к нему на «ты». — Я сейчас принесу. Сейчас.

Она поправила съехавший шарф и зачем-то понеслась в ванную. Потом так же стремительно выбежала обратно, смущенно покосилась на него. И, повторив «Сейчас», ушла на кухню.

А Колин быстро достал мобильный телефон и вызвал Аруна. Если он сдержится и не наговорит ему гадостей, то сможет сам себя поздравить за выдержку. За все время, пока девушка была тут одна, она даже не выпила чая, или кофе, раз понятия не имеет, что находится там. Но Арун не отвечал. Когда гудки прекратились, Колин набрал номер еще раз. Но и в этот раз, Арун не ответил.

А потом Колин услышал, как на кухне что-то разбилось. Он вскочил с дивана и побежал, чтобы посмотреть что случилось. Он вошел и увидел, как Хиран сидит на коленях, а перед ней на полу, в луже, судя по цвету, апельсинового цвета, лежат осколки стеклянного кувшина. На столе стоял стакан, наполненный соком. Девушка, закрыв лицо руками, что-то бормотала. Она говорила не по-английски, так что Колин не понял ни слова.

— Не стоит расстраиваться. — сказал он. — Мы сейчас все уберем.

Девушка отняла ладони от лица и посмотрела на него. Колин с облегчением отметил, что она не плакала.

— Да. Не стоит. Я уберу. — до странности спокойно согласилась она, вставая с пола. — Вот.

Она взяла стакан со стола и протянула Колину. А он заметил, что ее пальцы дрожат. И тут, будто что-то случилось с ним. Он на минуту, всего на минуту, потерял контроль. Над собой, над тем, что происходит. И, кажется, совсем потерял рассудок, раз собрался сделать то, что пришло ему в голову. Но не стал колебаться ни секунды. Он взял сок, поставил обратно на стол.

— Поехали.

— Куда? — распахнув глаза, спросила Хиран.

— Прокатимся. Давай.

Колин взял девушку за руку и вывел из кухни. Она не противилась.

— Но надо же все убрать. — возразила она.

— Потом. Вот вернется Арун и уберет. Ему будет полезно.

— Но я не могу.

Колин остановился посередине гостиной, так и не выпустив руки Хиран. Она выглядела растерянной, но не испуганной.

— Почему? — словно не понимая спросил Колин, да еще так, словно согласиться было вполне естественно.

Не придумав ничего лучше, девушка видимо сказала первое, что пришло в голову.

— А как же квартира? У меня нет ключей. Не можем же мы оставить ее открытой?

Колин пожал плечами, подошел к столику у входной двери и, выдвинув верхний ящик, достал связку ключей.

— Есть. — сказал он. — Поехали.

— Но...

— Ты боишься? Я знаю, что мы только познакомились. И то, что ты боишься ехать со мной, вполне понятно. Но если подумать, мы знаем друг друга очень давно. Я с первого дня знакомства с Аруном знал, что ты его подруга, а потом и невеста. Видел твои фото. А ты знала меня и видела мои фотографии. Арун мне как брат, а ты ему почти жена. Он сам как-то сказал, что скоро у меня появится... эээ... как же...

— Невестка. — тихонько подсказала она.

— Да. Невестка. Так что, бояться нечего. Арун мой лучший друг. Он самый близкий мне человек. А значит и ты. С тобой ничего не случится. Что толку сидеть тут одной. Я покажу тебе город. Ну! Давай же. Поехали. Ты когда-нибудь ездила на мотоцикле?

— На мотоцикле?!

Колин думал, что ее глаза не могут быть еще больше. Он ошибался. Но в этих потрясенных глазах, в их черной глубине он увидел огонек интереса.

— Ну да.

— Нет. Никогда.

— Ну, значит, сейчас будет первый раз.

— Сейчас? На мотоцикле? — словно не веря, переспросила она, и азарт в ее глазах он не мог бы спутать ни с чем.

— Точно. Так что, вперед. Такую экскурсию тебе даже Арун не обеспечит.

— Но... — она внимательно посмотрела на него.

Вернее на его кроссовки. Голубые, вытертые почти до дыр, джинсы и белую футболку.

— Но мне надо, наверное, переодеться. У меня есть джинсы и...

Он не мог дать ей время на переодевания, а вернее возможности передумать. Азарт и любопытство могло пересилить здравомыслие.

— Не надо. Так тоже сойдет.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, быть может, придумать еще причину, чтобы отказаться, но, не придумав ничего, сомкнула губы. Колин выжидающе смотрел на нее. И поражался чувству, что испытывал при этом. Она нравилась ему.

А потом, поразив его в самое сердце, она кивнула. Он видел, что она растеряна, сомневается, и может даже немного боится. Но она кивнула. А потом, прикусив краешек нижней губы, улыбнулась. И, похоже, сама поражаясь своей смелости, засмеялась.

— Да. — подтвердила она. — Поехали

Колин больше не медлил ни секунды. Взял ее за руку и повел ее из квартиры, чувствуя

жар ее ладони в своей руке, и как ее тонкие браслеты касаются его кожи.

***Сноски**

Дурги

В ежегодный индуистский фестиваль Дурга Пуджа поклоняются богине Дурге, которая символизирует силу и торжество добра над злом в индуистской мифологии. Продолжается празднество в течение 9 дней, сопровождаясь, танцами, музыкой, ритуальными обрядами, молитвами и жертвоприношениями.

Дашахра (Dussehra) — один из самых популярных и красочных индуистских праздников отмечается в месяце Ашвин (сентябрь-октябрь) в течение 10 дней, из которых 9 ночей отводятся богослужению (отсюда происходит еще одно название праздника — Наваратри, то есть, «праздник девяти ночей»), а десятый день отмечается как день поклонения Деви, которая персонифицируется как Шакти, Дурга (отсюда возникает еще одно название праздника — Дурга-пуджа, или Дурготсав), Кали, Парвати, Лакшми и Сарасвати. Каждый район Индии отмечает этот праздник по-своему.

В честь этих событий устраивают массовые танцы и театрализованные представления, посвященные подвигам Рамы — «Рамлилы» (Ramlila), читают отрывки из «Рамаяны», а в конце праздника после торжественной процессии сжигают чучела Раваны, его брата Кумбхакарана и сына Мегханада. В Дели этот праздник проходит на самой большой площади города Рамлила-граунд при огромном стечении народа. В Бенгалии и других восточных штатах Индии Дашахра отмечается как праздник Богини Дурги. Девять дней верующие возносят ей молитвы, а на десятый увитое гирляндами изображение Богини в сопровождении процессии верующих выносят на берег моря, реки или водоема, после чего мужчины поднимают его на плечи и погружают в воду.

Холи

Холи (Holi) — один из наиболее красочных праздников Индии, бенгальский новый год. Отмечается в день полнолуния месяца Пхалгуны, приходящегося на февраль-март. Холи — праздник весны, наполненный солнечным светом и веселым неистовством пышно расцветающей природы. По-видимому, он старше легенд, которыми объясняют его происхождение в наши дни, — в нем много элементов первобытных оргий в честь божеств и сил плодородия, элементов, близких праздникам разных народов мира.

Существует несколько легенд, связанных с происхождением праздника Холи. По одной из них, название Холи произошло от имени демоницы Холики. Прахлада — сын злого царя, поклонялся Вишну, и ничто не могло разубедить его в этом. Тогда сестра царя демоница Холика, которая, как считалось, не горит в огне, уговорила Прахладу взойти на костер во имя Бога. К всеобщему изумлению, Холика сгорела, а Прахлада, спасенный Вишну, вышел невредимым. В память об этих событиях накануне праздника Холи сжигают чучело злой Холики. Славяне порадуются, узнав масленичные гуляния. Кроме того, праздник Холи связывают с историей о том, как Шива испепелил своим третьим глазом бога любви Каму, который пытался вывести его из медитации, после чего Кама остался бестелесным. Но по просьбе жены Шивы Парвати и жены Камы богини Рати Шива вернул Каме тело на 3 месяца в году. Когда Кама обретает тело, все вокруг расцветает, и счастливые люди празднуют самый веселый праздник любви.

Праздник Холи также часто связывают с именем Кришны и его играми с пастушками, которые нашли отражения и в земном мире. Заигрывания молодого человека и девушки во время праздника Холи — излюбленная тема для танца. Юноша выманивает девушку,

отвлекает ее, она засматривается на что-нибудь, а он в этот момент перемазывает ее цветной пудрой или обливает подкрашенной водой. Девушка обижается, он просит прощения (характерный жест — берется за мочки ушей). Она его прощает и тоже в ответ обливает его цветной водой. Редкая возможность для молодых людей при общей строгости индийских нравов.

Она сошла с ума! Это было единственным объяснением тому, что она творила. Хиран не могла придумать ни одного разумного оправдания, чтобы понять, как она отважилась пойти с этим мужчиной. Но отважилась, слишком громкое слово. Потому что она страшно трусила. Особенно, когда вышла из лифта и оказалась в просторном холле. Она заметила внимательный взгляд консьержа на себе и инстинктивно заступила за спину Колину. Тот же уверенно шагал к выходу, иногда оглядываясь на нее, словно желая убедиться, что она все еще не сбежала.

Признаться, у нее было такое искушение. И не сделала этого только потому, что заперев квартиру, мужчина просто спрятал ключ к себе в карман. И Хиран могла бы предположить, что он сделал это неосознанно, если бы в этот момент он не подмигнул ей.

Выходя, друг Аруна, громко и очень демонстративно попрощался с консьержем. И даже поздоровался с пожилой женщиной, со странной розовой шляпкой на голове, и двумя миленькими песиками на руках. И в ответ получил сердечное приветствие. Они обращались друг к другу по имени, и явно были знакомы.

Хиран поняла, что Колин Тейт, таким образом, хотел показать, что никакой опасности нет. Что эти люди хорошо запомнят с кем она ушла. Хиран улыбнулась, мысленно, благодаря его за это.

Он был странный, Колин Тейт. Его вид немного пугал ее. И этому могло быть простое объяснение. Раньше ей не приходилось общаться с подобными мужчинами. Всем своим видом и манерой держаться он излучал беззлобную грубоватость. Даже пренебрежение. Да и одет он был не вполне типично для ее круга общения. Вытертые до дыр джинсы, простая белая футболка, но с логотипом довольно дорогого бренда. Но, не смотря на известную марку, та была изрядно поношенной. Как и кроссовки. Но одежда была чистой и сидела так хорошо, что могла посоперничать с самым дорогим костюмом, на ком-то другом. Высокий, светловолосый, с легкой щетиной, на выразительных скулах, друг Аруна был похож на героя из фильмов, которые она так любила. Не их отечественные фильмы, которые с утра до вечера шли в кинотеатрах. А те, что они с подругами смотрели, потихоньку завидуя героиням из этих картин. Голливудское кино сильно отличалось от болливудского. И герои в них были абсолютно другими. Была в них какая-то притягательная суровость. Волнительная реалистичность и правдоподобность, заставляющая замирать у экрана. И в то же время холодная недостижимость. Как запретный плод. И возможно, горький, жесткий и совсем не вкусный, но такой манящий в своей запретности и неизведанности.

Вот и друг Аруна был таким же. Но особенно, завораживали его синие глаза. Не голубые, а именно синие. Их взгляд пробирал до мурашек, даже тогда, когда они смотрели с лукавством. Их синяя глубина была какой-то тяжелой, но ровной. Лишь на секунду в них вспыхивали чувства, и если не смотреть внимательно, то можно их и вовсе не заметить.

И как не парадоксально это было, они не были равнодушными или холодными. Какими угодно, только не холодными. И Хиран была уверена, что он видит ее насквозь. Ведь недаром, пожалел и выманил на прогулку. Как же жалко она, должно быть, выглядела, что такой человек, как Колин Тейт, собирается ее прокатить...

Ни одной мысли не осталось в голове, когда они вышли на улицу, под палящее солнце, и она увидела этого хромированного монстра. Вот теперь образ этого мужчины сложился как

пазл. Хиран отчего-то не сомневалась, что сев на это средство передвижения, Колин станет с ним как одно целое. Он только подошел к нему, только положил руку на сидение, а Хиран уже легко могла представить, как он мчит на нем с бешеной скоростью. И еще, она вдруг поняла, что так настораживало ее в Колине, на протяжении такого короткого с ним знакомства. Его спокойствие. Внешнее, напускное равновесие, тогда как на самом деле, в нем жило что-то неукротимое и яростное, но тщательно скрытое.

Все это казалось абсурдом. Она видела его впервые, если не считать тех многочисленных фотографий, что показывал Арун. Но Хиран стало немного страшно от того, что она видела и пока не могла понять.

Она замерла на тротуаре, не решаясь сделать последние шаги, для осуществления задуманного безумия. Высоченные здания, люди, снующие мимо нее туда-сюда, резкие сигнальные звуки несущихся по дороге автомобилей, заставили ее почувствовать себя не в своей тарелке. Не к месту, и не ко времени. Да и наряд у нее был не подходящий. Правда, на это никто вокруг не обращал никакого внимания, но она-то знала, что это домашний, простой наряд. И что в нем она не вышла бы на улицу даже дома, в Индии. Так, где была ее голова, когда она в нем собралась гулять?

Отчаянно захотелось вернуться в квартиру Аруна. Пусть и в незнакомую и чужую. И пусть она там будет одна. Но для этого надо попросить ключи. Ну почему Арун сам не дал ей ключ! Не думал, что задержится надолго? Возникло желание попросить Колина позвонить жениху. Она бы только спросила, все ли в порядке и когда он вернется. Но это так глупо и по-детски. Ведь она не маленький ребенок, который боится оставаться в квартире один. И было слишком унижительным осознание, что она сама ничего не знает.

— Ты боишься?

Она вздрогнула от звука его голоса, который показался громким, не смотря на шум вокруг. Хиран было стыдно признаться вслух в своей трусости, и она только покачала головой. И насторожилась, когда Колин сначала нахмурился, внимательно глядя на нее, а потом сам покачал головой и усмехнулся.

— Ты снова это делаешь. — С улыбкой в голосе, сказал он.

— Что? — Хиран не знала, в какой момент потеряла нить разговора, которого, по сути, еще и не было.

— Это. — Махнул рукой в ее направлении друг Аруна. — Качаешь головой так, что я не могу понять «да» это, или «нет».

— Я не понимаю...

— Ну, вот смотри. Это — «да». — Серьезно указал он, кивнув головой. А вот это — «нет». — Помотал головой в сторону. Да так, словно пытаюсь изобразить робота. — А у тебя получается что-то среднее. Ты просто качаешь ей и все. И я не понимаю, как это расценивать. Арун, кстати, тоже так иногда делает. Это что, национальная особенность?

Хиран несколько секунд молчала, искренне не понимая, что сделала не так. И потом, еще недолго пыталась рассмотреть, серьезно ли этот мужчина сейчас говорит или нет. Она решила, не задумываться об этом пока. И так как, все, кого она знала, качали головой именно так, то подтвердила предположение Колина, вновь повторив это движение.

— Вот! — мужчина хлопнул в ладоши, и к удивлению Хиран, даже хохотнул. — Что я говорил! Вот опять этот непонятный жест. Мне это не нравится.

И, наверное, поддавшись на этот смех, противоречившим его словам, о том, что это ему не нравится, Хиран продолжила в той же манере. И демонстративно уперев руки в бока,

фыркнула.

— И это тоже? На тебя не угодишь! — недовольно возмутилась она, на деле же ни сколько не сердясь.

И тут же испугавшись своей смелости, опустила голову. И почувствовала, как заливается краской, от собственной дерзости.

— О чем ты? — в голосе мужчины отчетливо слышалось удивление, и... Кажется, он был даже растерян.

Чтобы удостовериться, что слух ее не подвел, Хиран быстро посмотрела на него, да так и не смогла больше отвести взгляд. Она и не предполагала, что он может быть таким... довольным! Усевшись боком на сидение мотоцикла, он скрестил руки на груди и смотрел на нее.

— Ничего. — поспешила заверить его Хиран. Я так, эм... мысли вслух. Ничего.

— Нет уж. Рассказывай. Что значит, «и это тоже»?

Ощущения были такими, словно она опять в школе и не выучила уроки. Или уже оправдывается перед папой за низкий балл. Но этот негодяй будто и не замечал ее смущения. Он не придумал ничего лучше, чем подгонять ее насмешливым «ну». И вот тут Хиран рассердилась. Не так, наверное, как можно было бы. Но немного рассердилась, это точно. Она вскинула голову, и в точности повторив позу, скрестив руки на груди, едва не топнула ногой в домашней туфельке.

— Я имела в виду, что и это тоже не нравится. Тебе не нравится, когда я говорю «джи». Не нравится праздник Холи и танец Дурги. И то, как я качаю головой, тебе тоже не нравится. Есть хоть что-то, что нравится? А? — она все же топнула ножкой. А когда поняла, что сделала, топнула еще раз.

И уже в следующую секунду хотела снять эту самую туфельку и запустить в друга Аруна. Потому что не надо было обладать проницательностью, чтобы не видеть, как он силился не рассмеяться.

— Да. — кашлянул в кулак, явно пытаясь скрыть вырвавшийся смешок, сказал он. — Конечно. Есть и то, что нравится. Вот, например, твои штанишки. — огорошил он Хиран.

— Штанишки? Мои штанишки? — вмиг растеряв свою «сердитость» от удивления, переспросила она.

— Да. — явно, забавляясь, подтвердил Колин. — Они забавные. Кстати, на том празднике, некоторые были в таких же. Мне говорили, как они называются... Кажется луги или нунги. Как-то так.

— Лунги*? Нет! На мне сальвар*. У женщин они называются сальвар. Лунги — это мужские. Вот у Аруна — это лунги.

Хиран, даже чуть потянула за свою штанину, словно для наглядной демонстрации.

— Арун? У Аруна тоже есть такие штанишки? Он тоже такие носит? — притворно ужаснувшись, спросил Колин.

Хиран засмеялась.

— Ну да. — ответила она, снова покачав головой в том самом «непонятном» жесте.

— Кажется, я поторопился с выбором друга. — сокрушенно изрек он.

— Ты смеешься надо мной?

— Ага. — ничуть не увиливая, признался Колин. А потом быстро встал, снял с руля шлем и протянул Хиран. — Так мы едем? Или будем и дальше обсуждать штанишки? Они конечно хороши, но можно найти занятие и поинтереснее. Надевай и залезай позади меня.

Мужчина, не дождавшись реакции от Хиран, потому что она опять оцепенела от нерешительности, просто подошел и, не церемонясь, натянул на нее эту тяжелую штуковину.

Не самая удобная вещь, которую ей приходилось одевать на себя, но она промолчала. И даже, позволила Колину собрать ее, рассыпавшиеся по плечам волосы, и откинуть их за спину. А потом он взял ее за руку, как на кухне, и подвел к мотоциклу. Уверенно закинув ногу, он удобно расположился на сидении, и кивнул себе за спину.

— Давай же! Смелее. Обещаю вернуть тебя в целости и сохранности. — но видя, что она не торопится садиться, залез рукой в карман джинсов и достал ключи от квартиры Аруна. — Или вот. Можешь вернуться, если хочешь.

Хиран смотрела то на Колина, со звериной грацией, сидевшего на мотоцикле, то на связку ключей в его протянутой руке. И ей хватило минуты, чтобы представить, как она одна возвращается в квартиру, а потом устроилась позади мужчины.

— Что мне делать? — спросила она, не уверенная, что сможет удержаться.

Колин завел свои руки назад, нашел ими ее руки и, опоясав себя ими, сомкнул ее пальцы на своем животе.

— Просто держись, индийская принцесса. Держись покрепче.

— А куда мы поедem? — запоздало поинтересовалась она, судорожно вцепившись в футболку Колина, растерявшись от непривычной близости чужого мужчины, и ощущая каменные мышцы его живота.

— Искать Индию в Нью-Йорке! — крикнул он в ответ, стараясь перекрыть рев двигателя железного чудища, на которого она села, явно растеряв остатки разума.

А потом Хиран просто каждую минуту ждала, что ее сердце не выдержит и выскочит прямо на дорогу, под колеса машин, мимо которых они с Колином проносились.

***Лунги**

***Сальвар — камиз (сальвар — это широкие, собранные на щиколотке штаны, камиз — длинная туника)**

Колин гнал по улицам Нью-Йорка и впервые чувствовал, как это здорово, когда кто-то сидит позади. Хиран, после минутного колебания, плотно прижалась к нему и сильнее вцепилась в футболку, обнимая его за пояс. Он ехал дольше, чем было необходимо, чтобы привезти ее к ресторану индийской кухни. Сам не знал, почему два раза проехал мимо, прежде чем, наконец-то, остановился. Он боялся, что увидит в ее глазах осуждение, что так долго мучил ее поездкой, или еще хуже — страх. Но в них был восторг.

— Ну как? — спросил он, забирая из ее рук шлем, чтобы хоть что-то сказать, а не просто смотреть на нее, чем мог смутить или испугать ее.

Потому что эта девушка с каким-то благоговением провела кончиками пальцев по хромированному боку его мотоцикла, погладила кожаное сиденье, и, кажется, тихонько с восхищением вздохнула. Потому что был растерян, той переменной, что произошла с ней во время поездки. Невеста Аруна словно похорошела еще больше, если такое было возможно. Она больше не была смущена и не грустила, а была будто вся взбудоражена и взволнована. И прекрасна.

— Пойдем. — позвал он ее, и едва удержался, чтобы не протянуть ей руку.

Когда она увидела, что он привез ее в индийский ресторан, то обрадовалась.

Это был ресторан, с красиво оформленным фасадом. И даже не заходя внутрь, можно было определить, что это индийский ресторан. Но ни внутри, ни снаружи не было ничего вычурного или аляповатого, хоть и демонстрировало буйство красок. Но каким-то непостижимым образом, кажущиеся несовместимыми цвета, идеально гармонировали в интерьере, превращая это место в колоритное, но стильное и современное. Колин так же знал, что в этом ресторане на высоте была и кухня и обслуживание. Поэтому выбор ему казался идеальным. Он привез сюда Хиран, чтобы она хоть немного почувствовала себя уютнее в чужом городе, а высший класс этого заведения соответствовал социальному положению невесты Аруна. Колин был наслышан, из какой высокой по положению семьи была Хиран.

Но стоило им войти, как Хиран напряглась. Колин почувствовал это, даже не смотря на то, что девушка старалась держаться позади него. Колин обернулся. Хиран напряженно вглядывалась в зал. Посетителей было немного, да и те, что были, практически не обращали на них внимания. Но Хиран явно что-то волновало.

— Что случилось? — он не понимал, что могло ее так расстроить. — Ты не любишь индийскую кухню?

Это был глупый вопрос, если учесть, откуда она приехала. Но это первое, что пришло ему в голову. Но то, как она посмотрела на него, дало понять, что это предположение абсурдно. Тогда он шагнул к ней поближе и немного наклонился, уже заметив, что к ним спешит администратор.

— Хиран. Просто скажи, что случилось. Тебе не понравилось здесь?

— Тут красиво. — виновато начала она. — Но...

— Рад приветствовать вас в нашем ресторане, мистер Тейт. Позвольте предложить вам столик и проводить вас? — перебил их администратор.

Колин ощутил раздражение. От того, что прервали Хиран, когда она собиралась сказать, почему так расстроилась. А еще потому, что она вновь превращалась в растерянную девушку,

чувствующую себя неуверенно. И Колин видел, что ее смутило и удивило, что администратор обратился к нему по имени. Они с Аруном очень часто бывали в этом ресторане, когда еще Колин участвовал в управлении их компанией. И хоть одет он сейчас был отнюдь не в костюм, цепкий натренированный глаз администратора это не обмануло.

Колин посмотрел на мужчину средних лет, приветливо, и немного подобострастно, улыбающегося им.

— Здравствуйте, Вилсон. — кивнул Колин. — Оставьте нас, ненадолго.

Администратор поспешил удалиться, а Колин снова посмотрел на Хиран. Она словно вся сжалась рядом с ним и смотрела куда-то в район его подбородка. Ему стало, почему-то, нестерпимо жаль ее потерянного воодушевления, что владело ей всего несколько минут назад.

— Хиран. Так в чем все же дело?

— Я не совсем одета для такого ресторана. — смущенно проговорила Хиран, покосившись на женщину, за столиком неподалеку. — Я же говорила, что стоило переодеться, но ты не...

— Так дело в платье? — удивленно спросил он.

— Причем здесь платье?! — немного возмущенно сказала девушка. — Хотя, да, в платье. То есть, не совсем. На мне сальвар — камиз. Но дело даже не в этом. Если бы на мне был нормальный сальвар-камиз, то это было бы еще ничего, но на мне простая домашняя одежда. А это не очень подходит к обстановке такого ресторана. Я же говорила, что надо переодеться. И у меня есть красивые платья и туфли, а теперь я.... Что?!

Она возмущенно сверкнула глазами на Колина, и он понял, что почти смеется. Что же, смене настроения этой девушки можно только удивляться. Еще минуту назад она смущенно отводила взгляд, а теперь готова была чуть ли не топтать ногами. Но как же хороша она была. Даже в этом ее, что-то-там-камизе.

— Женщины. — протяжно вздохнул Колин. — Ладно. Я все понял. Тогда может возьмем еду с собой и поедем туда, где можно быть и в... в том, в чем ты сейчас?

Она замерла. А потом как-то разом расслабилась. Неуверенно улыбнулась, а Колин, поражаясь своей проницательности, понял, что она уже пожалела о своей вспышке. Вспомнила, что знакомы они от силы пару часов, а она уже выговаривает ему за оплошность. И он уловил тот момент, когда она уже готова была начать извиняться, но не позволил. Он подмигнул ей, и все же взял за руку, чем потряс не только Хиран, но и себя. Потом, когда снова окажется в своей квартирке над гаражом, он будет пытаться объяснить себе этот поступок, да и в общем весь этот день, но не теперь.

— Пошли. — сказал он. — Выберешь, что тебе нравится.

Колин отвез Хиран на пляж. Они устроились прямо на песке, разложив фирменные бумажные пакеты на расстеленный шарф Хиран. Правда она назвала это как-то иначе, когда предложила воспользоваться им вместо скатерти, но он забыл название, потому что не мог отвести глаз от самой девушки. Она смеялась, когда из-за легкого бриза не могла ровно расстелить ткань. Они помыли руки, купленной водой, поливая из бутылки друг другу, а потом Хиран стала проворно раскладывать еду на одноразовые тарелки. Она подала Колину его порцию и, пожелав ему приятного аппетита, сама взялась за еду. И от этого зрелища у Колина перекрыло дыхание.

Она не ограничилась вилок и ножом. Или если точнее сказать, почти ими не воспользовалась. Хиран совершенно уверенно ела руками, умудряясь делать это изящно и

аккуратно. Он не раз видел, как это делал Арун. Конечно, когда они обедали или ужинали в ресторанах, он пользовался исключительно столовыми приборами. Но в студенческие годы частенько проделывал подобное, но никогда Колин не мог предположить, что это может быть таким захватывающим зрелищем. Это было похоже на изысканное эротическое действие, невольным свидетелем которого он стал. Хиран ловко поддевала кусочки еды и отправляла их в рот, касаясь кончиков пальцев губами. То ли от солнца, то ли от удовольствия вкусной еды, она немного жмурилась и блаженно вздыхала. Во время движения руками ее браслеты скользили от локтя до запястья, и обратно, наполняя пространство вокруг них двоих тихим позвякиванием.

Странно, но они почти не разговаривали. Это не было неловким молчанием, просто были рады этим минутам, когда только шум моря и ветра нарушал тишину. Когда с едой было покончено, они какое-то время сидели и смотрели на море, а потом Хиран пошла по песку к воде. Сначала она просто ходила по берегу, но вскоре стала искренне наслаждаться всем, что ее окружало.

Колин Тейт был потрясен. Вот так. Неожиданно и окончательно. Он не мог отвести своего взгляда от невесты друга, которая, кажется, вовсе забыла о его присутствии. Она сняла свои легкие сандалии и босая кружилась по мокрому песку у самой кромки прибоя. Вода, с пенной каймой то набегала на берег, лаская ее ступни и лодыжки, то медленно отступала, словно не смея мешать ее веселью. Но ей и этого было мало. Пользуясь, что в будний день на этом не слишком популярном пляже никого кроме них не было, она засмеялась и запела во весь голос какую-то песню, из которой Колин не понимал ни слова. Было ясно, что она поет не на английском, но не это было главным. Такого отвратительного пения Колин давно не слышал, и это вопреки всему делало Хиран еще идеальней. Она неудачно покрутилась и упала на четвереньки, оборвав песню на полуслове. Но после секундного замешательства засмеялась. А уже в следующую минуту поднялась и побежала к Колину, увязая в мокром песке.

Колин сидел на мотоцикле, сложив руки на груди, и не понимал от чего, как сумасшедшее бьется его сердце. Девушка подошла к нему и откинула растрепавшиеся волосы с лица, а ее глаза горели и прожигали Колина насквозь. Он не понимал, что творилось с ним, но как в замедленной съемке видел, как ее темные волосы треплет ветер, как серьги отбрасывают блики на смуглую кожу. Он хотел бы, но не мог не замечать, как приподнимается и опускается ее грудь при каждом вдохе и выдохе. Отчетливо видел пятна на светло-зеленой ткани ее одежды от морских брызг. Колин перевел взгляд на ее босые ступни. Он уже забыл название ее широких штанов, но это было не важно. Теперь они не были уже нежно-зелеными, а были перепачканы песком и намокли насквозь до колен. Но Хиран, кажется, это не волновало.

Она открыто улыбалась, и в ее темных глазах не было грусти, которую он видел, когда пришел в квартиру к Аруну. Хиран смотрела на Колина так, словно он привез ее не на пляж, а рассыпал перед ней сундук с драгоценностями, чем совершенно сбивала его с толку.

— Спасибо! — выдохнула она.

Он не ответил. Потому что не мог. Не мог справиться с наваждением. Вот если бы она перестала так смотреть на него, то может быть он смог бы взять себя в руки. Но Хиран не отводила глаз, и в их темной глубине он видел так много. Радость, похожую на детскую восторженность, доверчивость, граничащую с наивностью, и открытость. А еще ему казалось, что она сама ищет что-то в его глазах, и от этого Колин чувствовал свою

уязвимость. Это было непривычно. И волнующе. Ему не хватало воздуха, и он не понимал, почему каждый вздох дается с трудом.

Чтобы хоть как-то отвлечься, он наклонился, прерывая их зрительный контакт, и поднял с песка бутылку с водой. Открутив крышку, он протянул воду Хиран, но та покачала головой. Тогда Колин сам сделал глоток. Закрыв, он убрал бутылку в пакет, куда они сложили посуду и остатки еды, и, пытаясь избавиться от наваждения усмехнулся. Он привык выходить из щекотливых ситуаций при помощи пустой болтовни и шуток, и решил последовать традиции.

— Ты самозванка! — весело сказал он, и улыбнулся, увидев ее удивленное лицо.

— Что? — переспросила она. — О чем ты?

— Ты совершенно не умеешь петь! — притворно скривившись, констатировал он.

— Ну и что? — все равно, не понимая, Хиран пожала плечом. — Причем здесь пение? Кто-то умеет петь, а кто-то нет.

— Но ты-то должна. — настаивал Колин.

— Почему? Разве я говорила, что умею петь? Даже Арун знает, что певица из меня никудышная. — совершенно, не огорчаясь данному факту, призналась она.

— Но как же? Разве вы там все не поете? Нет? — стараясь сохранить серьезный вид, продолжал игру Колин. — Бегае́те среди деревьев и поете. Я точно знаю. Помню, одна дорогая мне женщина, очень любила смотреть такое кино. Все что они там делали, так это пели. А ты абсолютно не умеешь петь! Странно.

— Я не...

Несколько секунд Хиран непонимающе смотрела на него. А потом Колин увидел, как растерянность сменяется удивлением, а оно в свое очередь сменяется неверием. Еще несколько секунд Хиран смотрела на него, как на сумасшедшего, и только в конце ее глаза зажглись пониманием и она рассмеялась. Она залилась звонким смехом, и этот звук наполнил Колина обжигающим жаром. Ему стало больно, от щемящей нежности к этой удивительной девушке.

Но как такое возможно?!

Хиран была красавицей. Но разве мало он видел красавиц. Они окружали его постоянно. Она была экзотически особенной. Но в Нью-Йорке можно было встретить женщин еще более экзотичных. Он почти не знал ее. Она была невестой его друга. Но где-то между той минутой, когда она пела, и той, когда она шла к нему по мокрому песку, Колин понял, что не встречал никого прекраснее Хиран.

Но не это сокрушило его окончательно. Именно под этот звонкий смех он осознал свое предательство. Потому что забыл, что знает ее совсем ничего. Потому что не помнил, кому она принадлежит. Потому что захотел ее для себя.

Хиран никогда не предполагала, что ей может быть так страшно. И при этом она совершенно не понимала, что пугало ее. Это было похоже на предчувствие. Словно что-то подбирается к ней, но она пока не может понять что это, и чем грозит, а значит и понятия не имеет, как с этим бороться. Просто что-то сжимало грудь, и ей не хватало воздуха надыхаться. Еще она вдруг испугалась, что с ней случится сердечный приступ. А иначе, почему так бьется сердце. Особенно тогда, когда Колин смотрел на нее своими синими глазами. Никто и никогда не смотрел на нее так. Сильно и проникновенно. И впервые Хиран не чувствовала неловкости при таком пристальном взгляде. Напротив, хотелось еще. Она хотела, чтобы этот день не заканчивался, никогда. Вернее последние три часа. Поражаясь своей легкомысленности и неразумности, она вновь хотела пробежаться по берегу, вдохнуть глубже свежий, солоноватый воздух. Никогда еще море не было таким красивым, песок горячим, а еда вкусной.

Хиран даже не чувствовала неловкости от того, что почти незнакомый мужчина смотрит на нее и молчит. А она молчала в ответ. Вот бы эта минута длилась и длилась.

Но это продлилось еще ровно несколько мгновений, а потом все исчезло. Колин едва заметно вздрогнул, и из глаз исчезла теплота. Он засунул руку в карман джинсов, и Хиран только что услышала, как играет незнакомая ей мелодия. Один взгляд на экран и мужчина поднес телефон к уху.

— Арун?

Это имя перевернуло что-то внутри. Напомнило, кто она и где. И то, как и по каким причинам оказалась на этом пляже с Колином Тейтом.

Хиран не знала, о чем они говорят с Аруном, но чувство радости и безмятежности исчезло. Да и весь Колина наполнился едва уловимым напряжением. Он отвечал Аруну односложно и коротко. А потом, не сводя с Хиран своих синих глаз, убрал телефон обратно в карман.

— Нам надо ехать. — сказал он, — Арун уже дома.

Почему-то стало стыдно. Что Арун вернулся, и не застал ее. У него что-то случилось, и он поехал помочь другу. А она, вместо того, чтобы ждать его, уехала с малознакомым мужчиной и веселилась как маленький ребенок, а вовсе не невеста.

Хиран со стыдом поняла, что, за то время пока была с Колином, ни разу не вспомнила об Аруне. Это наполнило ее раскаянием.

— Я не должна была уезжать... — сдавлено проговорила она и посмотрела на Колина.

Он поменялся в лице. Стал жестче и отстраненнее. А из глаз исчезла теплота, осталась только насмешка. Хиран стояла и ждала, что он что-то скажет, но Колин молчал. И ей стало неудобно. Неудобно. Впервые с того момента, как этот мужчина вошел в квартиру Аруна ей стало не по себе в его присутствии. И появилось ощущение неправильности происходящего.

Он резко отвернулся, снял висевший на руле шлем, и протянул Хиран.

— Поехали. — коротко бросил он.

Она едва успела подхватить шлем, так быстро он выпустил его из рук, на этот раз и не думая помогать одеть его. Он перекинул ногу через сиденье своего мотоцикла и замер на нем как изваяние. Хиран на несколько секунд, как и он, оцепенела не в состоянии понять, что только что произошло. Ей казалось, что перед собой она видит совершенно другого

человека. И если бы она увидела его таким в квартире Аруна, то никогда бы не решилась с ним куда-то поехать.

Но тут же одернула себя. Откуда ей знать какой друг Аруна на самом деле. Это она совсем потеряла голову и забыла обо всем. Пока ела на пляже, под палящим солнцем и морским бризом. А потом кружилась и пела под его пристальным взглядом. Таким же теплым, как песок под босыми ногами. А теперь в синеве его глаз не возможно было рассмотреть ни грамма теплоты. Это почему-то рождала тоску, позабытую на время. Неуверенность и растерянность, что не давали ей свободно дышать с самого дня их помолвки с Аруном.

Колин сидел на своем мотоцикле и Хиран казалось, что в ней понемногу что-то замерзает. Заканчивается, не успев начаться. Непонятное и тревожное чувство заставило сбиться с ритма собственное сердце, а к глазам подступили слезы. Это так напугало Хиран, что она вместо того, что бы сесть на мотоцикл шагнула назад. Заметив это, Колин повернулся к ней.

И тут в его глазах что-то вновь поменялось. Не совсем, но его еще недавно холодная синева немного смягчилась. И тень сожаления промелькнула на лице. Он вздохнул.

— Ну, что же ты? Индийская принцесса. Садись на мотоцикл. Тебя ждет твой жених. — сказал он, и отвернулся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Хиран надела тяжелый шлем и подошла к Колину. С каким-то трепетом, который не испытывала в первый раз забралась на мотоцикл и обхватила Колина руками за пояс. Может ей показалось, что он на мгновение перестал дышать, но это заставило ее собственное дыхание пресечься. И мир сузился до них двоих на хромированной машине. Они неслись, лавируя среди сливающейся массы автомобилей, и лишь множество пятен желтых машин такси разбавляли серую массу. А Хиран прижималась к твердой спине и не могла сдержать легкой дрожи. Она не могла обмануть себя и сказать, что это от холода, при такой жаре. Она не могла свободно дышать, от ощущения напряженных мышц живота Колина под своими ладонями. Хиран не понимала, что творилось с ней. Но отчаянно желала, чтобы наконец-то мотоцикл остановился, и она могла отодвинуться от Колина. Отойти от него, чтобы исчезли эти незнакомые, волнительные в своей запретности ощущения. И в то же время молилась, чтобы дорога тянулась дольше.

К концу поездки Хиран была на взводе. Она соскочила с мотоцикла, стоило только Колина притормозить на обочине. Он хотел ей что-то сказать, сердито нахмурившись, но она не позволила. Как и он, еще на пляже, всучил ей шлем, так и она поскорее отдала ему его и устремилась к стеклянным дверям дома, где находилась квартира Аруна.

Прочь от палящего солнца в желанную прохладу холла. Прочь от Колина Тейта в успокаивающие и надежные объятия Аруна.

Арун расхаживал по гостиной, борясь с искушением подойти к бару и налить себе добрую порцию виски, который держал в основном для гостей. Но именно сегодня, он нуждался в нем сам.

Что бы ни было, Арун всегда знал кто он, откуда он, и в чем его долг. Он неизменно старался поступать по совести. Конечно, он совершал ошибки и иногда оступался. И за них готов был нести ответственность. Но он всегда знал, что главное, а что второстепенное. Что всегда стоит в приоритете.

А теперь нет.

Теперь он не знал ничего. Теперь он уже не мог точно сказать, в чем его долг. Что правильно, а что нет. Еще утром, он знал, что поступает правильно. Как бы больно и трудно это не было, он понимал, что иначе нельзя. А теперь он мог только с уверенностью сказать, что не может сделать ни в коем случае.

Он не может бросить Хиран и обречь ее на участь брошенной перед самой свадьбой невесты. Он не мог подвести собственную семью и нарушить собственные обещания. Но теперь он так же не мог и нарушить обязательства перед Эрикой и ребенком, которого она носит.

При мысли о беременности Эрики его охватило отчаяние. Когда Эрика сказала о ребенке, Арун был потрясен. А потом осознание ситуации, в которой они все оказались, обрушилась на него дамокловым мечом. И винить в этом было некого кроме как себя. Кто виноват в этом? Хиран? Его невинная невеста, приехавшая из Индии в полной уверенности, что будет женой того, кто станет уважать и любить ее, станет заботиться о ней. Эрика? Которая влюбилась и поддалась чувствам. Доверилась мужчине, с обязательствами. Ребенок? Который должен был родиться, нарушая все планы и понятия о чести и долге своего отца. Нет. Только он один виноват в том, что происходило. И именно ему предстояло распутывать этот клубок, пытаясь не порвать ни одной нити и понимая, что этого не избежать.

Арун знал, что такое долг перед семьей и готов был, во что бы то ни стало, исполнить его. Вот только теперь его семья — это Эрика и ребенок.

Теперь не было для него иной семьи, и он это прекрасно знал.

Все было слишком сложно. И ждущее его впереди не обещало быть более легким, но... В тот момент, когда Эрика сказала ему, что беременна. Еще до той секунды, когда осознание всей сложности их положения обрушилась на него, он испытал то, на что не имел права. Счастье. Ликование. Не обремененного обязательствами сына и жениха, а просто мужчины, любимая женщина которого ждет его ребенка.

Он смотрел в голубые глаза Эрики, в ее взволнованное лицо, сжимал ее трясущиеся руки и готов был целовать ее до умопомрачения. Он хотел бы прижать ее к себе так крепко, чтобы не осталось ни единого миллиметра воздуха между ними. И никогда он не любил Эрику сильнее, чем в тот момент. Уже тогда он понял, что должен делать, в чем теперь его жизнь. Но было еще одно чувство, которое он испытал, узнав о ребенке. Чувство, за которое ему теперь было стыдно. Облегчение. От того, что теперь все изменилось. От того, что независимо от данных обещаний должен жениться на Эрике.

Только существовал один человек, который был дорог ему не меньше, чем Эрика. Он любил Хиран иначе. Но не меньше. И теперь, ожидая ее, он не знал, как сможет посмотреть ей в глаза. А потом сказать, что свадьбы не будет.

Хиран вошла и замерла у открытой двери.

И Аруна поразил ее вид. Саловар испачкан до колен, разругавшаяся, с растрепанными волосами, она была слишком взволнована и, кажется, немного напугана. Но в ее глазах было столько радости, когда она увидела его, что тревога улеглась, и Арун протянул ей руку, в слепой потребности обнять Хиран.

Она лишь секунду помедлила и впорхнула в его объятия, прижавшись к его груди. От нее пахло морем и солнцем, и еще тонкой нотой сандала ее духов. Милая и нежная. Такая родная.

— Хиран. — прошептал он, пытаясь найти тоже успокоение в ней, какое он знал, она всегда находила в нем.

— Я так рада, что ты вернулся! — сказала она и подняла к нему улыбающееся лицо.

— Я вернулся, а тебя и след простыл. Зашел на кухню. А там...

Арун вздрогнул от звонка мобильного, лежащего на столике. Он протянул руку, не выпуская Хиран из объятий и взяв его, посмотрел на дисплей. Звонил Колин, что удивило Аруна. Он ожидал, что друг поднимется вместе с Хиран. Он ответил на звонок.

— Кэл?

— Я на улице, Джей. — коротко бросил Колин. — Твоя невеста пришла?

— Да, она дома. А ты...

Арун не успел договорить, как Колин отключился. Не понимая, что происходит, он взглянул на Хиран. А она больше не улыбалась. Виновато потупилась и привычно теребила браслеты на правой руке.

— Что-то случилось, Хир? Колин обидел тебя?

Он и сам не понял, откуда взялось это предположение. Но Колин и Хиран вели себя странно. Арун хорошо знал друга, чтобы распознать в его голосе раздражение или даже некоторую злость. А Хиран он знал еще лучше, чтобы увидеть, что-то случилось. К тому же он вспомнил о разбитом графине с соком на кухне, который увидел, придя домой.

— Хир?..

— Нет! Что ты, Арун! Никто меня не обидел. Он... Твой друг он... Мы гуляли.

Хиран отошла от него на пару шагов, а потом и вовсе зачем-то принялась поправлять диванные подушки, которые и так лежали идеально. Было видно, что она нервничает. Но этому как раз Арун не удивлялся. Вздохнув, он подошел к Хиран и, взяв за плечи, развернул к себе.

Конечно, друг был тут не причем. Хиран только что прилетела и не успела опомниться, как он, вместо того, чтобы самому позаботиться о ней, поручил ее чужому человеку. Именно он должен был быть с ней, а не Колин. Так что удивительного в том, что Хиран выглядит усталой и растерянной.

— Ты обедала, Хир?

— Да. — кивнула она. — Спасибо. Арун... — Хиран нервно дотронулась до пуговицы на его рубашке. — Все хорошо? С твоим другом? Я просто... Просто хотела узнать, ты больше не поедешь сегодня... Я...

Чувствуя себя бесконечно виноватым перед ней, Арун тяжело вздохнул.

— Бедная моя Хиран. — Арун провел рукой по ее темным, как ночь волосам. — Прости меня, Хир. Я не должен был оставлять тебя.

— Нет, Арун! Я знаю, каким хорошим другом ты можешь быть. Ты всегда делаешь все как надо. Как ты мог не поехать, если кому-то нужна была твоя помощь. Но я рада, что ты вернулся. А ты... — она снова отводила взгляд. — А ты не сердись, что не дождалась тебя?

— Нет, конечно. Это ведь я попросил Колина провести тебя. И накормить, если ты проголодалась. Правда я удивился, что ты ушла. Но это и к лучшему. Тебе не пришлось сидеть одной. Так куда вы ходили?

— Мы ездили на пляж. Поели прямо там. Было здорово.

— Так вот почему ты вся такая растрепанная и перепачканная. — усмехнулся Арун. — Ты, наверное, устала. Пойдем, я покажу тебе твою комнату. Отдохни немного. — Он

отпустил плечи Хиран и отошел.

Ему и самому нужно было подумать. Он не мог продолжать обманывать Хиран. И должен был сказать ей обо всем, но пока даже не представлял, как сможет сделать это. А она уже нахмурилась, словно почувствовав, что его что-то терзает. Чувствуя смертельную усталость и не способность пока говорить с Хиран он отвернулся. Ему было просто необходимо время собраться с мыслями.

— Арун. — тихо позвала его Хиран, и ему ничего не оставалось, как повернуться к ней снова и посмотреть в глаза.

— Что такое, Хир? — спросил он, уже все поняв.

Арун видел и сам, что терзает ее, о чем хочет спросить его невеста. Но так же он понимал, что не сможет ей ответить так же искренне, как прежде. Но она была безжалостна, хоть и неосознанно. Хиран смотрела на него так открыто и с такой надеждой. Она как обычно хотела его поддержки. Чтобы он развеял ее сомнения. Успокоил.

Но теперь он и сам ни в чем не был уверен.

— Ты любишь меня? Ведь любишь? — открыто спросила она, заставив сердце Аруна сжаться от боли и раскаяния.

Конечно, любил! Как же сильно ее он любил. Свою нежную и невинную Хиран. Он мог бы рассказать ей о том, как дорога и как значима была она для него. Как не хотел бы причинять ей боль. Но она спрашивала его не об этом. Не это она хотела знать.

От его молчания в ее темных глазах появилось сомнение. Оно было там и раньше, но теперь разрасталось и заставляло ее нервно теребить браслеты.

— Хиран. — он протянул ей руку и она, как и всегда, не задумываясь, вложила в нее свою ладошку. — Моя милая Хиран. — он поймал и вторую ее ладошку и прижал их к своей груди. — Если бы ты только знала как дорога мне.

— Арун...

— А ты? Ты любишь меня, Хир? Это очень важно, милая. Что ты чувствуешь? Ты любишь меня?

Он почти физически ощущал отсчет секунд, пока Хиран молчала. Он хотел бы, чтобы ее молчание длилось дольше. Тогда возможно ему стало бы легче. От того, что она сомневается. Но прошло не больше трех секунд, как она, вздохнув, на выдохе ответила:

— Да. Я люблю тебя, Арун. Очень-очень люблю! Ты сомневался? Тогда зря. Конечно, люблю.

Арун резко притянул ее к себе, больше не в силах смотреть Хиран в глаза. Понимая, что, скорее всего ее любовь превратится в ненависть. Только он обманывал сам себя. Хиран не смогла бы его возненавидеть. Разве его Хиран способна на это? Нет. Но от понимания этого становилось только хуже.

— Прости меня, Хир. — почти беззвучно прошептал он. — Прости меня, милая.

— Арун? Что случилось? За что простить? Ты не сделал ничего плохого. Если ты о том, что ушел, то я уже сказала, что понимаю.

— Вот и хорошо. — кивнул Арун, не готовый пока начать трудный разговор. — А сейчас тебе надо немного отдохнуть. А вечером мы поговорим обо всем. Хорошо?

— О свадьбе? — отводя взгляд, Хиран отступила.

— Да, Хиран, о свадьбе.

От понимания, что разговор выйдет не совсем такой, как ожидает его невеста, Арун почувствовал себя скверно. Меньше всего на свете он хотел бы обидеть Хиран. Но выбора у

него не было.

Он должен рассказать ей о том, что свадьбы не будет. И когда отвергнутая невеста спросит «почему» он должен будет ответить. Сказать о том, что она угадала, когда сидя на заборе в день их помолвки, задала свой главный вопрос и была как никогда права.

Хиран устала, за этот долгий день, и смело предполагала, что уснет, как только коснется головой подушки. Но она ошибалась. Еще ни одной ночи она не ночевала так далеко от дома. И все было совсем другим. Дома, в Индии, она спала, распахнув окна, и теплый воздух проникал в комнату, наполняя ее тонкими ароматами цветов и сладкими запахами фруктов. И птицы не унимались всю ночь напролет. Ей даже не хватало надоедливого жужжания насекомых, от которых спасала бы москитная сетка, словно балдахин, закрывающая кровать.

Хиран не хватало света тусклой желтой лампочки в виде цветка лотоса воле кровати, и тихого потрескивания ароматной свечки, которая пахла сандалом.

А еще, только когда перевалило за полночь, Хиран поняла, что бессознательно все это время ждала бабушку, которая непременно заходила к ней перед сном, чтобы дать свое благословение и прочитать короткую молитву. А потом она погладила бы шершавыми ладонями по ее щекам и коснулась бы губами лба.

А теперь Хиран лежала в красивой, но неестественно тихой комнате, и не могла сомкнуть глаз. Она слышала, что Арун еще не спит и тихо разговаривает с кем-то, очевидно по телефону. Не могла разобрать ни слова, но продолжала вслушиваться, словно в этом искала спасение от давящей тишины. Хиран чувствовала усталость, а заснуть не могла. И вдруг она вспомнила о молоке. Как человек в последней надежде хватается за соломинку, так и она решила, что именно привычного стакана со сладким молоком ей и не хватало, что бы, наконец-то, уснуть.

Она знала, что и Арун любит молоко и именно сладкое. Ведь это он научил ее пить его. Хиран решила, что и для Аруна приготовит порцию. И если он захочет, то они выпьют свое молоко вместе. Ведь, судя по всему, Аруну тоже не спиться.

Ободренная, этой мыслью, Хиран быстро откинула простынь и встала с постели. И как была босая вышла из спальни. В гостиной никого не было. Возле входной двери и дивана горели светильники, придавая помещению больше уюта. Хиран прошла на кухню и как-то по глупому обрадовалась наличию молока в холодильнике. Она подогрела его, добавила сахара и разлила в чашки. И, не беспокоясь о подносе, отправилась к Аруну, неся чашки в руках.

Он все еще тихо говорил по телефону. И чем ближе Хиран подходила к приоткрытой двери, тем отчетливее могла слышать слова Аруна. Она лишь несколько секунд помешкала, подумав вдруг, что может помешать другу, возможно разговор был очень важным. Но потом подумала, что если Арун даст ей понять, что очень занят, она просто оставит ему молоко в его комнате и уйдет.

Но так и не сделала последний шаг.

Сначала Хиран поняла, что Арун расстроен. Очень сильно чем-то расстроен. И только потом она поняла, что в его голосе было что-то большее. Нежность.

Хиран замерла у двери, боясь вдохнуть от недоброго предчувствия. Она даже не знала, откуда оно появилось, но заставило Хиран стоять, когда все в ней кричало уйти и не слышать, не понимать...

— ... не заслуживает. Но теперь нет выхода... Не волнуйся. Нет... Нет... В этом нет твоей вины. Во всем этом нет ничьей вины, только моя. Но... Она... поймет, я не сомневаюсь. Но от этого не изменится тяжесть того, что я должен сделать, Рик. Понимаешь?

Я люблю ее. Она мой друг! Она — это все самое светлое во мне...

Хиран почувствовала, как по ее пальцам пролилось молоко и, испугавшись, она прижала чашки к груди, уже не обращая внимания, что от резкого движения молоко плеснулось на ночную рубашку, расплзаясь темным пятном.

— ... знаю... Я помню, и я ведь обещал, что поеду с тобой. Все будет хорошо... Ты не должна волноваться, дорогая. Я все решу. Просто заботься о себе.

— ...Почему я должен сердиться на тебя?.. Я тоже хотел бы, чтобы все было иначе. Что бы у нас с тобой все было иначе. Но ты не должна думать, Рик, что я не хочу того, что есть сейчас. Я этого не заслуживаю, но я рад. Ты же знаешь, милая, будь все по-другому, я был бы счастлив. Но то, что мне предстоит сделать... Я не могу не думать об этом...

— ... Я тоже тебя люблю, Рик... Нет. Не жалею. Но за это придется заплатить Хиран. И это... это убивает меня, Рик.

Хиран уронила стаканы с молоком. Они просто выскользнули и ее пальцев и упали с глухим стуком, выплеснув содержимое на паркет. Почему-то, первое, что Хиран почувствовала, глядя на разлитое молоко, было облегчение. От того, что не разбила стаканы. Иначе было бы слишком много разбитой посуды в доме Аруна за один день.

И только потом поняла, что разговор за неприкрытой дверью стих. Она растерянно подняла взгляд и увидела перед собой Аруна. И его расстроенное и побледневшее лицо сказало ей больше, чем весь подслушанный разговор.

Он молчал и только с сожалением покачал головой.

Некстати, Хиран вспомнила глупый разговор с другом Аруна, когда он заявил, что не понимает, что означает, их характерный жест качания головой.

Вот и Хиран сейчас не понимала.

Не могла понять, подтверждает Арун все те мысли и страшную правду, которую она начала осознавать. Или отрицает, хотя они оба уже понимали — это не имеет значения.

И Хиран стало страшно. Так безумно страшно. Она не успевала проследить за тем, с какой скоростью на нее обрушивалось понимание происходящего. В данную секунду она осознала, что потеряла его. Аруна. Своего лучшего друга. Она слишком недолго была его невестой, чтобы сожалеть об этом. Да и последствия пока еще только смутно формировались в ее мыслях. А вот то, что друга она теряет безвозвратно, Хиран чувствовала остро. И это чувство потери рождало страх. Страх потерять что-то бесценное и невозполнимое.

В каком-то глупом порыве она шагнула к Аруну, наступив в пролитое молоко. Это остановило ее, и она снова застыла. Только протянула руки, словно прося о помощи.

— Пожалуйста, Арун. Пожалуйста. — прошептала она.

О чем она просила, Хиран и сама понятия не имела.

Остановить все это. Исправить. Объяснить.

Арун шагнул к ней, и с тихим стоном обхватил руками и прижал к себе. А Хиран позволила. Она прильнула к нему, вцепилась пальцами в ткань рубашки, вдохнула знакомый и родной запах и замерла. Надо было оттолкнуть его, потребовать объяснений, но она не могла. Не была готова принять все и поверить. Не могла услышать правду и понять происходящее. Просто хотела оставаться в объятиях лучшего друга. Потому что было страшно и больно. А она всегда находила утешение у Аруна, когда было страшно и больно.

И пока что еще не имело значения, что именно Арун на этот раз повинен в ее уязвимости. И поэтому Хиран не сделала попытки освободиться их объятий Аруна, когда он

легко подхватил ее на руки и отнес на диван. Когда бережно усадил ее и, с печалью всматриваясь в ее лицо, провел ладонью по ее волосам. А потом снова обнял, вместе с ней откинувшись на спинку дивана.

— Хиран...

Но она не хотела слушать и говорить вообще. И словно ребенок, боящийся грозы еще сильнее прижалась к Аруну и, покачав головой, зажмурилась.

— Хиран, пожалуйста. — умоляющий голос Аруна причинил боль. — Прошу тебя. Поверь, я не хотел, чтобы все было так... Ты... Я не хотел, чтобы ты узнала об этом вот так.

Хиран, понимая, что ей не удастся избежать реальности, отстранилась от Аруна. Он попытался снова обнять ее, но она не позволила.

— Ты больше не хочешь жениться на мне?

Комок подступил к горлу. Арун же провел рукой по своим волосам. Хиран уже знала ответ. Разве услышанного мало, чтобы понять.

— Я хотел, Хиран. Правда. Я всегда знал, что это будешь ты. Когда-нибудь станешь моей женой. И я знал, что смог бы сделать тебя счастливой. Но... Все изменилось теперь. Я не хочу, чтобы ты думала, будто это твоя вина. Это не так. Но теперь свадьба невозможна, Хиран.

— Кто такая — Рик?

— Хиран...

— Кто? Это из-за нее ты не хочешь жениться на мне? Ты... любишь ее, да? Скажи, пожалуйста. Эта Рик — та, которую ты любишь? Скажи мне...

— Да. Да, люблю.

И Хиран заплакала. Без рыданий, без всхлипов. Просто слезы побежали по лицу.

— Почему же ты не сказал мне? — жалобно прошептала Хиран. — Я же спрашивала тебя. Почему ты не сказал мне...

— Хиран. Помолвка состоялась. Чтобы это изменило? И я действительно намеревался жениться на тебе. Мои чувства не имели никакого значения. Я должен был исполнить свой долг по отношению к тебе и нашим семьям.

— Долг? Но... Ты говорил, что любишь меня. Ты говорил... Говорил, что мы будем счастливы. Но как же... Боже... Я приехала, потому что думала... Думала, что ты любишь меня. Что мы поженимся. А теперь... О, Боже... Что же теперь будет...

Хиран чувствовала, что паника обрушивается на нее, но не могла предотвратить это.

Арун никогда ее не любил. Он никогда не хотел этого брака. Это был только долг и ничего больше. Хиран и раньше знала, что может не все так романтично, как бывает у некоторых пар. Но привыкла к тому, что есть. Она верила, что их любовь нечто особенное. Тихое и уютное. Нежное и надежное. Именно это и было самым главным. Бабушка всегда говорила, что страсть и порывистость не лучший советчик в выборе мужа. Что со временем огонь гаснет. Но то, что у них с Аруном хорошая основа для брака. Что их чувства со временем будут только крепнуть. Что нет преданнее и надежнее возлюбленного, чем тот, который когда-то был твоим другом. Но теперь Хиран не знала, что думать. Разве Арун ее друг? Раве друг поступил бы так?

— Хиран, послушай, я...

Арун попытался взять ее за руку, но Хиран дернулась и вскочила с дивана. Она больше не хотела слушать. Потому что все было неправдой. Все. Арун. Друг, который лгал ей все время. Который говорил, что любит, а сам ненавидел ее за то, что должен был жениться на

ней. Она сама — ненастоящая, нежеланная невеста, оказавшаяся всего лишь препятствием в жизни дорогого ей человека. Эта страна, этот город, и эта квартира, которая должна была стать ее домом, но никогда не станет.

Хиран сквозь слезы смотрела на Аруна и видела усталого мужчину, с болью смотрящего на нее. Он все понимал. И все знал. И жалел ее. Хиран видела эту жалость в его черных глазах. Она даже злиться не могла на него. Потому что понимала, почему он согласился на свадьбу. Только одно она не могла понять.

— Ты должен был мне сказать. — она отступила, когда Арун снова попытался приблизиться к ней. — Пока все не зашло так далеко. Что теперь мне делать, Арун?

— Хиран. Не надо. Милая моя, мы что-нибудь придумаем. Я сделаю для тебя все что угодно. Я знаю, что все это моя вина. Я знаю, что ты вправе ненавидеть меня. Но я и правда люблю тебя, Хир. Может и не так, как должен любить жених свою невесту, но ты мой друг. Ты сестра, которой у меня не было. Ты очень дорога мне и я не позволю плохому случиться с тобой.

— Но плохое уже случилось Арун. — жалобно всхлипнула Хиран. — Ведь ты не женишься на мне. И я стану невестой, которую отвергли. Как я вернусь домой, Арун? О Боже, я же не могу вернуться домой. Мне позволили уехать к жениху! Я должна была выйти замуж и на праздник Дивали вернуться замужней женщиной. Как же... Что же мне теперь делать?

Арун все же в два шага преодолел разделявшее их пространство и обхватил Хиран руками. Он сжал ее плечи почти до боли, но это было хорошо, потому что Хиран уже начала дрожать как от холода.

— Тише, Хиран. Не надо об этом думать сейчас. Давай успокоимся, а потом еще поговорим. Мы придумаем что-то. Я не собираюсь отказываться от тебя. Ты много значишь для меня. Я позабочусь о тебе.

Позаботится? Как он мог о ней позаботиться, если она вернется в Индию. Мысль об этом привела ее в ужас. Отец никогда не простит ее. Никогда. Кто захочет жениться на ней, после того как от нее откажется Арун. Как вообще она сможет теперь вернуться домой?

У Хиран не было сил сейчас думать обо всем этом. Она уже больше не желала спасительных объятий Аруна. Не могла она найти в них ни утешение, ни надежность. Сейчас они казались насмешкой над ней. И над всем, во что она верила.

В голове, словно рой пчел, роилось множество вопросов. Но Хиран была не в силах их задать. Она отстранилась от Аруна, и он отпустил ее. Он смотрел на нее с такой нежностью, что у Хиран заболело в груди.

— Прости меня, Хиран. — с горечью произнес он. — Прости меня.

— Я хочу пойти к себе. — едва сдерживая уже рвущиеся рыдания, произнесла Хиран. Арун на несколько секунд прикрыл глаза и кивнул.

— Мы поговорим обо всем завтра. Мы все решим, Хир. Вместе, мы все решим.

— Да. Завтра.

Хиран отвернулась и, стараясь шагать как можно спокойнее, ушла в спальню. Постояв несколько долгих минут возле двери, она подошла к кровати и присела на самый край. Она сидела и сидела, не понимая, что теперь дальше делать. Она не знала, кто она теперь и что вообще тут делает. В квартире мужчины, который был теперь ей никем. Боль пронзила ее от этой мысли и Хиран согнулась пополам, прижав руки к животу.

Она представила себе отца в тот момент, когда он узнает обо всем. И бабушку. Как она

переживет все это? Почему-то вспомнился глупый спор с подругами о свадебном мехенди. Теперь было уже все равно, какой рисунок будет, цветы или птицы. Ее руки не украсит хна, и уже не имеет значение цвет ее свадебного сари. С завтрашнего дня она должна была начать подготовку к свадьбе. Поехать на встречу с организатором свадьбы, которая начала подготовку проекта две недели назад, специально прилетев в Индию для встречи с невестой. А еще предстояло бы выбрать новый дом, который стал бы их общим с Аруном домом.

А теперь все это уже не нужно. И Хиран понятия не имела, что будет завтра или послезавтра.

У нее были сомнения и тревоги, но она знала, что будет, что она должна делать и для чего все это нужно. Она беспокоилась по поводу свадьбы, но даже это беспокойство было связано с обозначенной целью. А теперь Хиран словно зависла над пропастью и готова была вот-вот сорваться вниз. Теперь она ничего не знала, только то, что Арун не любит ее. Ее жених и лучший друг не хочет жениться на ней, потому что любит другую.

Арун женится на той, другой. Рик. И это ее руки разрисуют хной, и это она пройдет семь кругов вокруг священного огня, чтобы и в последующих семи жизнях быть с Аруном вместе.

Хиран плакала и не могла остановиться. Она не понимала, сколько прошло времени. Все перевернулось с ног на голову и, казалось, вся комната насмехается над ней. И стены, выкрашенные в теплый оранжевый цвет, и резное зеркало, которое отражало часть широкой кровати и прикроватную тумбочку с ночником. И яркие подушки, разбросанные на покрывале. И эти стены стали давить, будто с каждой минутой комната сужалась, делаясь все меньше и меньше, норовя вовсе ее раздавить. Было невыносимо дышать.

Хиран вскочила и, не осознавая, что делает, открыла шкаф, куда только пару часов назад сложила вещи. Достала джинсы и блузку, и быстро скинув ночную рубашку, переоделась. Бездумно сунула ноги в домашние туфли, которые и так превратились в нечто, после ее нахождения на пляже.

И тут Хиран застыла. Она вспомнила ощущение нагретого солнцем песка под босыми ногами и шум прибоя. Соленые брызги воды на лице и собственный смех. Взгляд голубых глаз, усмешку и рев мотоцикла. И Хиран так отчаянно захотелось туда. Где ей казалось, что жизнь прекрасна. Она даже не задумалась о том, как доберется туда сейчас. Ни о том, что это может быть опасно, одной разгуливать среди ночи. Единственное, о чем она могла думать, это о том, что просто жизненно необходимо попасть туда. Она вспомнила, как называется этот пляж и ей оказалось этого достаточно.

В четыре утра Колин Тейт нашел разумное объяснение своему вчерашнему странному состоянию.

Во-первых, он всегда с трудом, или скорее с неохотой выныривал из нынешней жизни и возвращался в свою прежнюю, которая, по сути, ему уже не принадлежала. А во-вторых, странная просьба друга накануне так же добавила неразберихи в его размеренный распорядок.

Это вывело его из равновесия, и потому он так остро среагировал на знакомство с невестой друга. Конечно, он не мог не признать, что девушка была красива. При том, что у нее были не совсем правильные черты лица, все вместе это гармонировало, придавая ее облику яркость и необычность. А еще какую-то непривычную свежесть. Один ее взгляд чего стоил. Темный, как ночь, и в то же время горящий жизнью и любопытством.

Он знал, что ей было страшно ехать с ним, но любопытство и, по-видимому, присущий ей авантюризм не позволили девушке отказаться. Колин и не отрицал, что невеста Аруна легко могла привлечь внимание, что, в общем, и случилось. Он давно уже не встречал таких людей и, конечно, Хиран не могла его не заинтересовать.

Это был простой интерес, только и всего. Колин почти убедил себя в собственных умозаключениях, надо было только повторить это про себя еще каких-то пару миллионов раз.

Но решил, что лучшим средством перестать, хоть ненадолго, думать обо всем этом — это заняться делом. Он знал, что сегодня вряд ли понадобится Аруну, а вернее его невесте в качестве водителя-охранника. Кажется, они собирались поехать и посмотреть какой-то дом. Так что Колин, не смотря на ранний час, поднялся, принял душ и, выпив отвратительный кофе, собственного приготовления, позвонил и заказал себе пиццу. Потом спустился в гараж. У него было много работы. И пусть под конец дня он будет весь вымазан в масле и пропахнет бензином, и каждая мышца будет болеть, но это доставит ему куда больше удовольствия, чем он получал когда-то, просиживая весь день в кабинете, закупоренный в дорожный костюм, с удавкой на шее в виде галстука.

Телефон наверху не хотел затыкаться. Как и Рут, которая трещала без умолку уже больше получаса. Она пришла в гараж ближе к полудню и принесла обед. Искушение отправить восвояси эту надоедливую девицу было велико, ровно до того момента, как она достала из пакета пару банок холодного пива. Жара стояла такая, что футболка, которую Колин надел, выходя из душа, уже промокла насквозь, а пот заливал глаза и мешал работать. Поэтому Колин позволил Рут остаться и болтать всякую чушь, пока он сам наслаждался холодным пивом и обедом. Колин усмехнулся про себя и подумал, что невелика оказалась его цена. Обед, пиво и вульгарная мини-юбка. Сегодня Рут вырядилась особенно показательно. Вернее она явно преследовала цель надеть на себя как можно меньше. Может, это было и разумно, при такой-то жаре, только вот Колин сомневался, что выбор в одежде был продиктован погодными условиями.

— Я заходила вчера. — сказала девушка, вопросительно заглядывая Колину в лицо.

— Ага. — вновь принимаясь за ремонт хромированного красавца, Колин пытался дать понять, что не собирается говорить на эту тему.

— Тебя не было. — не понимая его намека, продолжала Рут.

— Ну, и?.. — отхлебнув пива, Колин поставил банку на перевернутую бочку, и взялся за гаечный ключ.

— Боже, обязательно быть таким придурком? Я просто хотела спросить — где ты был.

— Я был занят.

— Чем?

— Слушай, я что-то не помню, что бы давал повод тебе думать, что должен перед тобой отчитываться.

— Тейт, мне просто интересно. Обычно в этот день вы собираетесь с парнями у тебя. И я решила заглянуть и разбавить вашу мужскую компанию. Но как оказалось, тебя и вовсе нет дома.

— У меня были дела.

— А как насчет сегодня?

— А что на счет сегодня?

— Сегодня ты свободен?

— Всегда можно найти парочку каких-нибудь дел.

Колин краем глаза видел, что Рут встала с табуретки, на которой устроилась с банкой пива и подошла к нему, демонстрируя свои обнаженные загорелые ноги. Протянула руку и провела указательным пальцем по его плечу.

— Быть может, сегодня проведем вечер вместе? Нам ведь было хорошо в прошлый раз.

Вот знал же он, что не стоит связываться с этой девчонкой. И не потому, что она была плоха. Вовсе нет. Красотка, и все и такое. Но Колину не нужны были отношения. А две ночи подряд это что ни на есть самые настоящие отношения. Колин не любил обижать людей. Тем более женщин. Независимо от того кем они были. Хоть принцессами, хоть распоследними шлюхами. В конце концов, его мать была одной и последних. Но сейчас он понимал, что деликатности тут не место.

Колин отбросил ключ, выпрямился, взял уже изрядно засаленную тряпицу с бочки и стал тщательно протирать ей руки. Пристально посмотрел на Рут.

— Нет.

Одно слово. Но он знал, как нужно сказать его, чтобы все стало понятно. Он не раз говорил с той же холодной интонацией, с той же непреклонностью на деловых совещаниях или встречах. Чтобы четко дать понять неприемлемость условий. Он знал, как это звучит и какой эффект имеет. Ему никогда не приходилось повторять дважды. Было и так ясно, что это категоричное «нет».

Рут не была исключением. Она была немного распушена, навязчива, но не дура. Она постаралась не показать виду, как это подействовало на нее. Но Колин и так видел, что она все поняла. Ее призывная улыбка немного потеряла свою игривость, а взгляд вдруг растерял все зеленые искры. Она пожала плечами и, молча отвернувшись, вернулась на табурет.

Пробыв еще около двадцати минут и болтая ни о чем, она попрощалась и ушла. Чувство вины кольнуло Колина, когда он смотрел на удаляющуюся девушку. Но этого было не достаточно, чтобы пожалеть о сделанном. Колин не считал себя чем-то лучше Рут и вовсе не думал, что заслуживает лучшего. Возможно, такая девушка и нужна была ему для полного завершения образа отшельника и неудачника. Но он не желал даже таких привязанностей.

В два часа дня, когда жара достигла своего апогея, приехал заказчик, чтобы забрать отремонтированный байк. Получив деньги, Колин закрыл гараж и поднялся наверх, чтобы

принять холодный душ. Но трезвонивший телефон встретил его раздражающим звуком.

В последнее время такие звонки не приносили ничего хорошего, и желания поднимать трубку у Колина не было. Но, освежившись под холодными струями, Колин почувствовал себя гораздо лучше, и когда в комнате раздался очередной звонок, то поднял трубку.

— Тейт.

— Черт возьми! — раздался в трубке взволнованный голос друга. — Я пытаюсь связаться с тобой все утро!

— И тебе привет Джей.

— Кэл, послушай! Я знаю, что и так много у тебя прошу, но... мне нужна твоя помощь.

По голосу друга Колин без труда понял, что у Аруна произошло что-то серьезное.

— В чем дело, Джей?

— Хиран сбежала.

Колин уже было открыл рот, чтобы переспросить, потому что решил, что ослышался. Но так и не произнес ни звука. Арун тоже молчал несколько секунд, словно давая ему возможность переварить услышанное.

— Кэл? — наконец, не дождавшись реакции, произнес Арун. — Ты слышал, что...

— Да. Да я слышал. Но почему? То есть, как это сбежала?

— Просто исчезла и все. Я не слышал, как она ушла. Это была ужасная ночь, Кэл. Я хотел дать ей время отдохнуть и не тревожил ее. Но потом я забеспокоился, Хир никогда не была такой уж соней. Черт возьми, ее не оказалось в спальне. Возможно, ее нет уже с ночи.

— Какого!.. Арун, какого черта!?

— Просто помоги мне найти ее, Кэл. Ты знаешь, что полиция не примет заявление, прошло слишком мало времени. Но она не знает город, расстроена и возможно напугана. Я понятия не имею, куда она могла пойти. Я бесцельно слоняюсь по городу, но понимаю, что это просто нереально найти ее в этом бесконечном муравейнике!

— Но мне-то откуда знать где она. И с какой стати она пустилась в бега?

— Она узнала, Кэл. Об Эрике. Она знает, что я не собираюсь жениться на ней.

Если честно, то Колин не понимал, что вообще происходит. Нет, он, конечно, знал о том, что Аруну было не просто принять такое решение, но он порвал с Эрикой и был решительно настроен жениться на своей индийской невесте. Еще недавно он просил присмотреть за ней, пока счастливая будущая миссис Джейдев будет готовиться к свадьбе. Так о чем сейчас толкует Джей? Когда это он передумал жениться? Колин подумал о вчерашнем отсутствии Аруна и предположил, что тогда между ним и Эрикой случилось нечто, что заставило Аруна передумать.

Колин выругался. Он чувствовал, что увязает в чем-то, что ему совсем не нравится. И все же он не мог с такой же легкостью отвязаться от друга, с которой недавно выпроводил Рут. Арун был ему почти братом и единственным, кто имел значение в его жизни.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал Джей?

— Если бы я знал! Я уже объездил район и еще несколько поблизости. Ты мог бы помочь мне. Вдвоем шансы найти ее, хоть ничтожно, но увеличиваются. Я подключил еще несколько людей из службы безопасности компании. Но мы даже не знаем предположительное ее местонахождение.

Колин и сам имел смутное представление, как можно найти человека в Нью-Йорке. Но понимал, что нельзя сидеть, сложа руки, и не ничего не предпринимать. Перед глазами всплыл образ черноглазой девушки в светло-зеленом наряде и с множеством тонких

браслетов на запястье. А потом то, как она кружилась под раскатистые звуки прибоа. И беспокойство наполнило его тревожным чувством.

— Где ты? — коротко бросил он. — И где ведут поиски твои люди?

Арун, не теряя времени, ответил на вопрос.

— Понял. Ладно. Тогда я беру восточный квадрат. Я возьму телефон. Буду на связи. — он уже хотел положить трубку, но помедлил. — Джей. Мы найдем ее.

— Я надеюсь, Кэл. Надеюсь, что так и будет.

Но наступил вечер, а затем и ночь, а Хиран так и не нашли. Периодически они обзванивали больницы, а так же звонили в полицию. Но все безрезультатно. С каждым проходящим часом Колин все больше чувствовал беспомощность. Прошли почти сутки с момента ее исчезновения. За это время могло случиться все, что угодно. Он боялся представить, что могло произойти с одинокой девушкой ночью. А еще Колин злился. Он давно не испытывал злости, но сейчас она пробивалась наружу. Он был зол на друга, который казалось, постарел лет на десять за этот день, злился за то, что допустил эту неразбериху со своими невестами и любовницами. На Хиран, которая, видимо совсем растеряла мозги, если додумалась убежать среди ночи непонятно куда в незнакомом городе, хоть Колин ее в этом и не мог винить. И на себя, что не может избавиться от горького привкуса страха. Он пытался убедить себя в том, что это просто помощь другу. Что он не имеет ко всему этому никакого отношения. Что вовсе не задерживал дыхание, когда Арун набирал номер очередной больницы. Что это не он заставлял себя методично прочесывать улицы, пытаясь не представлять Хиран раненную или в опасности.

Но напряжение сковывало все мышцы, а страх расползался все сильнее. И когда усталый и голодный он по-прежнему объезжал темные улицы Нью-Йорка, в голове билась только одна мысль. Он должен был найти ее, во что бы то ни стало.

Почему-то, еще вдруг стало важным найти ее первым. Колину казалось, что если это будет он, то сможет сказать правильные слова, чтобы успокоить Хиран. Но что он может ей сказать, понятия не имел. Ничего не могло исправить то, что натворил Арун. И не было таких слов, которые бы утешили отвергнутую невесту. Когда Арун несколько часов назад коротко рассказал, что произошло, Колин едва не поддался искушению подраться с другом.

И Колин искал.

Не потому что его об этом попросил друг. Он искал, потому что Она была где-то там, в недрах ночного Нью-Йорка. Одна, расстроенная и растерянная. Он нужен был ей, Колин был уверен в этом.

В какой-то момент, Колин вдруг обнаружил себя воле того ресторана, куда привозил Хиран. А потом весь подобрался, словно хищник перед прыжком. Он знал, куда должен отправиться. Возможно, это была бредовая идея, но Колин уже не мог отделаться от мысли, что она возможно там. На пляже. Там где она смеялась своим звонким смехом и отвратительно пела на языке, которого Колин не знал. Он завел мотоцикл и гнал, нарушая все мыслимые и немыслимые правила дорожного движения. Сердце колотилось как сумасшедшее, и адреналин от бешеной езды тут был ни при чем.

Колин не мог больше притворяться, и убеждать себя в том, что такое просто не возможно. Возможно. Еще как. Потерять голову от одной лишь встречи. Возможно. Сходить с ума от страха за девушку, которая еще вчера была невестой друга. И гнать, наплевав на собственную безопасность, потому что волнует только одна мысль: что если... Что если он не найдет ее и там. Что если он больше никогда ее не найдет. Пусть она не была его и

никогда не станет. Но он должен был найти Хиран. Он до смерти хотел посмотреть на нее снова.

Было темно, и только луна, отсвечивая в воде, служила источником света. Пляж был пуст, да и кому пришло бы в голову гулять здесь посреди ночи. Но Колин спустился к воде и пошел вдоль берега, пытаясь хоть что-то разглядеть в темноте.

Он едва не пропустил ее. А когда понял, что темная тень на песке, это сидящий человек то его сердце остановилось. Он пошел словно под гипнозом, и каждый шаг заставлял его повторять про себя одно лишь одно. Пожалуйста. Пожалуйста. Пусть это будет она...

Хиран сидела, подтянув колени к груди, и, кажется, даже не заметила его приближения. Колин понятия не имел, в каком она состоянии, ранена или нет. Понимает ли она, сколько прошло времени с ее исчезновения, но у него не было даже сил хоть что-то спросить у нее. Во рту пересохло, а колени подогнулись, как у старика. Он опустился на песок рядом с застывшей фигуркой и устало провел рукой по волосам. Сердце отбивало секунды. И бесконечные десять ударов отделили тот момент, когда Колин был не в состоянии пошевелиться, от того момента, когда он резко повернулся и схватил Хиран за плечи.

— Хиран!

Она вздрогнула. Моргнула. И дернулась в испуге, наверняка не узнав его в темноте.

— Это я. Хиран, это Колин. Ты понимаешь? С тобой все в порядке? Ты не ранена? Черт! — легко встряхнул он девушку, когда она так и не ответила. — Да скажи же что-нибудь! Что с тобой?

— Колин? — растеряно переспросила она, охрипшим голосом. — Колин.

— Да. Это я. — почему-то, тихо подтвердил Колин и, не осознавая, осторожным движением убрал упавшие на лицо из-за ветра, волосы. — Я.

А потом прижал к себе дрожащее тело и обнял, пытаясь согреть. Было тепло, но их обоих била это проклятая дрожь.

— Я не знала, как мне вернуться. Я не знала, как вернуться домой. — заплакала Хиран, словно потерявшийся ребенок.

Колин прижал девушку сильнее, увязая коленями во влажном песке. Он чувствовал, что и Хиран вся промокла. Сколько она вот так просидела под брызгами воды?

— Ничего. Ничего... — чувствуя себя бессильным остановить ее рыдания, шептал Колин. — Теперь я нашел тебя. И я отвезу тебя домой. Ладно? Не бойся. Я нашел тебя.

Он должен был отвести ее к Аруну, и чем быстрее, тем лучше. Но малодушно продолжал сидеть на песке и обнимать девушку. Просто испытывая острое облегчение и садистское удовольствие, что нашел ее и может чувствовать ее в своих руках. Что она не ранена, не подверглась нападению, что жива, хоть явно не в полном порядке. И потому терпеливо дождался, когда рыдания Хиран немного ослабли. И он осторожно отстранил ее от себя.

— Ты заставила всех нас поволноваться, индийская принцесса. — и, сам пытаясь взять себя в руки, произнес Колин и поднявшись, помог встать Хиран.

Он не отпустил ее руки, а она не противилась. Продолжала стоять и потерянно смотреть на него. А Колину снова захотелось прижать ее к себе. Она казалась ему такой маленькой и хрупкой сейчас в неверном свете луны. Он внимательней попытался рассмотреть девушку.

— Ты можешь идти? Хиран, ты не ответила мне. Ты не пострадала? У тебя ничего не болит?

— Нет.

— Тогда пойдем. Надо отвезти тебя домой. Там о тебе позаботятся. Хорошо? — Колин

потянул Хиран за руку, но она не двинулась с места. — Ну же, Хиран. Ты хотела домой. Так вот, я отвезу тебя. Обещаю. Тебе нечего бояться. Поехали.

— Куда?

Колин замер. Хиран явно была в шоке и плохо соображала. Беспокойство, едва притихшее, вновь вернулось. Он сделал шаг к девушке.

— Я отвезу тебя домой. — едва не по слогам повторил Колин. — Арун там с ума сходит.

И это было ошибкой. Как только Хиран услышала имя Аруна, то резко отняла свою руку и отступила от Колина на несколько шагов.

— Нет! — она обхватила себя руками. — Нет! Я не могу! Не могу туда вернуться. Я не хочу...

— Хиран, но... ты не можешь тут оставаться. Я знаю, что случилось, но тебе нужно прийти в себя. Ты промокла и замерзла. Тебя не было сутки. Тебе нужен горячий душ, еда и сон. Тебе нужно домой и я отвезу тебя.

— Нет! Пожалуйста! — девушка стала оглядываться, будто искала пути к отступлению. — Я не поеду. Не поеду туда!

Колин опешил. Она что, действительно намеревалась убежать от него? Он тихо выругался и, в который раз, у него возникло, почти непреодолимое, желание съездит другу по физиономии.

Колин понимал только одно, что Хиран в шоке и вряд ли сейчас поймет что-то, если он примется приводить ей разумные доводы. А еще он видел, что девушка и так на грани и держится из последних сил. И тогда он сделал то, что первое пришло ему в голову.

— А ко мне? Хиран, тогда поехали ко мне. Ты хочешь? Ты поедешь со мной? Обещаю, с тобой ничего не случится. Все будет хорошо. Поехали. Поехали со мной, Хиран. — он протянул руку. — Ну, что? Ты согласна?

Но она стояла неподвижно и смотрела на его протянутую руку. И тогда Колин преодолел последний, разделяющий их шаг, и снова обхватил девушку за плечи. Она вскинула голову, а потом устало прислонилась к нему. Он всем телом ощутил хрупкую фигурку девушки. Вдохнул запах пропитавшихся солоноватым морским воздухом, волос.

— Поехали. — тихо сказал Колин.

И она кивнула. Большого ему не требовалось. Он наклонился и подхватил девушку под коленями. И на руках отнес к брошенному мотоциклу.

Хиран очнулась только когда вошла в крохотную ванную и поняла, что у нее в руках полотенце. А еще мужская черная футболка и трусы боксеры. Она споткнулась и остановилась, чувствуя, как к щекам приливает кровь. В каком-то порыве она прижала вещи к груди, а поняв, что сделала, отбросила их на стиральную машину, словно они обожгли ей руки.

Хиран обвела помещение взглядом. Ванная комната была такая маленькая, что душевая кабинка занимала почти все пространство. Не было даже раковины для умывания. В углу находился унитаз и сразу напротив душевая, а у самого выхода стиральная машина. На полу была плитка, которая вытерлась в центре. К двери было прибито три вешалки в виде загнутых гвоздей, на одном из которых висело полотенце, а на другом полосатый махровый халат.

Здесь было так мало места, что если бы сюда вошел еще кто-то, то пришлось бы стоять, практически прижавшись друг к другу.

От стука в дверь Хиран подпрыгнула и ударилась спиной о дверцу душевой.

— Все в порядке? — спросил Колин из-за двери.

Хиран не была в порядке. Определенно точно не была.

— Да. — неуверенно ответила она, но поняла, что вряд ли ее шепот можно услышать. И повторила, только громче. — Да!

Что бы убедить мужчину она повернулась, отодвинула дверцу душа и включила воду. Вода брызнула ей на руки и в лицо и Хиран отскочила. Нервно рассмеялась и в испуге зажала рот ладонью. Ее начинало трясти, как от холода, и она поняла, что душ не такая плохая идея. Хотелось встать под горячие струи и смыть с себя весь этот кошмарный день. Но она пока не решалась снять с себя испачканные джинсы и блузку. И все же, понимая, что она не может прятаться в ванной до бесконечности, решила, что может быстро принять душ. Но, посмотрев на дверь, с ужасом поняла, что замка на ней нет. И Хиран потребовалось еще несколько минут, чтобы, наконец, решиться быстренько раздеться, и забраться внутрь душевой кабинки.

И только под упругими струями горячей воды Хиран почувствовала, что окончательно сбрасывает то оцепенение, которое владело ей весь день. Не сказать, что она вовсе не понимала, что происходит вокруг. Она почувствовала растерянность, когда выбежала из дома, где располагалась квартира Аруна. Она поняла, что совершенно не представляет, куда теперь идти. Она не помнила, как добраться до того пляжа. При ней не было ни денег, не кредитных карт, ни даже документов. Она отдала золотой браслет таксисту, чтобы тот ее отвез на пляж, название которого она только знала. Правда таксист сначала отказывался брать украшение, после того, как Хиран проплакала всю дорогу, а на вопрос «У вас что-то случилось, мэм?» она со словами «Нет, ничего» разрыдалась еще больше. Но Хиран все равно отдала браслет. Когда Хиран добралась до пляжа, уже было светло. Она просто села на песок и спрятала лицо на коленях. Слез уже не было. А от рыданий болела грудь. Сколько она так просидела, Хиран не имела ни малейшего понятия. Просто старалась не думать о том, что случилось, но мысли сами возникали в голове и мучили ее. Когда становилось совсем невыносимо, она вставала с песка, и бродила вдоль кромки воды.

Она честно пыталась подумать о том, что ей делать дальше. Она представляла, что

скажет отцу. Как сможет все объяснить. Хиран хотела домой. В сад, полный цветов и с внутренним двориком, пол которого выложен цветной мозаикой, и по которому так приятно ходить босиком. Она хотела слушать нескладное пение своих теток, когда они пели Ом Джай Джагадиш*. Желала сидеть вместе с подругами и просматривать модные журналы и ждать выхода нового фильма о любви.

Но это было не возможно. Ее дом был далеко, все равно, что на другой планете, особенно теперь. Даже если она вернется, то все уже не будет как прежде. Никогда. Возможно, ее родные не осудят ее. Они любят ее, Хиран это знала. Но вот жалеть они ее точно будут. И теперь отношение к ней изменится. Теперь она уже не любимая дочь, которую отдают в дом мужа со слезами и легкой грустью. Отныне она отвергнутая невеста — обуза для родных, и напоминание о стыде и унижении.

За этими мыслями Хиран практически не замечала, что к обеду на пляже стало собираться больше людей, а затем, к вечеру, все вновь стали расходиться. А с наступлением темноты она осталась одна. Почему-то в голове ни разу не возникла мысль об опасности. У нее вообще к ночи не осталось ни одной связной мысли. Она и не сразу поверила, что кто-то зовет ее по имени. А когда обернулась, то решила, что это плод ее воображения. И испугалась, что сошла с ума.

Но оказалось, что это было реально. Он был реальным. Колин Тейт. Он пришел. Снова. Он обнял ее, и только теперь Хиран осознала, что была совсем одна на этом темном пляже. А сейчас уже ее обнимал Колин Тейт и обещал, что она поедет домой. Ее знобило, не смотря на то, что даже у воды было тепло. Но сильные руки согревали ее.

Тогда, на темном пляже она еще не думала о том, как это не правильно обниматься с мужчиной, которого почти не знаешь. И когда она ехала с ним по улицам Нью-Йорка, освещенного множеством огней, Хиран не думала о том, что нельзя прижиматься к мужчине, вдыхать запах его кожи и чувствовать странное спокойствие. Может это была просто усталость? Она не знала. Все было как в тумане. Словно со стороны она смотрела, как Колин придерживает ее за руку, когда помогал подниматься по крутым ступенькам в квартиру над гаражом. Как поспешно нашел свежее полотенце и наугад выхватил из стопки чистого белья футболку и протянул ей. Как проводил до ванной и велел принять душ, пока сам он сварит кофе.

Горячий душ окончательно смыл с нее оцепенение, и Хиран осознала, какой необдуманный поступок совершила, убежав посреди ночи. Если бы Колин ее не нашел как бы она вернулась? Ведь она даже адрес не смогла бы назвать. И при ней не было документов и денег. И, разглядывая себя в небольшое зеркало на стене, Хиран видела растерянную девушку в мужской черной футболке, с волосами, мокрыми прядями, лежащими на плечах. Хиран не нашла расчески и попыталась пригладить волосы пальцами. Но поняв, что это не дает никакого результата оставила как есть. Да и какая разница, как она выглядит. Наверняка друг Аруна считает ее сумасшедшей. Возможно, так оно и есть.

Надо было выходить из ванной комнаты, и Хиран подошла к двери. Но так и продолжала стоять воле нее, не решаясь сделать еще хоть шаг. Попробовала натянуть футболку пониже, но она не доставала даже до середины бедра. И даже надетые по нее боксеры не избавляли от ощущения обнаженности. Хиран посмотрела на свою мокрую и грязную одежду, аккуратно сложенную на стиральной машине и еще раз убедилась, что не сможет сейчас надеть ее. Тогда она взяла полотенце, которым вытиралась и обернула его вокруг бедер. Так, по крайней мере, не видно ее ног.

И, наконец, сделав пару глубоких вздохов, Хиран вышла и аккуратно прикрыла за собой дверь. Осмотрелась в поисках хозяина. Колин стоял спиной к ней и что-то готовил. Он тоже переоделся. На нем была простая белая майка, которая обтягивала его как вторая кожа. Хиран не могла не заметить, что Колин Тейт был прекрасно сложен. Высокий и подтянутый, он был в меру мускулист и подвижен. Хиран смущенно отвернулась, устыдившись, что так рассматривает мужчину. И перевела свой взгляд на окружающую ее обстановку.

Не только ванная была маленькой. Квартира Колина представляла собой только одну комнату, которая вмещала в себя и кухню, и гостиную, и та в свою очередь служила спальней. Но надо отдать должное Колину, он содержал свой дом в чистоте. Диван был застелен, на кухонном столе ничего кроме салфетницы и солонки не было. Это было даже странно. Было слишком чисто для мужчины, который жил один. Но потом Хиран подумала, что она вообще знает о мужчинах. Разве она разбирается в людях вообще? Она ошиблась даже в своем лучшем друге. Так что она может знать о Колине Тейте.

Но одно Хиран точно знала. Что должна извиниться и поблагодарить Колина Тейта. И поэтому она подошла немного ближе, остановившись у стола, который отделял ее от мужчины, и, не решаясь заговорить первой, протянула руку и переставила немного солонку. На тихий стук стекла о столешницу Колин резко обернулся, нахмурившись. Но когда увидел ее, то лицо его немного смягчилось. Хиран показалось, что своим взглядом он охватил всю ее, отметив и мокрые волосы, и полотенце на бедрах, и босые ноги.

Но потом он немного отвернулся, подхватил две чашки возле плиты и поставил одну на стол перед Хиран.

— Садись. Я сделал кофе. И бутерброды. Вот. — к чашке на столе присоединилась тарелка с бутербродами. — Кофе вряд ли тебе понравится. Я не мастер его варить. Так что могу налить воды. Больше у меня ничего нет. Но я могу заказать пиццу.

Хиран покачала головой.

— Не знаю, что ты имеешь в виду, но, все равно, садись и ешь. — строго сказал он и сел сам.

Хиран опустилась на стул и обхватила чашку с кофе руками.

— Спасибо. — она поднесла чашку к губам и сделала маленький глоток.

И поморщилась. Это не укрылось от внимательного взгляда Колина. Он усмехнулся.

— Гадость, правда? — кивнул он, и неожиданно встав, обошел стол, забрал кофе у Хиран и, подойдя к раковине, выплеснул его. Затем открыл холодильник и достал бутылочку воды. Снова вернулся за стол. — Никогда не умел его варить. — поставил воду перед Хиран и ненавязчиво намекнул на бутерброды, чуть подвинув к ней тарелку. — Что довольно прискорбно, если учитывать, что я люблю кофе. Так что я пытаюсь снова и снова. А ты?

— Что я? — растерянно переспросила Хиран.

— Умеешь варить кофе?

— Конечно. То есть, я не знаю. Насколько он хорош, но все же... — она запнулась, поняв, что только что едва не сказала бестактность. — Я хотела сказать...

— Я знаю. Хотела сказать, что все же он лучше, чем мой. Ты права. Я уверен. Что угодно будет лучше, чем мой кофе. Даже вода из придорожной канавы. Так что, пей воду.

Хиран открутила крышку и, так как ей никто не предложил стакан, то отпила из горлышка.

— Бутерброд. — напомнил Колин.

И Хиран, как послушная девочка, взяла с тарелки кусок хлеба с листом салата и

колбасой. И пока она ела, Колин молчал. Она отказалась от второго бутерброда и Колин встал. Убрал тарелку. Потом прислонился к раковине.

— Я позвонил Аруну. Он скоро будет здесь.

Хиран вздрогнула, словно ее ударили. Она кивнула и отвернулась. При имени друга ее сердце сжалось.

— Я знаю, что он сделал. И не оправдываю его, но... Я не мог не сказать ему, что нашел тебя. Он искал тебя целый день. Привлек службу безопасности компании, меня и всех кого мог. Он беспокоился о тебе.

— Мне очень жаль.

Стало стыдно за то, что столько людей было привлечено на ее поиски.

— Извини. Извини, что тебе пришлось искать меня и возиться со мной. Я не должна была убегать. Это...

— У тебя были на то причины. И ты не должна извиняться. И я... рад, что нашел тебя.

— Он... он сердится на меня?

— Кто? Арун? Нет. Он боялся за тебя и тоже рад, что ты нашлась.

Хиран не могла бы объяснить, почему ей показалось, словно Колин вовсе не рад, что она нашлась. Он вообще был какой-то мрачный. Он вроде бы не был сердит или не доволен, просто отстраненный. Она хотела бы увидеть того Колина, которого встретила вчера. Он подшучивал над ней, отвлекая от грустных мыслей. Арун уехал, а Колин пришел и не позволил ей грустить. Она помнила, что как только начинала хандрить, Колин Тейт что-то говорил и заставлял ее улыбаться.

Но Хиран вспомнила, что он делал так всякий раз, как только речь заходила об Аруне. И неприятная мысль пришла ей в голову. Знал ли Колин Тейт о том, что Арун влюблен в другую девушку. Знал ли, что его друг не хочет жениться на невесте из Индии.

— Ты знал? — вопрос сорвался с губ, будто сам по себе.

Колин замер и впервые в его глазах она увидела неуверенность. Но может она и ошибалась. Разве такой человек как Колин может быть в чем-то не уверен. И все же он молчал какое-то время, пока смотрел на нее, отчего по спине у Хиран побежали мурашки. И вдруг она почувствовала себя еще более уязвимой, чем была до этого.

— Я не знал, что он передумал жениться. — наконец, ответил он и отвернулся. Открыл воду и, сполоснув чашки из-под кофе, поставил их в сушилку. Вытер руки полотенцем. Хиран что-то не понравилось в его ответе, но она не сразу поняла что, замороженная его слаженными действиями в таком маленьком пространстве. Но потом заставила себя сосредоточиться.

— А о том, что он... Арун... что Арун любит другую девушку?

Мужчина нервно провел рукой по волосам. Вздохнул и резко взялся за спинку стула, крутанул, и сел на него так, что спинка оказалась спереди. Он сложил руки перед собой.

— Да. Я знал. Послушай...

— А вчера? Когда я только что прилетела, Арун уехал к ней? Да?

— Я думаю, тебе надо спросить об этом его.

— Почему? Я спрашиваю у тебя. Ты его друг, самый лучший друг, так всегда мне говорил Арун.

— Он так же говорил о тебе.

Хиран почувствовала боль. Это правда. Она и Арун всегда были друзьями. Он сказал, что она была ему как сестра. Так зачем, ну зачем нужна была эта помолвка и этот обман.

Колину не нужно было отвечать, Хиран и так знала, что другу Аруна все было известно.

— Ты... Ты видел ее? — она не хотела, чтобы голос ее дрожал, но так и произошло. А к глазам подступили слезы, а она-то думала, что у нее не осталось больше не слезинки.

Колин снова помолчал. На этот раз в его глазах было что-то другое. Сочувствие. И сожаление. Его пристальный голубой взгляд не был холодным. Может быть, именно это послужило тому, что одна слезинка сорвалась с ресниц и покатилась вниз. Хиран смотрела на Колина, а он проследил взглядом за соленой каплей. А потом снова встретился с Хиран глазами.

— Да. — тихо сказал он. — Видел.

— Она... какая? Красивая? Американка?

Колин вздохнул.

— Ты не хочешь сделать это проще, правда? Я расскажу тебе, если это то, что тебе нужно. Хотя все еще считаю, что это должен сделать Арун. Только я не понимаю, зачем. Может просто на пару часов оставить все это? Мне кажется с тебя достаточно на сегодня. К тому же, скоро приедет Арун, и ты сможешь все узнать из первых уст. А пока...

— Что? — не удержалась Хиран, потому что Колин замолчал и стал осматривать свою квартиру.

А он вдруг улыбнулся так, будто нашел решение сложной задачи и, вскинув руку, прищелкнул пальцами. Хиран даже немного вздрогнула, но так и не смогла отвести взгляд от мужчины. Она поразилась, как сильно улыбка преображала его лицо. Он и так был красивым. А когда улыбался, то становился неотразимым.

— Тут кто-то хвастался, что умеет варить отменный кофе. — ухмыляясь, поддразнил он.

Хиран понимала, что это лишь способ ее отвлечь. И у нее был выбор. Она могла настоять и была уверена, Колин бы рассказал все, что она захотела бы узнать. Но почему-то не хотела. Не хотела, чтобы Колин Тейт перестал улыбаться, и вновь посерьезнел. А это непременно произошло бы, не поддайся она на эту уловку. А она и правда устала, и соблазн забыть обо всем, хоть ненадолго, был велик. И потому она покачала головой. И этим вызвала еще одну усмешку сидящего напротив мужчины.

— Я не говорила, что отменный. Я только смела надеяться, что он лучше, чем твой.

— Для меня это лучшая рекомендация. Но я не привык верить на слово. Да и давно не пил нормального кофе. Так что... — он указал себе за спину. — Кухня там.

— Это не очень-то вежливо, Колин-джи. — неуверенно улыбнулась Хиран, когда Колин скривился от, добавленной нарочно, приставки «джи». — Я гость. А гостей не заставляют работать на кухне.

Мужчина пожал плечами.

— Тогда чувствуйте себя как дома Хиран-джи.

И Хиран отправилась готовить кофе. Колин положил перед ней пакет с зернами, вручил кастрюльку с длинной ручкой. Посмеялся над девушкой, когда она пыталась все делать одной рукой, потому как другой то и дело приходилось поправлять и придерживать сползающее полотенце. Потом он достал из шкафа пижамные штаны, и Хиран быстро переоделась в ванной, подвернув штанины. Так было гораздо удобней и дело пошло быстрее. Вскоре они пили кофе и Колин преувеличенно хвалил его вкусовые качества. Но Хиран не обижалась. Она была благодарна.

Было так странно находится в крохотной квартирке с человеком, которого знаешь лишь сутки, и чувствовать себя словно дома. Смеяться на подшучивания Колина над ней же самой

и быть достаточно смелой, чтобы шутить в ответ. Было неправильно, но так приятно ненадолго забыть обо всем. А еще рассказывать Колину о доме. Спасаясь от боли и чувства потери, Хиран рассказывала истории про тетушек и подруг. О своих неудачных попытках научиться кататься верхом. О том, что совершенно не умеет готовить ладу*, но все время пытается помочь делать это, а тетки и бабушка, в шутку ужасаясь, прогоняют ее с кухни.

О том, что больше любит нанизывать цветы на нитку, собирая их в гирлянды, вдыхая их аромат.

Она говорила и говорила. А Колин слушал. Его внимательный взгляд словно отвечал ей и подбадривал. Иногда он улыбался уголками губ или уточнял какое-то название. Но в основном молчал. И продолжал смотреть так, что Хиран порой запинаясь на полуслове, и умолкала на несколько секунд. А он просто говорил «и что же», и Хиран продолжала.

А потом все закончилось. От резкого стука в дверь.

Они оба будто встряхнулись, и обернулись. Колин помрачнел. Хиран отчетливо уловила тот момент, когда его губы сурово поджались, взгляд похолодел. И весь он как-то напрягся, натянулся. Это напряжение чувствовалось в тех нескольких шагах, пока он шел к двери. А потом он открыл ее и в комнату вошел Арун.

Он выглядел ужасно. Никогда Хиран не видела его таким. Посеревшее лицо, растрепанные волосы, круги под глазами и виноватый, обезумевший от беспокойства взгляд. Он нашел ее глазами и несколько секунд просто смотрел. А потом провел ладонью по лицу и небритым щекам.

— Хир... — выдохнул он.

Он было протянул к ней руку, но потом передумал, видимо поняв, что она вряд ли захочет ее принять. И просто еще раз произнес ее имя. Но почему-то, Хиран сделала шаг, потом еще и еще.

А уже в следующую секунду была в объятиях отвергнувшего ее жениха.

Сноски

***Ладу** — индийская сладость, без которой невозможно представить эту страну. Выглядит она как шарики небольших размеров, а на вкус — очень сладкая и пряная. Ладу очень часто готовят на различные праздники и фестивали.

Есть разные варианты приготовления ладу. В классический рецепт входит: чечевица маш, кардамон, разные виды орехов, масло гхи. Также есть рецепты, где вместо чечевичной муки используют нутовую (или гороховую), либо манную крупу. Еще можно использовать невероятно ароматную кокосовую стружку, кунжут, различные пряности, сухофрукты.

***Ом Джай Джагадиш** мантра-молитва

Мантра «Мангала Аарати»

Эта мантра произносится во время огненного ритуала арати (Aarti). Ее можно услышать на закате и рассвете практически в любом уголке Индии, особенно часто в городах, расположенных на берегу священной Ганги. Ритуал арати, который она сопровождает, представляет собой обряд почитания Бога пламенем живого огня. При этом возжигаются светильники (таблетки камфары, лампадное масло или свеча), и по часовой стрелке совершают круговые движения вокруг алтаря с изображением божества или Гуру. Затем освященный пламя предлагается присутствующим для совершения очищения, а каждый участник, протягивая руки, как бы берет огонь в ладони и символически оmyвает им себя. Этот священный огонь очищает тело от болезней, ум — от непостоянства и наполняет сердце чистым Божественным Светом.

Знал ли Колин, что игнорировать звонки друга было ребячеством? Конечно, знал. Но ему было плевать. Он либо выберется из той трясины, что стремительно затягивала его, либо все станет еще хуже, чем до этого. А что может быть хуже, когда желание набить физиономию другу перевешивает все вразумительные доводы в пользу того, чтобы этого не делать. Ну, во-первых — отношения Аруна с его невестами и любовницами абсолютно не его дело. А во-вторых, даже если бы это было его дело, то уж кому, но не Колину Тейту быть тем, кто осудит Аруна.

А вот у Аруна были бы все основания, чтобы как следует приложить своего друга физиономией о твердую поверхность. Потому как если бы тот только узнал, какие мысли и образы рождает в нем Хиран, то реакция была бы очевидно. Колин даже немного гордился собой, насколько хорошо он умеет проявлять выдержку.

Если бы сама Хиран знала, как трудно было не протянуть руку и не провести рукой по еще слегка влажным темным волосам, в то время как она увлеченно рассказывала о каких-то гирляндах и сладостях. Она даже не осознавала, насколько невинно и, в тоже время, соблазнительно выглядит в его футболке и, слишком больших для нее, пижамных штанах, пока сидит, подвернув ноги по себя и устроив локоть на спинке дивана, и подпирает ладонью щеку. На ней не было ни одного из тех ее позвякивающих и сверкающих украшений, но Колину все равно казалось, словно Хиран светиться. Она была усталой и расстроенной, но все равно красивой. И голос ее мягкий и тихий посылал жар по его позвоночнику, будто был физически ощутим. Она говорила с акцентом, порой вставляя индийские слова, или выдавая целые фразы на своем языке, даже не замечая этого, но Колин впитывал каждое ее слово.

Он мог представить ее в том саду, что она описывала, или на кухне, с блестящей посудой, всю в той гороховой муке, из которой по ее словам она пыталась приготовить ладу. А еще он почти чувствовал аромат цветов, что Хиран с подругами вплетала в гирлянды. И даже один раз посмотрел на ее пальцы, именно в тот момент, когда она пояснила, что от этого занятия на них остается так много пыльцы, что пчелы так и норовят приземлиться на них. Колин понимал, что с ним твориться какое-то безумие, но остановить это не мог, да и не хотел. Разве можно было его винить в том, что эта индийская принцесса ослепила его, как солнце. И плевать, что его лучи были губительны и могли напрочь сжечь его. В тот момент Колину казалось это благословением. Это было лучше, чем вновь возвращаться в полумрак холодной пещеры, которой ему вдруг показалась собственная жизнь.

А потом наступил конец. И в тот момент, когда Хиран бросилась в объятия Аруна, когда в Колине вдруг всплеснулась злость, он понял, что чертов идиот. Он понимал. Понимал, что реакция Хиран на появление близкого человека не могла быть какой-то иной, тем более в сложившихся обстоятельствах. Осознавал, что, как бы то ни было, они с Аруном близки. И все же неприятное чувство засело за грудиной и не отпускало, пока он сам же, почти грубо, не выпроводил Аруна и Хиран за дверь.

Черт! Ему просто необходимо было остаться одному и прочистить собственные мозги. У него даже было искушение позвонить приятелям или даже Рут. Но понял, что сейчас не в состоянии разыгрывать из себя гостеприимного друга, или пылкого любовника. Поэтому он вывез из гаража, даже не успевший еще остыть мотоцикл, и гнал его, пока от усталости

почти перестал разбирать дорогу. А вернувшись домой, упал на диван и заснул. Но прежде, чем его глаза закрылись, он не мог отвести взгляд от, оставленной на столе кружки, из которой пила Хиран. И даже во сне индийская принцесса не давала ему покоя. Она виделась ему в садах, полных экзотических цветом, с руками, испачканными пылью, и где-то шумел океан. А еще она пела. И это было самое нескладное пение, которое он слышал и все же желал, чтобы оно не прекращалось.

Что могло быть хуже того, чтобы узнать о расторгнутой помолвке? Тишина в трубке телефона. Она знала, что Арун позвонил своим родителям в Индии сегодня утром. И звонок ее отца был лишь вопросом нескольких часов. Она знала, что отец Аруна, уважаемый владелец обширных поместий и тростниковых полей, лично появится на пороге ее отца, чтобы сообщить о расторжении помолвки. И Хиран не могла не вспомнить, с какой гордостью и радостью ее отец принимал в своем доме отца Аруна, в то время как все женщины обоих домов готовились к скорой свадьбе. Но теперь от этой радости не останется и следа. А гордость сменится стыдом.

И вот теперь ее отец, не произнес ни слова с тех пор, как Хиран подняла трубку и тихо произнесла: «Благословите, отец»

Если бы она была дома, и не было бы этой разорванной помолвки, то он бы обхватил ее щеки шершавыми сильными ладонями и, наклонившись, коснулся бы поцелуем ее макушки. А она вдохнула бы аромат его старомодного одеколона и табачного дыма.

А сейчас замерла, молясь, чтобы услышать заветное...

— Благословляю, дочка.

Хиран выдохнула. И все продолжала молчать. Но в груди стало легче.

— Не волнуйся, мой бриллиант. Этот позор не коснется тебя. Мы уладим это недоразумение. Ни я, ни Ариджит, не позволим этому произойти. Нас с этой семьей связывают отношения, которые старше даже наших с Ариджитом отцов. И не взбунтовавшемуся мальчишке разрушать их. Арун Джейдев жениться на тебе. Мой друг Ариджит дал мне свое слово, и поклялся сдержать его. Он завтра же вылетает в Нью-Йорк, чтобы поговорить с сыном. Если бы не необходимость оставаться в Индии, я бы тоже прилетел с ним. Но с твоей невесткой не все в порядке. Какие-то проблемы с ее здоровьем и мы должны быть с ней. О, не волнуйся дочка. Уверен, Ариджит уладит этот вопрос. Он любит тебя как дочь. А скоро ты станешь невесткой их дома. Он шлет тебе свое благословение. Продолжай готовиться к свадьбе, мой бриллиант.

Хиран, как оглушенная, слушала слова отца. Ладонь, в которой она сжимала трубку, вспотела, и ей казалось, еще секунда и телефон выскользнет. Сначала она не могла понять, о чем это толкует отец. А когда поняла, холод пробрался под одежду и сковал мышцы. Ей бы обрадоваться убеждениям отца, что свадьба состоится. Но это ее вовсе не радовало.

— Но, папа, — тихо запротестовала она. — Арун не хочет на мне жениться. Он не любит меня.

— При чем тут любовь, дочка. Затронута честь и доброе имя наших семей. Арун не может один принимать такие серьезные решения. Ты его жена и это не изменится. Ты уехала выйти замуж за Аруна Джейдева и ты не можешь вернуться, оставаясь Хиран Притвирадх. — голос отца был строг и его слова вонзались в Хиран как острые иглы. — Он может любить кого угодно, но в жены возьмет мой бриллиант.

— Папа...

— Начинай готовиться к свадьбе. И будь уверена, даже если произойдет катастрофа, свадьба состоится! А теперь поговори с бабушкой.

К тому моменту как отец передал трубку бабушке, по лицу Хиран бежали слезы, а отчаяние наполняло душу. Еще вчера, Хиран была в таком состоянии из-за того, что ее свадьба не состоится. А сейчас все повторилось, только причина была иная. Хиран ощущала боль в груди, когда думала, что Аруна все же заставят жениться на ней.

— Моя деточка. Моя ненаглядная девочка. — ласковый голос бабушки, заставил Хиран заплакать еще сильнее.

— Бабушка.

— Не надо плакать. Поверь своей старой бабушке, все пройдет.

— Но как же, бабушка. — всхлипнула она, совсем по-детски, шмыгая носом. — Я не хочу, чтобы Аруна заставляли жениться на мне. Он будет меня ненавидеть.

— Ну, что ты такое говоришь, глупышка. Арун из достойной благородной семьи, как и ты. Он любит тебя, и ты любишь его. Возможно, это не та любовь, о которой ты мечтала, посмотревшись этих современных фильмов, со своими неугомонными подругами. Но сейчас будет правильным думать о том, что у вас уже есть. А не о том, чего нет. Остальное придет, деточка. Когда я выходила замуж за твоего дедушку, моего Адити, я до брачной церемонии его в глаза не видела. И проплакала все то время, пока готовили мое свадебное сари. Но теперь я жду не дожусь, когда приду к нему через погребальный костер, и мы в следующей жизни опять будем вместе. Любовь проходит, деточка моя. А уважение и доброе отношение друг к другу остается. Арун никогда тебя не обидит и не оскорбит. Он молод и порывист. Он совершил ошибку и за него у меня болит сердце. Но ваши отцы не позволят расторгнуть эту помолвку и вам надо принять это.

Хиран понимала, что бабушка говорит разумные, правильные слова. Хиран кивала, пытаясь и себя убедить в этом. Но в то же время горечь наполняла ее все сильнее.

— Бабушка. Арун полюбил другую. Это разобьет его сердце.

— Ох. Моя добрая деточка. Твоя любовь излечит его сердце.

— Но, бабушка...

— Ты совсем еще ребенок, моя Хирани. Ты не осознаешь, какая в тебе сила. Ты красива. И у тебя доброе сердце. Ты чуткая и нежная. Аруна увлекла страсть к американке. Так завой его обратно! Мужское сердце переменчиво, когда молодая кровь играет. Но Арун любит тебя дольше и глубже, чем ту женщину. У вас есть привязанность, дружба. У вас есть счастливые воспоминания. У вас есть прошлое, и ваше будущее тоже связано. Все в твоих руках, милая.

— Но что мне делать, бабушка?

— Вытри слезы. Для Аруна наступают трудные времена. Твое сердце еще не знало страсти, и оно не болит. А его будет болеть. И ему будет нужен его друг. Который утешит его. Будь добра и ласкова. Наполняй его жизнь светом. Я знаю, что возможно ты думаешь иначе. Что это Арун должен быть тем, кто утешит тебя. Что это все по его вине. Но, нет. Если ты поймешь, что это не так. То ты станешь сильной. Ты слушаешь свою старую бабушку, Хирани?

— Да, бабушка.

— Вот и хорошо, милая. Вот и хорошо. А теперь перестань плакать, деточка.

— Хорошо. Я люблю тебя, бабушка. Очень люблю!

— Благослови тебя Господь, деточка моя.

Хиран не могла выбросить слова бабушки из головы, хотя они и казались ей

нереальными.

Она снова была одна в квартире Аруна, и у нее было много времени подумать обо всем, что случилось. Вчера, когда Арун привез ее домой, он долго держал ее в своих объятиях и успокаивал, обещая, что никогда ее не бросит. Что вместе они все преодолеют. Он был так ласков с ней, так нежен. Она вновь обрела спокойствие в его руках. Она смогла вздохнуть с облегчением, когда поняла, что вместе с женихом не потеряла друга. Арун ее друг, несмотря ни на что.

И сегодня утром, уезжая на какую-то деловую встречу, он, не желая оставлять ее больше одну, хотел взять с собой. Но Хиран отказалась, желая немного подумать, да и понимала, что только будет мешать Аруну. И теперь у нее было полно времени решить, как быть дальше. Правда, выбор у нее был небольшой. Вернее, только один. И, бабушка верно сказала, их родители все равно настоят на свадьбе. И Аруну придется нелегко, когда сюда прилетит его отец.

Бабушка права. Разве его вина, если он полюбил. В последние пару лет они виделись очень редко. Только на праздники. И неудивительно, что другая привлекла Аруна. Хиран представила, а если бы она полюбила кого-то? Она попыталась представить своим возлюбленным одного из героев фильмов. Но получилось плохо. После того, как она представила еще несколько певцов и киноактеров, по которым сходили с ума множество поклонниц, она вдруг поняла, что то и дело пытается отделаться от одного образа, который навязчиво всплывает в сознании. А когда поняла, позволила этому случиться. И это было так легко. Представить своим возлюбленным Колина. Его глубокие и, на первый взгляд, холодные голубые глаза. Светлые, как и легкая щетина, коротко подстриженные волосы. И представить его сильное, подтянутое тело, с мускулистыми руками.

Хиран почувствовала, как ее сердце ускорило ритм, а щеки отчего-то покраснели. Она дотронулась до пылающего лица ладонями и закрыла глаза. Зря она позволила себе такое. Это ужасно даже в мыслях представлять себе чужого мужчину. И Хиран изо всех сил снова попыталась представить себе актера, с которым недавно смотрела фильм. И почему-то это не казалось неправильным. Может потому, что, даже воссоздав его перед глазами в деталях, ее сердце ни на миг не ускорило ритм.

— Расскажи мне о ней. — Хиран не решилась посмотреть Аруну в глаза и поэтому взяла стакан с водой и сделала глоток.

Это был уже третий стакан с водой. Есть совсем не хотелось, и ее тарелка так и осталась полной. Арун был явно этим не очень доволен, но не делал ей замечаний, может потому что и сам не отличался хорошим аппетитом сегодня.

Арун не ответил ни слова на ее просьбу, и Хиран пришлось посмотреть на него. Друг нахмурился и внимательно вглядывался в ее лицо, словно пытаясь понять, не ослышался ли он.

Наверное, это было глупо спрашивать о той девушке, ради которой Арун отказался от свадьбы, и готов был испытать на себе гнев отца и осуждение всей семьи. Но Хиран правда хотела узнать о девушке, которую полюбил Арун. Отчасти из женского любопытства. Но еще Хиран все еще не могла свыкнуться с этой мыслью и думала, что если больше узнает о ней, то та станет более реальной. А еще Хиран понимала, что все еще испытывает боль, когда думает о том, что Арун любит другую. Еще недавно Хиран в своих мыслях выстраивала семейную жизнь с Аруном, и примеряла свадебное сари. И не смотря на сомнения и девичий страх, она хотела этой свадьбы и мечтала о счастливой супружеской жизни с Аруном. И мысль о том, что все этому уже никогда не бывать оседала на грудь щемящим чувством потери.

А потом вспоминались слова бабушки, и появлялась надежда. Хиран трусливо успокаивала себя, что все это скоро закончится. Что это просто ошибка и вот уже сейчас эта ситуация разрешиться. Свадьба состоится и Арун выполнит свое обещание, которое дал ей в день помолвки. Он обещал, что сделает ее счастливой и будет заботиться о ней. И что никого он не представлял в роли его жены, кроме нее. И Хиран начинала мечтать о том, как завоюет любовь Аруна. Но в этом было что-то неправильное. Хиран пыталась понять, что именно и не могла. И когда Хиран пыталась представить как они с Аруном, соединенные священным узлом их покрывал, обходят семь кругов вокруг священного огня, Хиран с тяжело бьющимся сердцем сама же отгоняла эти мысли.

Она так запуталась, что единственное чего она хотела так это снова сбежать. Но решила, что попробует свыкнуться с действительностью. И что, как не разговор о возлюбленной Аруна мог помочь ей. И Хиран могла быть честной сама с собой. Ей действительно было интересно узнать о девушке Аруна. Он всегда был ее другом, и если бы не их помолвка, то она бы обязательно приставала бы к нему с вопросами о девушках, которых он встретил. И теперь ей было очень любопытно, какая она, та, что смогла завоевать любовь такого мужчины как Арун. Хиран не могла отрицать, что Арун был очень красивым. А еще умным и успешным. И он всегда был добрым и чутким, но в тоже время очень мужественным. Все подруги завидовали Хиран и ее предстоящему замужеству с ним.

Но вот Арун не разделял ее любопытства и хмуро смотрел на нее. А потом виноватое выражение исказило черты его красивого лица. Он протянул руку и сжал ее ладонь.

— Хир. Прошу, не надо. Я и так обидел тебя, и это еще не конец. Нам предстоит трудное время. Ты не представляешь, как я рад, что ты не возненавидела меня за то, что я сделал. Но не надо терзать себя еще сильнее.

— Возненавидела? — казалось, это все, что она услышала из слов Аруна и поразилась.

— На твоём месте многие бы так и сделали. Разве не я отказался от свадьбы, принеся этим стыд и боль твоей семье? Но ты смотришь на меня такими изумлёнными глазами, и я вновь поражаюсь, насколько ты добрая и понимающая.

— Но разве ты виноват, Арун, что полюбил! Ты бы никогда так не поступил, если бы не любил. Как же я могу тебя ненавидеть? Ты бы не возненавидел меня, если бы и я полюбила!

— Ты? — снова нахмурился Арун.

— Ну, да! Разве бы ты стал бы меня ненавидеть? Если бы я полюбила, например кого-то, очень — очень сильно.

— Ты бы не отказалась от свадьбы, если бы знала, что этим навлечёшь на меня позор. А я это сделал, Хир. Я предал тебя.

Наверное, так и было. Возможно, он был прав, говоря, что предал её, не женившись на ней, как и обещал в день помолвки, перед статуей богини и перед её родственниками и друзьями. И её сердце сжималось от мысли, что Арун не станет её мужем, что не будет их общего дома, который она много раз себе представляла. И никогда её не назовут госпожой Джейдев. Было в этом что-то мучительно-горькое, по-детски обидное. И все же, не смотря на то, что ей снова хотелось плакать, Хиран покачала головой.

— Ты бы предал меня, если бы женился, а любил другую. Я бы не сделала тебя счастливым, да, Арун? Никогда. И я бы не была счастлива. И теперь я боюсь, что твой папа заставит тебя... И ты...

— Этого не случится. Я знаю, что скажет мне отец. Он будет грозить лишением наследства. Но это не заставит меня передумать. Если бы я женился на тебе, Хир, то уж точно не из-за денег.

— А из-за чего? — почему-то тихо спросила она и опустила глаза.

Арун молчал. Зря она спросила. И вообще, все зря. Не стоило соглашаться на этот совместный обед. Надо было остаться в своей комнате, которая и не была её вовсе. Тут все было чужое. Чужая страна, чужой город. Чужая квартира. И жених был чужой.

Она не плакала. Нет. Только одна слезинка сорвалась с ресниц и упала на, лежащую на коленях, салфетку, оставив влажное пятнышко на ней. Она слышала? как встал Арун, отодвинув стул. Как подошел к ней. Но Хиран так и не подняла глаз. А он присел перед ней на корточки и, взяв за руки, заставил развернуться к нему.

— Хиран... — но сказать ему было нечего. Он замолчал опять и только уткнулся лицом в её ладони, согретые его же руками.

Никогда она не думала, что когда-то настанет время, когда ей так трудно будет просто поговорить с другом. Она посмотрела на его склоненную голову. И вздохнула.

— Мне, наверное, стоит собрать свои вещи. — зачем-то сказала она, наверное, чтобы уйти от темы, которая для них обоих была трудной.

Арун поднял голову и вопросительно посмотрел на неё.

— Вещи?

— Ну, да. Я ведь все разложила. Хорошо. Что остальной багаж ещё не прибыл.

— Хиран, о чем ты говоришь?

— Завтра прилетает твой папа, Арун. И я должна вернуться в Индию вместе с ним.

Хиран с недоумением наблюдала, как Арун меняется в лице. Он с сомнением смотрел на неё. А потом сожаление заострило каждую черту его лица, а вина сделала глаза темнее. Он вдруг резко поднялся, а её оставленные без его тепла руки снова упали на колени. Арун сделал шаг назад, потом застыл.

— Хиран, я думал ты понимаешь... Предполагал, что ты поняла, когда я говорил, что позабочусь о тебе, то ты...

— Арун? — ее сердце тревожно забилося.

— Хиран ты же понимаешь, что не можешь вернуться в Индию?

— Не могу? — потом до нее дошло, и она кивнула. — То есть, да, я знаю. Я понимаю, что там меня ждет. Я знаю, что это будет сложно. Но разве у меня есть выбор? Мне придется вернуться, ведь свадьбы не будет, а я не могу больше оставаться тут с тобой.

— Как с женихом, да. Не можешь. Но как с другом семьи и опекуном, вполне.

— Оп... опекуном?

Арун стремительно приблизился и снова присел перед ней.

— Послушай. Я понимаю, что это трудно. Я осознаю, что именно по моей вине многолетняя дружба, почти родственная связь двух наших семей сейчас под угрозой. И только от меня и от тебя зависит, что будет дальше. Если ничего не сделать, то все обернется враждой и обидой. И ты... Ты пострадаешь больше всех. Я не хотел этого, Хир. Клянусь, не хотел. Я был намерен жениться, и я бы сделал это, если бы не одно весомое обстоятельство. Но теперь твоей репутации конец, Хир. Ты не можешь вернуться домой незамужней. Ни твоя семья, ни моя не отступятся от решения поженить нас. Чтобы они смирились, ты должна сделать более выгодную партию, или, во всяком случае, приемлемую в данной ситуации.

Хиран дернулась, сама не зная отчего, от удушливого панического чувства, заполнившего грудь, или от сожалеющего взгляда друга. Заметив ее движение, Арун положил руки ей на колени.

— Послушай. Просто послушай Хир. Нам ни к чему торопиться. В Нью-Йорке живет много достойных семей из Индии. Они успешны, состоятельны, не менее родовиты, чем наши с тобой семьи. С некоторыми из них я веду дела и тесно сотрудничаю, а многих просто хорошо знаю. Я подберу лучшие кандидатуры и предложу тебе и твоему отцу. Ты будешь сама решать, Хир. И пока ты не будешь готова, никто не заставит тебя. Ты дашь согласие на брак, если тебе кто-то понравится. У нас появится необходимое время. Я не оставлю тебя одну, обещаю. Пока ты будешь нуждаться во мне, я буду рядом.

Хиран не могла произнести ни слова. Ей казалось, что она сходит с ума. Не было ничего, что могло ее потрясти сильнее, чем слова Аруна о том, что он больше не хочет брать ее в жены. Но так она думала до того, как Арун сидя перед ней практически на коленях рассказывал о том, что сам найдет ей достойного жениха. Что он из жениха и лучшего друга, которого она любила всем сердцем, и которому доверяла, вдруг превратится в опекуна, который будет подыскивать того, кому можно будет передать ее, как вещь. Как ставшую вдруг, ненужную вещь.

Ощущение, что ее жизнь, и она сама словно разваливаются на множество частей, наполнило ее ужасом. Чувствуя себя невероятно разбитой, Хиран сама не понимая зачем, потянулась за стаканом воды, но дрожащие руки подвели ее и вода пролилась. Не к месту и вовсе не вовремя Хиран усмехнулась. Слишком много разбитой посуды и пролитой жидкости для нее за каких-то три дня в доме Аруна. Слишком стремительно разлетелись ее мечты и надежды, чтобы она могла как-то осознать это. Только она попыталась принять одну правду, как на нее обрушивается другая. И нет даже возможности собраться с мыслями. Нет, на этот раз у нее не возникло никакого желания убежать. Не было сил даже рассердиться или обидится. Даже для боли места не осталось. Только разочарование и горькое сожаление.

— Я не останусь, Арун. — тихо возразила она. — Я так не могу. Я не хочу замуж за другого. — со слезами на глазах, произнесла Хиран. — Я хотела замуж за тебя, Арун.

По лицу Аруна прошла судорога и он отвел взгляд. А потом встал, за руки потянув за собой и Хиран. Обнял ее, прижав так крепко, что Хиран всхлипнула.

— Боже, Хир. О, Хир! Я не знаю, что мне делать. Я не знаю! Я все бы отдал, чтобы прекратить это. Чтобы ты не плакала и была счастливой. Я не знаю, что мне сделать, чтобы помочь тебе.

Так хорошо было в объятиях Аруна. Не смотря ни на что.

— Почему ты не мог полюбить меня? — сама понимая, что выглядит жалко, спросила Хиран и уткнулась лицом в грудь Аруна.

— Я и полюбил, Хиран. Очень давно. Это стало частью меня. Ты мне очень дорога. Ты мой друг, Хир. У меня только двое по-настоящему любимых мной друга. Это ты и Колин. И сейчас, после того, что я натворил, и, понимая, что теряю тебя, то прихожу в отчаяние. Не хочу тебя терять, Хир.

— Я не останусь, Арун. Я не хочу выбирать женихов. Я не... могу, понимаешь?

— Понимаю. Ты обижена на меня. Я знаю. И ты мне больше не доверяешь...

— Арун, нет, я...

— Тихо, не говори ничего, Хир. Я это знаю, и ты знаешь. И я понимаю. Но, Хир подумай, милая. Зесь тебе будет гораздо проще справиться с этим. Тут индийцы хоть и придерживаются всех традиций, но гораздо снисходительнее относятся к тем, кто их нарушает. Никто не поставит на тебе клеймо позора, а дома ты на какое-то время и вовсе будешь как отверженная. Хиран, подумай. Мы не станем спешить. Я не стремлюсь скорее избавиться от тебя. Ты просто познакомишься с новыми людьми, придешь в себя. И когда поймешь, что готова, то просто скажешь мне об этом. Ты не можешь вернуться не замужней, Хир. Это будет слишком трудно. Ничего не говори сейчас. Ладно? Просто подумай.

И он таким знакомым поцелуем коснулся ее макушки, что Хиран не смогла сразу возразить. А Арун еще несколько секунд прижимал ее к своей груди, а потом отстранился. Хиран едва поборола искушение остановить его. И потом согласиться остаться и позволить Аруну позаботиться обо всем. Но она не могла. И поэтому тоже сделала шаг назад.

— Я подумаю. — согласилась она, но знала, что решение свое не изменит.

Но Хиран, не смотря на то, что уже вроде бы все для себя решила, весь оставшийся день думала о словах Аруна. И это очень тревожило ее. Арун был прав. Единственный для нее выход — это брак. И она не сомневалась, как только она вернется домой, отец и все ее тетушки начнут подыскивать ей жениха. Он уже не будет таким же состоятельным и с такой родословной. И, уж конечно, никто не спросит, хочет ли она выходить за выбранного родственниками жениха. И от мысли, что ее могут отдать за совершенно незнакомого ей мужчину, становилось страшно.

Конечно, никто не станет ее заставлять и насильно не поведут к священному огню. Но у нее не будет выбора, кроме как дать согласие, и Хиран это понимала.

И ее свадебное сари не пропадет даром. Она больше не будет невестой Аруна, но станет невестой кого-то другого. А она не могла себе этого представить, как не пыталась. Она должна была быть к этому готова, но таковой себя не чувствовала. Она ощущала себя обманутой девочкой, которая до вчерашнего дня верила в чудеса. А уже сегодня поняла, что их не бывает.

И уже вечером, когда Арун, поужинав с ней, снова куда-то ушел, Хиран подошла к

большому зеркальному шкафу и достала свою дорожную сумку. Но не стала собирать вещи как планировала, а достала расшитую бисером папку и открыла. Самым первым там лежал лист белой бумаги с распечатанном на нем узором из хны, для ее свадебного мехенди. Красивый узор из переплетающихся цветов и завитушек, должен был украсить ее руки. Его так тщательно для нее выбирали подруги. А ей было не так уж и важно, что там будет изображено. И вот теперь, когда все так изменилось, ей этот узор показался таким невероятно красивым. Хиран стояла и смотрела на листок бумаги и думала, что ни у одной невесты еще не было такого красивого узора хной.

Не было слез. Хиран еще немного постояла, любуясь на рисунок, а потом порвала его пополам, с трудом сумев вдохнуть из-за пережатого спазмом горла. Она складывала половинки и снова рвала их, до тех пор, пока они не стали совсем маленькими, и разорвать их еще было уже не под силу. Тогда она подошла к окну и, открыв одну узкую створку, вытянула руку с обрывками бумаги и разжала пальцы. И вместе с тем как вечерний летний ветер подхватывал кусочки и гнал их по воздуху, Хиран поняла, что вот именно в этот момент она перестала быть невестой Аруна, и в мыслях и в собственном сердце. Не тогда, когда он сам ей об этом сказал. Не тогда когда она сидела одна на пляже. И не тогда, когда принимала душ у его лучшего друга. А вот теперь, пока на ее ладони не осталось узора для мехенди, который никогда не украсит ее руки.

Бабушка была не права. Она не смогла бы завоевать любовь Аруна. Потому что как ее полюбит тот, кто сам готов найти ей нового жениха и передать другому мужчине.

Арун с давящим чувством вины, не отпускающим его ни на минуту, стоял возле двери в спальню Хиран, не решаясь постучать и поторопить ее. Возможно, потому что хотел дать ей еще немного времени, но по большей части оттягивая тот момент, когда снова увидит ее глаза. Это почему-то оказалось самым трудным, видеть в глазах Хиран такую печаль и горечь. Ведь это была Хиран. Такая светлая и нежная, с мягкой улыбкой и неумемной радостью жизни в глазах.

Это он ударил ее наотмашь собственными ошибками, заставив расплачиваться за них. И не было ни одного оправдания, которое могло бы спасти его совесть. И решения не было. Он не мог представить, что бы мог сделать, чтобы все исправить.

Жениться на ней — это единственный выход. Но теперь Арун не мог быть уверенным, что она бы согласилась, тем более, узнав о ребенке. А она непременно узнает об этом, ведь Арун собирался рассказать об этом отцу. И от этой мысли у него сжимало в груди. Никогда он не думал, что причинит такую боль человеку, которого искренне любил. И собирался сделать это снова, собираясь рассказать о ребенке.

И Арун почему-то сомневался, что после всего Хиран выйдет бы за него, даже встань перед ней выбор, он или совершенно посторонний человек. Хотя, скорее всего у нее не будет выбора вовсе, если она все же решится вернуться в Индию.

Дверь неожиданно открылась и на пороге показалась она. Удивление промелькнуло на ее лице. Но потом она улыбнулась.

— Извини, что заставила ждать. — произнесла она и опустила глаза.

— Ничего страшного. Отец все еще не приехал. Я звонил ему минут десять назад. Он в такси. А в час-пик это все равно, что приговор.

— Наверное, надо было поехать в аэропорт и встретить...

— Ты же слышала. Отец приказал мне оставаться рядом с тобой и ждать. Не волнуйся, господин Ариджит Джейдев много раз бывал у меня и с ним все будет в порядке. Пойдем. — Арун протянул руку, но Хиран дернулась, шокировав этим и его и себя.

Она испуганно посмотрела на него.

— Извини меня, — сказала она. — Я не знаю...

— Все нормально, Хир. Я понимаю.

Но это было не правильным, и он снова протянул ей руку. Не отводя взгляда, сделал к ней шаг. Он не хотел ее терять. Если он потеряет ее, то вместе с ней уйдет что-то лучшее и в нем. И ему не нравилось ее замкнутое выражение лица, ее невзрачный наряд. Хиран любила яркие цвета, но умела со вкусом их подбирать. И ему нравилось, что она совершенно спокойно может носить и традиционную и современную одежду. А сейчас она выглядела слишком уязвимой и подавленной в удлиненной льняной блузке, натурального бежевого оттенка и белых широких штанах, собранных на щиколотке. На шее голубая полупрозрачная дупатта. Арун знал, что Хиран накинет ее на голову, как только его отец войдет в дом. И эта голубая ткань, да бинди на лбу, были единственными украшениями Хиран. Ни одного браслета, ни на руках, ни на ногах. Не сережек, которые так любила его Хир. И это несоответствие тревожило Аруна. Хиран, как и значение ее имени, всегда, словно немного светила драгоценным блеском. Но не сегодня.

И не было сил смотреть на то, как «потускнел» его бриллиант. Арун решительно взял

Хиран за руку и легонько сжал. Он полагал, что Хиран рассердится или попытается отнять руку, но казалось, она немного расслабилась, и даже выглядела довольной. Неужели глупышка полагала, что теперь они чужие друг другу, и такой привычный жест, как взять ее за руку, теперь невозможен. Но Арун надеялся, что у него еще есть шанс немного исправить то, что случилось по его вине. Он не позволит Хиран уехать, найдет способ уговорить ее остаться. Поиски жениха могут и подождать. Можно найти много причин для того, чтобы откладывать свадьбу. От неблагоприятного гороскопа, до затягивания даты помолвки, подготовка к которой может тянуться очень долго. Если только Хиран останется он найдет способ позаботиться о ней. А от мысли, что ее отдадут первому попавшемуся подходящему кандидату, приводила Аруна в отчаяние.

Хиран. Нежная и романтическая девочка. И если она попадет к суровому и холодному мужчине это погубит ее.

— Арун?

Встревоженный голос Хиран заставил его вздрогнуть. Он понял, что слишком сильно сжал ее руку и был уверен, что выражение его лица выдавало, охватившую его ярость. Погладив ладошку девушки, он покачал головой.

— Не волнуйся. Пойдем? Встретим моего отца.

По квартире разнеслась трель звонка, Хиран вздрогнула и потянулась к дупатте. Но Арун мягко отвел ее руки.

— Позволь мне.

Он накинул практически невесомую ткань на голову Хиран. Она кивнула, поблагодарив. А потом они за руку пошли открывать.

На усталом, но не утратившем своей суровости лице Ариджита Джейдева появилась теплая отцовская улыбка, когда он увидел Хиран. Она почтительно склонилась, коснулась его ног.

— Иди дочка, обниму тебя. — ласково сказал отец и взял Хиран за плечи. Она выпрямилась и уже в следующую секунду оказалась прижатой к широкой груди. — Наша красавица! Все шлют тебе привет.

— Добро пожаловать, дядя. — шмыгнула носом Хиран.

— Ну, вот. — так же придерживая за плечи, отец отстранил Хиран и отпустил. Покачал головой. — Ну вот, Арун. — развел руками, — Старый дурак, я довел твою невесту до слез.

Хиран быстро вытерла слезу, что начертила влажную дорожку на ее щеке и улыбнулась.

— Я не плачу, дядя, я радуюсь.

— Ну и хорошо. Нет причин для слез, дочка.

Наконец-то, отец обратил свой тяжелый взгляд и на него, и Арун узнал это непреклонное выражение на отцовском лице. Арун помнил, что именно это выражение было у Ариджита Джейдева, когда он сказал, что его сын поедет учиться в Америку. Возражения и уговоры матери ни к чему не привели. Было доподлинно известно, что если этот человек что-то решит, то переубедить его или тем более ослушаться было не возможно. Вот и теперь Арун смотрел на отца и понимал, что разговор предстоит нелегкий. Да и сомневался, что в итоге они придут к компромиссу.

И все же Арун был рад видеть отца. Тот всегда был для него примером и непоколебимым авторитетом, которого он любил и уважал. Арун шагнул к отцу и обнял.

— С приездом, отец.

— Сын. Мой Арун. — в ответ обнял сына мужчина.

Их объятие было коротким и истинно мужским. А потом Арун предложил отцу сесть, а Хиран ушла на кухню, чтобы приготовить чай. Арун расспрашивал о семье, отец охотно отвечал, словно это было действительно важным, и Арун не имел возможности звонить так часто как пожелает. Все новости, что сообщил отец, Арун знал и так — оба это понимали. Но продолжали разговор, намеренно оттягивая момент, когда все же придется коснуться ключевой темы. Хиран вернулась с подносом, и занималась тем, что разливала чай с молоком, слишком суетливо и порывисто.

Арун дождался, когда она протянет чашку отцу, затем взял свою. А потом перехватил руку девушки, и когда она посмотрела на него, ободряюще улыбнулся.

— Спасибо, Хир. Присядь...

— Ступай, дочка. — твердо сказал отец. — Позвони домой и скажи, что теперь я тут, а это значит, что обещание будет выполнено.

Хиран застыла и испуганно посмотрела на Аруна. Он же, даже чувствуя ее взгляд, не обернулся, продолжая смотреть на отца.

— Иди, Хиран. Не волнуйся. Позвони домой. — сказал Арун, понимая, что разговор будет трудный и он тоже не хотел, чтобы его услышала Хиран.

Она ушла, а Арун почему-то зацепился взглядом за ее пустую чашку, в которую она так и не налила себе чай. Он не понимал почему, но ему сделалось не по себе из-за этого. Он резко встал, наполнил чашку Хиран и, сказав отцу, что скоро вернется, пошел за Хиран. Дверь ее спальни была открыта. Она сидела на кровати, сминая в руках голубую ткань платка, и резко вскинула голову, когда Арун вошел. Ему бы хотелось утешить ее, сказать, что все будет хорошо. Но понимал, как глупо и неправдоподобно это будет звучать. Поэтому он просто подошел, вложил в ее руки чашку с чаем и затем вышел, так и не сказав ей ни слова.

Ариджит Джейдев сурово посмотрел на него, но Арун отчетливо видел, как устал его отец. Он относился к тем людям, которые не привыкли к легкой жизни. И не смотря на то, что отец давно мог спокойно переложить управление делами на других людей, которые проработали с ним достаточно долго и заслужили его доверие, и которых отец уважал, но по-прежнему предпочитал оставаться у руля. Он вставал на рассвете, завтракал и отправлялся в главный офис, где работал до вечера. Даже когда не очень хорошо себя чувствовал. Он считал, что это не существенно и не повод отлынивать от собственных обязанностей. Но как бы отец не был предан работе, еще больше он был предан своей семье.

Он любил и уважал свою жену. Арун знал, что брак его родителей был заключен, как и большинство браков, по договоренности. Но вскоре этот брак стал основываться на любви и взаимопонимании. Сарасвати Джейдев была умной, сильной характером женщиной, умеющий в нужный момент быть упрямой и настойчивой, не боящейся настоять на своем, но в то же время могла быть и почтительной, покорной супругой. Но в первую очередь она была прекрасной матерью.

Все выходные и праздники они проводили вместе, и никакая работа не могла отвлечь отца от времени, проведенного с женой и сыном. И ничто он не переживал так болезненно, как смерть своей жены Сарасвати. И Арун знал, что отец до сих пор скорбит по ней, даже спустя семь лет.

Он много раз говорил Аруну, как рад тому, что его отец настоял на этом браке, который стал самым верным решением в жизни Ариджита Джейдева. Таким браком и подарком судьбы отец считал и брак своего сына с Хиран. Он любил ее как собственную дочь, и сделать ее своей невесткой было его огромным желанием. Арун и сам понимал, что лучше,

чем Хиран кандидатуры не найти. Она была бы идеальной женой для него и прекрасной невесткой в их доме.

Арун понимал, что переубедить отца в его решении будет сложно, даже вряд ли возможно. Но у него не было выбора. Эрика носила его ребенка и должна была стать его женой. Теперь у него есть долг перед сыном или дочерью, и это лишало его права выбора.

— Отец. — произнес Арун, — Я понимаю...

— Нет. Не понимаешь. — твердо перебил он. — Твоя выходка не достойна называться поступком взрослого мужчины и моего сына, которым я всегда гордился. Это действия плебея и юнца, не обремененного моралью. Ты знаешь свой долг и долг чести. Ты не можешь такие вопросы решать самостоятельно.

— Я мужчина отец, и не юнец. Я в полной мере осознаю свой поступок. Я никогда так не поступил бы, если бы не обстоятельства. Я люблю Хиран и привязан ко всем членам ее семьи. Я не желал брать в жены кого-то еще. Она дорога мне, и это была бы честь для меня назвать ее женой.

— Тогда, в чем же дело?! Ты сказал, что свадьба не состоится. Что это за выходки, сын?

— Я не могу теперь жениться на Хиран, отец.

— Это не обсуждается. Ты женишься на этой девушке, и ни что не сможет переубедить меня. Свадьба состоится!

— Свадьба состоится, отец. Но моей женой станет не Хиран. Я женюсь на другой.

— Никогда, Арун. Этому не бывать!

— Она беременна, отец. Она носит моего сына. У меня нет выбора.

Отец был потрясен. Давно Арун не видел его таким, когда у Ариджита Джейдева не нашлось слов. И в тоже время лицо его немного смягчилось. Разгладилась суровая складка на лбу, напряжение в уголках губ наполовину скрытых за усами с проседью частично ушло.

— Ребенок?

— Да, отец. Чтобы жениться на Хиран я готов был отказаться от женщины, которую люблю. Я помнил свой долг, отец. И не своими действиями или мыслями, я бы не оскорбил нашу Хиран. Но теперь все поменялось. Родится ребенок и он не должен платить за ошибки отца.

Ариджит Джейдев долго молчал, лишь иногда проводил ладонью по лицу. Но потом вновь словно посуровел. Он встал и Арун поднялся следом.

— Ты прав. Ребенок ни в чем не виноват. Ты признаешь его и дашь ему имя нашей семьи. Ни он, ни его мать, ни в чем не должны нуждаться, и будут находиться под защитой нашей фамилии. Ты мой сын, и я знаю, что ты сделаешь все правильно. Это достойно, что ты не уходишь от ответственности.

Отец протянул руку, Арун принял ее. И когда отец похлопал сына по плечу, то Арун почувствовал, как внутри словно ослабла стальная пружина. Но только для того, чтобы еще туже затянуть свои стальные кольца. Потому что после минутной слабости отец вновь твердо посмотрел на него.

— Но женишься ты на дочери моего друга. Моей невесткой станет только Хирани Притвирадх. Ты можешь любить кого тебе угодно, иметь хоть десятков побочных детей. Но жена у тебя будет одна. И это дочь моего друга Нараяна Притвирадха.

— Нет, отец. Это не выход. Неужели ты думаешь, что жениться на одной пока другая носит моего ребенка это для меня лучший выход, то ты ошибаешься. Я не могу пойти на это.

— Запомни. — непреклонно сказал отец. — Либо ты женишься на Хиран, либо я

уничтожу ее.

Бывают такие моменты, когда ощущаешь себя, словно глухим и не можешь понять, действительно ли слышишь эти слова, или это какое-то умственное помешательство. Вот и теперь Арун не мог понять, в самом ли деле услышал то, что произнес отец. И не смотря на то, что выражение его лица вполне соответствовало услышанному, Арун отказывался верить своим ушам, да и собственному рассудку.

— Отец...

— Помолвка будет разорвана по твоей инициативе. Но я сделаю все возможное, чтобы пятно позора легло именно на имя семьи невесты. И этому никто не сможет помешать. Сам по себе факт, несостоявшейся свадьбы, уже веское основание для этого. Но мы могли бы сгладить углы и решить все миром. Но этого не будет. Если свадьба не состоится, я сделаю все, чтобы ни одна приличная семья не захотела себе дочь Притвираджа в невестки.

— Ты не можешь так поступить отец. Ты любишь Хиран. До того, как стать невесткой твоего дома, она стала твоей названной дочерью. Ты всегда говорил это. Ты хотел, чтобы она называла тебя отцом. Неужели я поверю, что ты можешь так поступить с ней. К тому же ее вины в происходящем нет.

— ты должен был сказать об этом себе, когда отменял помолвку. Этот ребенок не виновен, в том, что ты совершил ошибку. И она не должна платить ее за тебя. Именно поэтому я говорю тебе это. Но если ты слушаешься меня, то она заплатит сполна. Я не могу позволить тебе опозорить наше имя, сын. Ты не станешь тем, кто отказывается от невесты, объявив о свадьбе и прожившей с ней по одной крышей не один день. Мой друг и я доверили тебе невинную девушку, потому что она была тебе почти женой. И что сделал ты? Отказался от нее? Так вот, ты получишь то, что пожелаешь. Другую жену, ребенка и мое благословение. Но в таком случае Хиран Притвирадж принесет в свой дом позор и бесчестие.

— Нет, отец. Я сам виновен во всем, и мне нести это на себе. Если ты не можешь принять меня с другой женой, то я не войду с ней в твой дом. Весь позор ляжет на твоего сына.

— Этому не бывать! Неужели ты думаешь, я позволю запятнать имя наших предков, только для того, чтобы мой сын смог привести в дом любимившуюся ему американку. Которая не знает ни наших традиций, ни нашей веры. Которая заставила моего сына отступить от своего слова, забыть о долге. Нет! Неужели ты думаешь, что Нараян Притвирадж спокойно воспримет разрыв помолвки и смириться. Он сделает все, чтобы защитить свое имя и репутацию своей дочери. А значит, задействует все свое влияние, чтобы выставить тебя, а значит нашу семью, в неблагоприятном свете. Из друзей и партнеров, чьи отношения длятся больше полувека, мы станем врагами. И уж если этого не избежать, я хочу выйти из этой борьбы с минимальными потерями. А это значит, что я буду защищать честь моей семьи, в ущерб чести семьи Хиран. Ты говоришь у тебя нет выбора. Ну что же. У меня его тоже нет. Это коснется не только тебя или меня. Это коснется твоих замужних сестер и племянниц. Это войдет в каждый дом членов нашей семьи. И я буду защищать их.

— Отец. Хиран...

— Она добрая невинная девочка, Арун. И когда все это случится, я, словно похороню дочь. Но я пойду на это, чтобы спасти других своих детей.

Если бы у Аруна было хоть одно маленькое сомнение, что отец не сделает все, как только что сказал, он смог бы побороться. Но он хорошо знал своего отца. Слишком хорошо

знал. И помнил о том, что Ариджит Джейдев никогда не бросает слов на ветер. Никогда.

Маленькая Хиран всегда была очень любопытной. Мир взрослых, их важные разговоры всегда казались ей слишком интересны, чтобы упустить возможность и не подслушать их. Что она и делала, когда получалось остаться незамеченной. Но в большинстве случаев ее ловили за не подобающим занятием и строго отчитывали. А бабушка не стеснялась и уши надрать.

Хиран заливалась слезами и обещала так больше не делать, скрещивая пальцы за спиной. А потом не могла дождаться, когда вновь будет шанс послушать взрослые разговоры и молилась, чтобы ее не поймали до того, как она услышит что-то интересное.

И никогда не думала, что настанет такой день, когда она пожалеет, что ее не застали и не отчитали. Что бабушка не оттащила ее от двери за ухо и не отчитала за недостойное поведение, не позволив тем самым услышать самые страшные слова в своей жизни. Но бабушка была так далеко отсюда, а Хиран была слишком глупа, чтобы встать и закрыть дверь спальни, как только она поняла, что ей хорошо слышны голоса Аруна и его отца, доносившиеся из гостиной. Она так и не позвонила домой. Она как застывший истукан сидела и слушала разговор мужчин. И каждое сказанное ими слово, камнем оседало в животе, раскаленными иглами вонзалось в сердце. Разговор был долгим. Арун раз за разом пытался убедить отца, но тот был не склонен в своем решении.

А потом он пришел, с побелевшим лицом, и Хиран поняла, что по одному взгляду на нее Арун определил, что она все знает. Но он сказал только, что отец не пожелал остаться с ними, а забронировал номер в гостинице. Но Хиран и так это знала, а еще она слышала, как отец дал сыну всего лишь двадцать четыре часа на принятие решения. Но она не сказала ни слова, а послушно последовала за другом.

Дядя Ариджит, как с детства называла его Хиран, поцеловал ее в макушку перед уходом, сжал ладони в своих больших руках. А она, произнося заветное «Благословите, дядя», едва не тряслась от понимания, что возможно прощается с этим человеком навсегда. Что тот, кто угощал ее орехами в сладкой глазури, кто всегда принимал ее сторону в споре с Аруном, кто подарил ей первый велосипед, точно такой же, как и собственному сыну, только с красивой бахромой на руле, который был ей всегда как второй отец, возможно, именно этот человек, завтра проклянет ее.

Арун молчал до того момента, как за отцом закрылась дверь. Затем повернулся к Хиран. Решительное выражение его лица испугало Хиран, и она опустила взгляд. Но Арун приподнял ее лицо за подбородок.

— С завтрашнего дня начинай готовиться к свадьбе, Хир. — тихо сказал он и от звука его голоса, холод пополз по позвоночнику. Нет, в нем не было злости или обиды. В нем не было ничего, кроме обреченности. — Не волнуйся, милая. Ты ни в чем не виновата. Ты не должна думать о том, что сказал мой отец. Ничего этого не будет. Свадьба состоится, и ты не пострадаешь.

— Арун. Нет, пожалуйста. Надо что-то сделать, надо...

— Все решено, Хир. Мы поженимся. С завтрашнего дня ты начнешь готовиться.

— Но твоя девушка беременна... — едва слышно произнесла Хиран и пожалела о своих словах.

По лицу Аруна прошла судорога, а желудок Хиран сжался от горечи. Но теперь Хиран действительно поняла, почему Арун все же отказался от помолвки, несмотря на то, чем это

могло обернуться. Почему-то понимание этого принесло некоторое облегчение. Но теперь даже это не имело значения. Аруна все равно заставят жениться на ней.

— Я позабочусь обо всем, Хир. Ты просто... просто делай все, что полагается.

— Арун...

— Хиран, мне надо позвонить. Я приду к тебе позже, хорошо? И мы обо всем поговорить. А сейчас... Иди, Хир. Иди.

И она ушла. Оставила его одного, застывшего возле двери, закрывшейся за его отцом. А сама с ужасом осознала, что лучше примет весь полагающийся ей позор, чем выйдет замуж за человека, который говоря о свадьбе с ней, стоит с окаменевшим лицом и смотрит на нее глазами, полными отчаяния.

Колину все же пришлось ответить на звонок друга, но это не прибавило ему хорошего настроения. Он не понимал, почему бы не оставить его, наконец-то в покое, если проблема со свадьбой решилась. Вернее стало ясно, что свадьбы не будет, а значит, невесте не потребуется извозчик. Так зачем названивать ему. Но все же Колин поднял трубку, когда его телефон в очередной раз зазвонил. И, по-видимому, он ошибался. Индийской принцессе все же требовался водитель. Ну, в конце концов, не отказывать же себе в осмотре достопримечательностей Нью-Йорка из-за отмены свадьбы. Вот только было интересно, как она отреагирует на то, что сопровождать ее будет он. Наверняка, не обрадуется. В последний раз, когда они виделись, девушка поспешила унести ноги из его жалкой лачуги. Но он ее не винил. Она вписывалась в обстановку, как хрустальная статуэтка в угольную шахту. Так что он ее понимал и даже одобрял. Но и это не прибавило ему хорошего расположения духа.

Так что к дому Аруна он подъехал с одним лишь желанием, отказаться от данного обещания другу. Но одного взгляда на него оказалось достаточно, чтобы Колин понял, сейчас не самое время для этого. Они пожали друг другу руки.

— Выпьешь? — предложил друг.

— Нет. Я же за рулем. Скорее я бы налил тебе. — заключил Колин и хлопнул Аруна по плечу. — В чем дело, Джей?

— Выпивка тут не поможет, Кэл. Мне нужно, чтобы ты покатал по городу Хиран. Если ты не передумал, то отвези ее куда она скажет. Кажется, на сегодня особых встреч нет, только ресторан.

— Ресторан?

— Да. Мы бронировали его на определенные числа. Нужно съездить и подтвердить. И она там встречается с организатором свадьбы.

Колин несколько минут усваивал информацию, а потом отчего-то поперхнулся.

— Какого черта, Джей? Свадьба же не состоится.

Друг посмотрел на него тяжелым взглядом, а потом, выругавшись, что было для него не характерно, провел рукой по волосам.

— Состоится, Кэл. На следующей неделе я женюсь на Хиран.

— Ты серьезно, Джей?

— Серьезнее не куда. Хиран станет моей женой. Впрочем, это предполагалось с самого начала.

— А... Она? — Колину пришлось прочистить горло, почему-то было сложно назвать ее по имени. — Как к этому относится она?

Арун невесело усмехнулся. И все-таки прошел к бару, наполнил два стакана.

— А кого интересует ее мнение, Джей? Никого. Хотя, ты знаешь, отец ведь прав. Я объявил ее своей невестой. Она приехала сюда, в чужую страну, чтобы тут выйти замуж. И моя обязанность защищать и заботиться о ней. Теперь она моя, Кэл. И мой долг делать ее счастливой. — Арун протянул один стакан Колину, но тот покачал головой. Тогда Арун отставил оба. — Ах, да. Черт! Ты же за рулем. Повезешь мою невесту. А мне предстоит важная встреча.

И оба замолчали. Колин пытался понять, что происходит с другом. Почему он изменил свое решение. Да и унять не понятную злость, которая вновь угнездилась где-то за грудиной,

тоже не мешало бы. Но Колин не мог. Желание схватить Аруна за лацканы его дорогущего пиджака, и потребовать ответов было слишком сильным.

Но ему не удалось даже просто задать вопрос, потому что в гостиную вошла она. И если он удивился при виде Аруна и его словно похоронного лица, то вид Хиран поразил его еще больше. На ней было надето что-то похожее на то, в чем он увидел ее в первую встречу. Широкие штаны темно-зеленого цвета и туника, больше похожая на короткое платье, желтого цвета, с зеленой вышивкой по вороту и подолу. На шее, перекинутый обоими концами за спину был шарф, перекликающийся с ее нарядом. Ей невероятно шел желтый цвет, подчеркивая темный оттенок ее кожи. Тонкие золотые и зеленые браслеты опоясывали запястья. Она была словно соткана из света и на первый взгляд могла сойти за счастливую невесту, похожую на беззаботную канарейку. Но ее глаза... В их непроглядной темноте было столько печали. Колин знал ее всего ничего, но уже с легкостью мог определить, что Хиран не просто расстроена, она была напугана и растеряна. Наверное, еще сильнее, чем в тот поздний вечер на пляже.

— Здравствуйте, Колин-джи. — тихо поприветствовала она, сложив ладони возле груди.

«Колин-джи»? Seriously? Она принимала у него душ, готовила ему кофе, сидела с ним на одном диване и рассказывала о доме. А теперь он вдруг стал «Колин-джи». Колин едва не закричал зубами. Ну что же. Все актеры вошли в свои роли. Арун — серьезный жених. Хиран — индийская невеста. А он водитель. Хотя, нет. Не так. Как-то Арун упоминал... Ах, да! Рикша. Он — рикша.

— Привет! — поздоровался он, а потом картинно поклонился. — Экипаж подан, мэ.

— Что? — она явно растерялась и непонимающе посмотрела на Аруна.

Тот подошел к ней, взял за руку, сжал ладошку. Протянул вторую руку и погладил по щеке, как маленького ребенка, которому требуется утешение.

— Не волнуйся, Хир. Тебе пора ехать, Колин отвезет тебя. Не могу доверить тебя никому другому, так что я попросил его поехать с тобой. Он хорошо знает Нью-Йорк, так что можешь не переживать.

Колин, сцепив зубы, наблюдал, как его друг попытался отпустить ладонь Хиран, но та сама перехватила его руку и подошла совсем близко. Колин видел, как дрожат ее губы, когда она с мольбой глядя на Аруна, почти беззвучно прошептала:

— Пожалуйста, Арун.

Но, о чем бы она ни просила в тот момент, ее жених остался непреклонен. Он с сочувствием посмотрел на нее и покачал головой.

— Все решено, милая. Поезжай. Мне нужно на встречу и еще уладить пару дел. Потом я позвоню. Будь осторожна.

Плечи девушки поникли. Она опустила голову. Колину не понравилось это, что-то противилось в нем всей этой сцене, да и всему происходящему. Все от первого до последнего кадра в этой сцене было неправильным. Он почему-то хотел, чтобы Хиран расправила плечи и попыталась настоять на своем, о чем бы там ни просила. Но она этого не сделала. Выпустила руку Аруна, отошла.

— Хорошо, Арун. Я поеду. До свидания. — сказала она и отвернулась к двери.

А Арун еще несколько секунд продолжал смотреть на свою невесту.

Дальше все было как в дурной комедии. Арун поспешно пожал руку Колину, открыл для них с Хиран дверь. Ни она, ни Колин не произнесли больше ни слова, пока он не помог ей устроиться на заднем сидении его автомобиля и не спросил, куда ее отвезти. Она назвала

адрес, сверившись с листочком бумаги, который достала из плетеной сумки, перекинутой через плечо. Колин тронул автомобиль.

Колин часто смотрел на девушку в зеркало заднего вида, не мог устоять. Она была такой грустной, совсем не похожей на невесту, у которой скоро свадьба. Ее солнечный наряд создавал слишком сильный контраст ее настроению. Она сидела, откинувшись на спинку сидения, и смотрела в окно. Иногда по ее лицу пробегали блики и выхватывали часть скулы и кончик уха, с золотой серьгой, которая сверкала и искрилась.

Откуда она взялась на его голову? Колин старался не смотреть и не мог. Она притягивала его взгляд как магнитом. А в те моменты, когда он должен был внимательнее следить за дорогой, девушка все равно занимала его мысли. Хиран. Мысленно произнес ее имя. Потом еще и еще раз. И вдруг подумал, что оно ведь должно что-то значить. Он хотел спросить, но не успел.

Она вдруг встрепелась, схватилась за ручку дверцы и подалась вперед, словно собиралась выглянуть прямо наружу, и Колин подумал, что если бы не стекло, она бы так и сделала.

— Остановись! Пожалуйста, остановись!

Это было не совсем удобно в этом месте, но ее полный мольбы взгляд не оставил ему выбора.

— Мы еще не доехали до ресторана. — уточнил Колин, но уже начал перестраиваться на соседнюю полосу. Когда ему все же удалось припарковаться, они отъехали уже достаточно далеко. Но стоило ему притормозить, как Хиран открыла дверцу и вышла из автомобиля. Колин последовал за ней, помня обещание данное Аруну. Но и не будь его, он вряд ли остался сидеть в машине и позволил девушке разгуливать одной. — И что заставило тебя выпрыгивать на ходу, индийская принцесса?

Она не ответила, а продолжала идти, удивительно, как не натыкалась на прохожих. Колин же молча следовал за ней, пока она не остановилась напротив застекленных дверей с яркой вывеской.

— Салон красоты? — удивился он. — Это поэтому мы остановились?

Она виновато посмотрела на него.

— Извини меня.

— Да нет. — пожал плечами Колин, действительно удивленный причиной остановки. — Мое дело маленькое. Ты — индийская принцесса. Я — водитель. Где скажешь, там и остановлю. Если тебе захотелось прихорошиться или сделать прическу, то кто я такой, чтобы мешать тебе.

Хиран смутилась. И даже на ее смуглой коже был хорошо виден румянец. Она сжала в руках ремешок от сумки.

— Что значит твое имя? — вдруг спросил он, как замороженный глядя на нее. — Хиран. Что оно значит?

— Что? — удивленно переспросила она. Ну, хоть смущаться перестала и оставила в покое сумку.

— Имя. Скажи мне, что оно значит. Ведь должно быть что-то.

— Бриллиант. Хира. Это значит бриллиант. Или Хирани. — ответила она и улыбнулась, от чего у Колина ухнуло раскаленным жаром в животе.

Он посмотрел на ее темные, но словно светящиеся изнутри глаза. Ее гладкую кожу, нежные губы. Ее сверкающие серьги и браслеты. Яркий наряд, непривычный для этого

города. И кивнул, подмигнув, чем, кажется, снова смутил ее.

— Тебе подходит, индийская принцесса.

Она молчала так долго, что Колин подумал, она уже ничего не ответит. А потом она снова посмотрела на вывеску салона. Но не пыталась даже войти. Мимо них проходили люди, и некоторые явно были не очень довольны, что они с Хиран стояли посередине тротуара. Но Колину было плевать, если ей хотелось стоять и пялиться на этот салон, пусть так и будет. Так они и стояли какое-то время. Хиран смотрела на салон и о чем-то думала, а Колин смотрел на нее.

— А «Колин»? — вдруг сказала она, не поворачиваясь к нему. — Что значит имя «Колин»?

— Одна женщина сказала, что оно значит «голубь».

Хиран наконец-то посмотрела на него, удивленно выгнув бровь.

— Голубь? Оно не...

— Не подходит мне? Она и это мне сказала. И за это я разбил ей окно. Ох, ну и выдрала же она меня тогда.

— О! — Хиран, кажется, была не на шутку взволнована.

— Не волнуйся, она же потом кормила меня печеньем с молоком и ревела в три ручья по мне. Она была добрая женщина и зря меня не драла. А мне, знаешь ли, это было даже полезно.

— А меня бабушка за уши дергала, когда я подслушивала или сладости таскала. А иногда убегала через забор и бежала к Аруну. И мы прятались у него в саду, а нас искали. А когда находили, то сначала обнимали и целовали, а потом наказывали.

От воспоминаний она снова загрустила. Отвернулась.

— Колин-джи...

— Что я говорил насчет «джи»?

— Извини... Колин, почему Арун попросил тебя возить меня всюду. Почему именно тебя. Или это твоя работа?

— Нет. Точно не моя.

— Тогда почему?

— Как он сам мне сказал, не может доверить тебя никому чужому.

— А тебе может? Потому что ты его друг?

— Да.

— Самый лучший друг в Нью-Йорке?

— Не самый лучший. Единственный. — уверенно сказал Колин, зная, что не соврал.

— И даже согласен нянчиться со мной, потому что тебя об этом попросил Арун?

— Да. Я еще и не на такое способен, если это надо будет Джею.

Хиран кивнула, словно отвечая на вопрос, который задавала сама себе. Сцепила руки в замок. А потом застыла. В какой-то момент ему показалось, что она и не дышит вовсе. Он подошел к ней ближе, и она тут же вскинула на него взгляд. Какой-то отчаянный и в тоже время решительный. Было в нем что-то, чего он не замечал до этого момента. Надежда и обреченность одновременно. Невозможно было объяснить это, или передать.

— Хочу зайти туда. Вы проводите меня, Колин-джи?

Он удивился. Даже не обратил внимания, что она снова привязалась с этим «джи».

— Зайти? Мне пойти с тобой?

— Мне надо сделать... — она запнулась, вдохнула. — Мне надо сделать свадебное

мехенди. Арун говорил, что его мне сделают, его должны и в салонах красоты делать. Пойдемте со мной, Колин-джи. Пожалуйста.

— Но разве это надо сделать прямо сейчас? А как же ресторан? Ведь это займет много времени, я полагаю.

— Это уже не важно. Это не важно.

Колин хотел сказать, что можно сначала съездить в ресторан, а потом поехать делать эту свадебную штуку. Да и салон он мог бы ей предложить получше. Но она так на него смотрела, что ему казалось, откажи он ей сейчас, она расплчется. И он кивнул. А она, казалось, ни капельки не успокоилась. А напротив, заволновалась еще больше. Но все же вошла в салон вслед за ним.

Это заняло полтора часа. Когда она подошла к Колину он увидел, что на тыльной стороне ее ладоней было два больших витиеватых круга, с мелким орнаментом. Краска была рыжеватой. Похожий орнамент был и на каждом ее пальчике у самых ногтей. А когда она повернула руку ладонями вверх, оказалось, что и на них есть похожие круги. Это было необычно, но красиво. Колин так и сказал Хиран, надеясь подбодрить ее, потому как она сама смотрела на рисунки с грустью. Колин решил, что ей, возможно, не понравился рисунок.

— Сколько это продержится? — спросил он.

— Три недели или может меньше. Тебе правда нравится?

— Да. — подавшись какому-то порыву он взял ее за руку и внимательнее посмотрел на рисунок в центре ее ладони. — Это такая традиция? Это обязательно?

— Обычно раскрашивают все кисти и запястья полностью. — кивнула она, не отнимая руки. — Правда это занимает больше времени и потом надо ждать, когда высохнет хна.

— Тогда, может, надо было найти того, кто это сделает. Все как положено. Разрисовать все руки это хной.

Хиран забрала свою ладошку, опустила взгляд.

— У меня нет столько времени. Нет. — проговорила она и зашагала к выходу.

А потом она заявила, что ей надо поехать в магазин индийских товаров, адрес которого ей дал Арун. Она долго копалась в своей плетеной сумке, и Колин только теперь рассмотрел, что на ней вышит павлин с пестрым хвостом, а вместо глаз пришиты бусинки. Наверное, если бы он увидел какую-то американку разодетую во все цвета радуги, с множеством браслетов, с сумкой, пестревшей вышивкой, это произвело бы на него другое впечатление. А Хиран будто была рождена для ярких красок и блеска.

Она наконец-то нашла бумажку с адресом и протянула ему. Колин кивнул и тронулся с места.

Дорога заняла много времени из-за Нью-Йоркских пробок, и на протяжении всего пути Хиран молчала. Он хотел бы знать, о чем она думает, но понимал, что это невозможно. И еще ему хотелось спросить, почему она так несчастна, если все будет так как она хотела. Свадьба состоится и она станет Хиран Джейдев. Или все же Хиран Арун Джейдев? Он понятия не имел, как там у них принято.

Оказалось, что они проделали весь этот путь из-за малюсенькой баночки с красным порошком. Но Колин промолчал по этому поводу, потому что девушка с такой силой сжимала ее в руке, что он боялся, как бы баночка не раскололась и не поранила разрисованные ладони.

День все больше начинал походить на какое-то сумасшествие. Давно Колина ничего не

приводило в смятение. Но когда Хиран попросила отвести ее туда, где можно разжечь костер, Колин не просто растерялся, он опешил. Он попытался напомнить Хиран о ресторане и даже предложил позвонить Аруну, потому что серьезно забеспокоился о состоянии девушки. Но она упрямо стояла на своем. Странной решительность горел ее темный взгляд. Лихорадочный румянец окрасил щеки, и летняя жара тут была не причем.

отвез ее в подходящее место, даже разжег костер, пока она стояла, словно изваяние и смотрела куда-то вдаль. невидящим взглядом. А Колину было так сложно отвести от нее свой взгляд. Она была такой грустной и такой красивой. Маленькая экзотическая птичка. Из чужой страны, с чужими традициями и нравами. Чужая невеста.

— Готово, индийская принцесса. — сухо сказал он, потому что смотреть на нее и знать, что она невеста друга было не приятно. — Что еще пожелаете? Поймать барашка для жертвоприношения?

Она вздрогнула, повернулась, зачарованно посмотрела на разгоревшийся костер. А потом подошла к Колину, сама взяла его за руку и поставила на его ладонь ту баночку с красным порошком. От дурного предчувствия сдавило грудь. Он не знал, что творится с ней. Не знал, что происходит. Но откуда-то знал, что она собирается сделать. Знал.

А она подхватила один конец платка и накинула его на голову. И в тот момент, когда она посмотрела Колину в глаза, он увидел как из ее глаз катятся слезы. Она смотрела на него и тихо плакала, а он боялся сказать хоть слово. А потом она сложила руки и ее дрожащие губы разомкнулись.

— Я пришла к вам с мехенди на руках, Колин-джи. И у священного огня я прошу вас. Окрасьте мой пробор синдуром, Колин-джи. Женитесь на мне.

Сноски

Синдур (санскр. सिन्दूर, sindūra IAST) — порошок красного цвета, используемый в индуизме.

Традиционный синдур делается из оксида свинца, известного как свинцовый сурик, либо из киновари.

Синдур традиционно наносится в начале или вдоль всего пробора в женской причёске, а также в виде точки на лбу. Синдур является отличительным знаком замужних женщин в индуизме. Одинокие женщины имеют точку на лбу различных цветов (бинди), но не наносят синдур на свой пробор. Вдовы в индуизме также не делают этого, выражая тем самым, что их мужа уже умерли.

Когда смотришь в лицо бездне — всегда становится страшно. И Колин осознал одну простую вещь, глядя на красивое заплаканное лицо Хиран — она не бриллиант. Она — бездна. Красивая, чарующая и манящая, но бездна, что со страшной силой затягивает его, и выбраться не было ни единого шанса.

Он ответил в ту же секунду, как только ее голос стих. Он ответил «да» на все, о чем бы она его не попросила. Он обезумел или потерял голову еще тогда, в первый раз, когда увидел ее, и не было смысла отрицать. Он не чувствовал такого никогда в своей жизни. Даже к своей жене. Он любил свою жену, он строил планы на будущее с ней, он работал как проклятый, чтобы дать ей красивую жизнь. И был полностью разбит, когда она подала на развод.

И все же никогда, глядя на нее, у него не было чувства, что его сердцебиение зависит только от того, с каким выражением в глазах она посмотрит на него. А сейчас, глядя в эти черные глаза, полные мольбы и страха, Колин ощущал частое биение сердца. Он отдал бы все свои деньги, которые уже не один год лежали на его счетах нетронутыми, чтобы хоть кто-нибудь подсказал ему в эту самую минуту, что он должен ответить или сделать. Потому что он стоял, с дурацкой баночкой на ладони, и, как чертов дурак, молчал.

Он даже не был поражен или потрясен, он просто не понимал, что вообще происходит. Он словно на высокой скорости въехал в бетонную стену на своем байке.

А девушка с именем «Бриллиант» опустила взгляд и будто вся сжалась.

— Я знаю, что вы не хотите на мне жениться. Но... Я буду хорошей женой. Буду почитать вас, и заботиться о вас. Соблюдать пост, и молить Бога о долгой жизни для вас. Я научусь делать ладу, я обещаю. Вы никогда не пожалеете о том, что женились на мне. А еще... еще я могу работать. Я не стану обузой для вас, Колин-джи. Пожалуйста, прошу вас, Колин-джи...

И тут его терпение лопнуло. Он разозлился, сам не зная отчего, но ему было плевать. Она несла какую-то ахинею, и это бесило его.

— Хватит! — перебил он ее, и она дернулась, отступив, испуганно распахнула глаза. — Прекрати повторять это чертово «джи»! Сколько я должен повторять!?

Дело было не в этом. Совсем, не в этом. Но ни одной разумной мысли не появлялось в его голове. Он не хотел ее пугать, но инстинктивно шагнул к ней, протянув руку. А потом заметил все ту же баночку с порошком и зло отшвырнул ее на землю. Хиран проследила за ее падением глазами и упала на колени. Закрыла лицо руками и затихла. Он тут же растерял всю злость или раздражение, и только сожаление, о сказанных словах, укололо за грудиной. Он потер лицо ладонью, пытаясь хоть как-то обрести понимание происходящего. И повторив движение Хиран, опустился перед ней на колени. Взял ее за запястья и попытался отвести ее ладони от лица.

— Ну, хватит. — тихо сказал он. — Хватит, слышишь. Давай, Хиран. Посмотри на меня.

Она послушно подняла на него глаза. Колин вытер, как мог, слезы на ее щеках, задаваясь вопросом, сколько еще раз ему придется ее утешать. Только вот на этот раз именно он довел ее до слез.

— Ты можешь мне сказать, что это тебе взбрело в голову. — пытаюсь говорить немного в шутливой манере, Колин вовсе не веселился. — Речь ведь идет не о вдруг вспыхнувшей

любви индийской принцессы к плохому американскому парню, а? Так в чем дело? Я бы еще мог это понять, если бы со свадьбой не заладилось. Но теперь то, судя по всему, свадьбе быть. Так что это такое только что было, Хиран?

И когда Хиран шмыгнула носом, смущаясь и растерянно смотря на него, Колин увидел какой она еще, по сути, ребенок. Напуганный, усталый и несчастный ребенок. Невинная девчонка, которая сама толком не понимает, что творит. Но судя по всему смелый и решительный ребенок. Немного найдется американок, которые вот так предложат себя в жены, а это канарейка не только это сделала, да еще и убеждать его начала, что будет хорошей женой. Про посты там какие-то плела, чтобы это ни значило.

— У Аруна будет другая жена. — тихо ответила она. — Я не могу... Он не должен... А его заставят! Заставят жениться на мне. Он не любит меня. Не хочет жениться на мне. А если он откажется... Дядя... дядя приехал и сказал, что если Арун не женится на мне, то моя семья будет нести этот мой позор на себе. И я... я согласна. Пусть я. Но не папа и бабушка. Не мои сестры. А Арун... он боится за меня и согласился на свадьбу. А как же та девушка? У нее же ребенок. Его сын. Как же он может жениться на мне? Я просила его, так просила, но он все решил. И слушать ничего не желает. Ради меня. Из-за меня. Вы его друг Колин-джи. Вы же видели, как он несчастен. И будет только хуже. Назад дороги не будет. Я так люблю его, я не могу... Мне надо помешать... Он мой друг и ради меня он... А я хочу, чтобы... — она вдруг привстала, подвинулась к нему чуть ближе и умоляюще сложила ладони. — Если вы женитесь на мне, Колин-джи, то они уже не смогут его заставить. Не смогут. А я больше никого не знаю. И мне страшно. А вы его друг. Вы сами сказали, что на все готовы. Тогда женитесь на мне.

— Хиран... Я не...

— Знаю! Я знаю, что вы не хотите... меня. Жenu. — по ее щекам снова потекли слезы и Колин, как замороженный, смотрел на их стремительный бег по смуглой коже. — Я даже приданое вам не принесу. Но все равно, возьмите меня, Колин-джи. Я клянусь, что нет никого во всем мире, кто бы почитал и заботился о вас сильнее, чем буду это делать я. Умоляю вас...

Все. Не осталось сил смотреть на это. Слушать ее мольбы. Он никогда не был сентиментальным, но грудь его разрывала жалость и еще что-то черное, с багряным отсветом. Ярость. От того, что она на коленях. Оттого, что думает, что он не хочет ее, что собирается служить ему. Что это за бред!? У него в голове бился пульс, и кровь оглушала ревом в венах. Руки сами потянули Хиран к себе. Он обхватил ее затылок, пытаясь отогнать надвигающееся безумие и не смог. Дернулся к ней и поцеловал в мокрые от слез губы. Но это и поцелуем-то назвать было сложно. Просто надавил своими жесткими губами на ее изумленно приоткрытые, мягкие, влажно-соленые. Сладкие...

Всего несколько секунд и он отстранился. Ее потрясенное лицо вытянулось, и немного побледнело. Напугал ее? Или у нее шок? Наверное, и то и другое. Совсем как у нег несколько минут назад, когда она озвучила свое безумное предложение.

— Еще раз назовешь меня «джи» сделаю это снова. Поняла? — спросил он. Она кивнула. — Вот так-то.

Он женился на ней, на заброшенном пустыре, обойдя несколько кругов вокруг почти прогоревшего костра. Ее длинный шарф одним концом был привязан к ее руке, а другим к его. Хиран сказала, что если бы и у него был такой же, то они связали бы их концы вместе,

но и так сойдет. Она подняла с земли брошенную склянку, открыла. Колин, подцепив большим и указательным пальцами немного красного порошка, посыпал им на пробор Хиран, испачкав ей волосы и немного правую щеку. Он женился на ней, повторив за ней слова, значение которых даже не понимал.

Женился не потому, что осознал ее мотивы или горел желанием выручить друга. Не потому что считал, будто делает что-то правильное. Нет. Он женился на ней, потому что не смог сказать «нет». Потому что ее глаза умоляли его. И он боялся, если скажет «нет» она рассыплется на тысячи кусочков и собрать их он уже не сможет. Потому что она была индийская принцесса, а он захотел ее. Ее света, ее загадки. Ее черных волос и глаз. Ее слез и улыбок. Захотел, как ничего в своей жизни. Она сказала «женись на мне» и он женился на ней. Наверное, если бы она в тот момент попросила убить кого-то, он бы нажал на курок. Но ведь она так и сделала. Только попросила убить ее. Что значила это свадьба для нее? Хиран плакала всю эту странную церемонию. И когда она наклонилась, чтобы зачем-то дотронуться кончиками пальцев его ног, то ее слезы упали на пыльную кожу его старых кроссовок. А она прижала ту руку, которой только что коснулась их, к груди и что-то прошептала.

А потом оказалось, что нужно еще обменяться свадебными гирляндами. Но их не было. И тогда Хиран вновь сняла с шеи свой платок и попросила разорвать тот пополам, вдоль всей длины. А потом связала концы каждого. Одну такую импровизированную гирлянду она надела на шею ему, а другую он надел на нее.

Вот и все. Она сказала, что теперь они муж и жена. И что она принадлежит ему на семь жизней. А он подумал о том, что даже не мечтал получить ее хоть на одну. Костер прогорел совсем и только дымящиеся угли еще изредка подсвечивались изнутри оранжевым светом, но и они вскоре погасли. Было тихо. А от того, что Хиран неподвижно стояла рядом с Колином, ее браслеты перестали тихонько позвякивать, как делали прежде, при каждом ее движении.

Колин же пытался осознать, что он только что женился на девушке, которая была так далека от него во всех отношениях, как вообразить себе было сложно. И что теперь ему с этим делать он не представлял. Но теперь они были связаны. На семь жизней... Так она сказала ему...

Отчего-то, выйти замуж за почти незнакомца оказалось даже проще, чем переступить порог квартиры Аруна и предстать перед ним с окрашенным синдуром пробором и с остатками дупатты на шее, притворяющимися свадебной гирляндой. Но она прошла еще и через это. Арун позвонил час назад и пригласил где-нибудь поужинать, но Хиран сказала, что хотела бы увидеться дома. А теперь даже боялась поднять взгляд, чтобы посмотреть другу в глаза.

Но к своему удивлению, когда она наконец-то решилась посмотреть на друга, он улыбнулся, насмешливо приподняв бровь, не смотря на усталый вид. Хиран оглянулась на Колина, он застыл возле входной двери, с таким видом, словно единственным его желанием было кого-нибудь убить. А Арун подошел ближе к Хиран и поддел пальцами несколько растрепавшихся прядей.

— Это становится традицией. — сказал он. — Стоит мне отпустить тебя с Колином и ты возвращаешься будто после сражения. Что на этот раз? Вроде бы должны были ехать на машине. С чего же такой потрепанный вид?

А потом, он словно только теперь заметил порванную дупатту, и удивление мелькнуло на его лице. А уже в следующую минуту случилось то, чего так боялась Хиран. Арун увидел ее окрашенный пробор. Нахмурился и недоуменно посмотрел ей за спину, судя по всему на Колина. И Хиран была уверена, что он обратил внимание на то, что вторая часть ее вуали была повязана на шее друга. Она ощутила, как напрягся Арун, как застыли в тревоге черты его красивого лица.

— Что происходит? Что все это значит? — напряженно спросил он, переводя взгляд то на нее, то на Колина.

Повисло тяжелое молчание. Хиран понимала, что назад дороги нет, и все равно каждая секунда отсрочки была ей так необходима. А Арун начинал понимать, и Хиран видела, ему это не нравится. Его лицо потемнело, взгляд стал жестким, но было в нем что-то, чего Хиран не замечала раньше. Страх. И Хиран его понимала. Арун боялся того, что начинал осознавать.

— Хиран. — он решительно шагнул к ней, встал так близко, что Хиран стали отчетливо видны мелкие морщинки в уголках его глаз, он взял ее за руку и сжал. — Скажи мне, что происходит. Синдур, Хиран? Откуда на твоём проборе синдур? Что?.. — он запнулся, сглотнул. — Что ты наделала, Хир?

— Я... — не могла. Не смогла она сказать это. Она с такой легкостью предложила себя в жены Колину еще пару часов назад, а сейчас горло перехватили от одной лишь мысли о том, чтобы сказать об этом Аруну.

А он еще сильнее сжал ее руку, причиняя боль. Наклонился к ней, впиваясь жестким взглядом в ее лицо. Не оставляя выбора, не позволяя отступить.

— Что? Что ты сделала? Боже, не говори мне... Не говори мне этого, Хир!

— Я вышла замуж. — выдохнула она и прикусила губу, чтобы не разреветься. Только не сейчас.

— Господи! Что ты...

Он отшатнулся, но руки ее не выпустил. Еще раз с ужасом взглянул на ее пробор, на импровизированную гирлянду, на руки, украшенные свадебным узором, и побледнел.

Понимая и осознавая, что это не злая шутка, не что-то, от чего можно отмахнуться. Он знал. Знал, что это значит для нее. Для них всех.

— Зачем? — побелевшими губами произнес он. — Зачем, Хир!? Ты совсем голову потеряла? Что ты наделала?! Ты не хотела брака со мной? Настолько не хотела, что... Или... — глаза его расширились. — Только не говори мне, что это из-за меня. Ты сделала это из-за меня? Не так ли? Глупая, сумасшедшая. Ты...

Он замолчал и Хиран едва успевала следить за эмоциями, которые захватывали друга одна за другой. Сначала его захлестнула вина, обозначив горькие складки возле губ. А потом гнев. Он отпустил руки Хиран. С яростью посмотрел на нее, потом, на молчавшего все это время, Колина.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ладно, она. Она не в себе. Глупый испуганный ребенок, думающий, что может кого-то спасти, насмотревшийся фильмов о героях и самопожертвовании, глупышка. А ты... ты, черт возьми! О чем думал ты!? — сорвавшись на крик, Арун резко замолчал. А потом весь подобрался, как перед прыжком и сделал шаг в сторону Колина.

Хиран бросила взгляд на него, но тот продолжал стоять, засунув руки в карманы потертых синих джинсов, и с понимающим сожалением смотрел на друга. Он прекрасно понимал, что Арун в гневе и что возможно сейчас может ударить его, но, судя по всему, не собирался защищаться. И это понимание ударило Хиран в грудь, неосознанным протестом. Она рванулась к Аруну, снова встала перед ним, а потом прижалась к его груди, обхватив за пояс руками. Он попытался отцепить ее руки, и ему почти удавалось, но стоило Аруну на миг ослабить захват, как она снова цеплялась дрожащими пальцами в ткань его пиджака.

— Отпусти, Хир... — отрывисто приказал он.

— Нет. Нет, Арун. Пожалуйста, не надо!

— Давай, Хир. Отпусти...

— Это я его попросила! Я! Я настояла... Я умоляла его жениться на мне!

— Хиран... — его голос был холодным и решительным и он явно не собирался отступать.

Хиран испугалась того, что могло произойти. Того что она натворила, тем самым доведя ситуацию до такого. Они лучшие друзья и теперь из-за нее Арун готов ударить лучшего друга. У Хиран заболели пальцы, от силы, с которой она пыталась удержать его.

— Прекрати, Арун! — неожиданно резко бросил Колин, от чего и она и Арун замерли. — Не видишь, что пугаешь ее!?

Еще несколько секунд Арун оставался напряженным и готовым к броску, но потом медленно посмотрел на Хиран, и его лицо смягчилось, а тело немного расслабилось. И Хиран осторожно разжала пальцы. Отступила на пару шагов, под тяжелым взглядом друга. Она видела, что он пытается окончательно взять себя в руки.

Он провел рукой по волосам, потом с каким-то ожесточением расслабил узел галстука и снял его, откинув на кресло. За галстуком последовал пиджак.

— Ладно. Ладно, Хир. Ты натворила глупостей. Но мы что-то придумаем. Надс подумать и решить... — он подошел к ней, обхватил за плечи и посмотрел в глаза. — Свидетелей же не было? *Брахман?

— Арун, это...

— Просто отвечай мне, Хиран. Как все было?

— Был костер. И мы прошли семь кругов. Мы дали клятвы. А потом, Колин нанес

синдур на мой пробор. И я коснулась его ног, признавая своим мужем. Я...

— О Господи! Так вот она, твоя свадебная гирлянда, Хир? — с горечью спросил он. — Ты хоть понимаешь, что этот брак недействителен по американским законам. Даже в Индии теперь все стараются зарегистрировать брак официально. Мы можем сделать вид, что ничего не было. Свидетелей нет, брак не зарегистрирован, и...

— И что потом, Арун? — тихо спросила Хиран. — Что потом? Мне найдут другого мужа? Как скоро, Арун? И я должна буду согласиться. А ты знаешь, не хуже меня понимаешь, что этот брак настоящий. Для меня, перед Богом, для тебя, Арун. Ты заставишь меня пройти семь кругов, зная, что все свои жизни я уже отдала мужу. Да, свидетелей не было. И вместо цветов на моей шее обрывок ткани. Но разве это имеет значение? Скажи мне Арун? Если бы ты так же женился на мне... Если бы ты был со мной там, у священного огня, ты бы теперь тоже говорил, что этот брак не действительный?

— Это совсем другое, Хир! Как ты не поймешь, глупая! Никогда твоя семья не примет это. Ты хоть понимаешь, что ты натворила?!

Он был прав. И эта правота ранила так больно.

Но она старалась об этом не думать. Хиран все еще верила, что поступила, как должна была.

— Я тебя освободила. — прошептала она и на мгновение прикрыла глаза.

А когда открыла их, то увидела в ответ горящий взгляд Аруна.

— Ты бы спросила, нужна мне такая жертва или нет.

— Это не жертва, Арун. Это мой подарок тебе.

— Ошибаешься. Ты думаешь, что разрубила узел, но на самом деле, Хир, ты завязала такой, который будет тебя душить. Твой отец не примет этот брак. И моя семья тебе этого не простит. — с горечью сказал Арун.

— А ты? Ты, Арун?

Он молчал. С сожалением смотрел на нее и молчал. А потом осторожно обнял, прижал к груди, поцеловал в макушку. Тяжело вздохнул.

— Какое право я имею тебя осуждать, Хир. Всем это моя вина и только. Ты должна была стать моей женой, а я должен был сделать тебя счастливой. Я не знаю, как теперь помочь тебе. Ты не позволяешь мне... Я не знаю, что должен сделать сейчас, что сказать. Хиран, я даже не могу решить, должен ли я восхищаться твоей смелостью и быть благодарным или устроить тебе взбучку.

Хиран отстранилась, но не отняла рук, когда Арун взял ее за руку.

— Не сердись на меня. Я тебя очень... Я...

— Я знаю. Я знаю, Хир.

Она не знала, что еще могла сказать. Только понимала, что теперь не может тут оставаться. Стало страшно от мысли, что сейчас она должна собрать свои вещи и уйти. Куда? Зачем? Что ей теперь делать? Она чувствовала себя глупым беспомощным ребенком, который прыгнул в воду, до того как научился плавать.

Она только просила у Бога, которому всегда так благоговейно молилась ее бабушка, дать ей хоть еще немного сил. Доиграть до конца этот никудышный отрывок из ее жизни. Чтобы никто, особенно Арун, не догадался, как ей страшно сейчас. Хиран позволила другу еще несколько секунд держать ее за руку, а потом осторожно высвободила ладонь и отошла на шаг. Но Арун не желал отступать.

Он так же хорошо понимал, что теперь она должна следовать за своим мужем.

— Хиран, — он враждебно посмотрел на Колина, продолжающего молча стоять у двери. Потом снова на нее. — Подожди! Ты не должна уходить. Ты можешь остаться. Сколько захочешь. Я позабочусь о тебе. Ты не обязана, не должна никуда с ним идти!

— Арун...

Она могла бы придумать и озвучить много причин, почему должна уйти. Почему обязана уйти с Колином. Но не могла. Боялась расплакаться.

И, к тому же, каждый из них знал, что она не хочет уходить. А Арун, словно совсем не понимая, что делает только больнее, увидел ее желание податься на уговоры и продолжал убеждать ее. Но Хиран, как заведенная кукла качала головой, отвергая все аргументы. А в голове билась только одна мысль: "Скорее... скорее уйти, пока еще есть силы"

— Арун, не надо... — жалобно попросила она.

— Он прав. — Хиран не узнала этот чужой холодный голос и резко повернулась. И от безразличного лица мужа и сама заледенела. — Ты не обязана идти. Оставайся. Так будет лучше. Для всех.

Хиран никогда не видела Колина таким. Его глаза были словно кусочки голубого льда и жалили. Но самым не обычным было то, что его поза, как и прежде, была расслабленной. Только интуитивно Хиран чувствовала его напряжение. Он пристально вглядывался в ее лицо, словно желая прочесть ее словно книгу, не оставив ей ничего для себя. А его слова холодом проникали в сознание.

— Не смотри так, — произнес он. — Мой гараж разве подходящее место для индийской принцессы. Арун прав. Мы все это знаем. Тут тебе будет удобнее. А мне это к черту все надоело. И мне пора.

Он резко сорвал с шеи свою часть порванной дупатты и отшвырнул ее. А потом повернулся к двери. Хиран потребовалось всего несколько секунд чтобы осознать, что он уходит. Без нее. Мужчина, который стал ее мужем, который теперь был смыслом ее жизни, хочет оставить ее. Она догнала его и схватила за руку. Он замер и обернулся, медленно переводя взгляд с ее руки на ее лицо.

— Я пойду за тобой. — всхлипывая, проговорила Хиран. — Так я поклялась. Куда бы ты ни пошел, я буду следовать за тобой. А ты поклялся вести меня, и не отпускать моей руки. Теперь твой дом — это мой дом. Не оставляй меня... Не...

Ее затрясло. Слишком много всего. Так много, что она не выдержала. Она не понимала кто она теперь. Может Арун прав? И брак этот для ее мужа ничего не значит. Он уйдет и оставить ее. И что останется? Куда ей идти. И что теперь делать? Она не невеста Аруна и не жена Колина. А после этого брака, скорее всего, больше уже не дочь своему отцу. Это непонимание камнем навалилось на плечи. И тут неожиданно сильные руки обхватили ее и поддерживали, когда ей показалось, что ноги ее не удержат, и она второй раз за день упадет перед этим мужчиной на колени. В глазах же Колина она больше не увидела холода.

— Ну, что ты, в самом деле. — с какой-то грубоватой нежностью проворчал он. — Я думал, так будет лучше, и ты этого хочешь сама... Но если так, то ладно. Только, хватит плакать. Ты же индийская принцесса, а я водитель, да? Так что если сказала ко мне, то значит едем ко мне. Давай. Бери, что там тебе нужно. Как ты помнишь, у меня там все скромно. И уж точно нет этих твоих шарфиков. — он подергал зеленую ткань на ее шее. — Иди, собирайся.

Хиран почувствовала, как отчаяние отступает, оставляя легкое онемение во всем теле. И все же кое-что продолжало ее тревожить. Она посмотрела на Аруна, тот хмурился, глядя на

них.

— Не беспокойся. — понял ее волнение Колин. — Мы будем хорошо себя вести, принцесса. Так ведь? — он дождался кивка Аруна. — Вот видишь. Иди, собирайся.

И она пошла. Шаг за шагом. На каком-то автопилоте собрала в сумку кое-какие вещи, даже не вникая, что берет и складывает. И все это время слышала, как Арун и Колин спорят о чем-то, но не могла разобрать слов, хоть и слышно было отлично. Словно ее мозг уже не мог воспринимать и усваивать информацию. Когда она вышла, то мужчины резко оборвали разговор и посмотрели на нее. Арун с виной и сожалением. Колин напряженно и выжидающе. А потом она заметила в руках мужа длинную золотую цепочку с черными камнями, а на ней красивой формы полумесяца кулон. Сердце ее забило так быстро, что она невольно прижала руку к груди.

— Я отдал ему *мангалсутру, которую купил для тебя, и объяснил, что это... Что это как обручальное кольцо для американцев. Хотя это-то должно быть по правилам.

Он кивнул Колину и тот подошел к ней. Она не отводя глаз от его лица, дрожащими руками приподняла волосы, и мужчина застегнул на ее шею еще один знак замужества. Символ принадлежности ему. А потом Колин взял ее за руку и, подхватив другой рукой ее сумку, вывел из квартиры. А она пошла вслед за ним, даже не вспомнив о том, что не попрощалась с другом.

Сноски

***Мангалсутра -**

В индуизме, когда девушка выходит замуж, она надевает особые драгоценности, которые обозначают ее новое семейное положение. Так же, как многие европейцы носят обручальное кольцо после свадьбы, невеста, в соответствии с индуистской традицией, в день свадьбы должна надеть ожерелье мангалсутра (mangalsutra),

Слово «mangalsutra» происходит от двух слов: mangal, означающий святой или благоприятный, и sutra — нить. Это священное ожерелье, которое жених надевает на шею невесты в день свадебной церемонии, называемой «мангалья дхаранам», тем самым давая ей статус жены и спутницы жизни. После этого жена носит mangalsutra всю жизнь или до тех пор, пока жив ее муж, как знак их брака, взаимной любви, доброжелательности, понимания и верности друг другу.

Жена.

Колин повторял про себя это слово много раз, и пытался связать его значение с девушкой, которая каменным изваянием застыла на пассажирском сидении машины. И почему-то, даже сейчас, когда она была расстроена и явно измотана, ему все равно было трудно не смотреть на нее. Колин поймал себя на мысли, что отчаянно желает вновь прикоснуться к ней. Или опять взять за руку и почувствовать, как ее маленькая ладошка легко сжимается в ответ на его пожатие.

Жена. Даже мысленно Колин не представлял, как женится вновь. Не думал об этом, не планировал. Да куда там, просто не хотел. А теперь везет домой жену, которая отнюдь не счастлива от данного факта. Впрочем, ему не привыкать. Его первая супруга тоже была не в восторге и поспешила с разводом. И он не винил ее. И Хиран не мог винить в том, что она напугана и несчастна.

Девушка явно мечтала о принце и пышной свадьбе. Вот Арун прекрасно подходил под данный образ. Правда сейчас даже мысли о друге нервировали и злили. Единственное, что удержало его и Аруна от потасовки так это Хиран. Но Колин был уверен, что в следующий раз не сможет этого избежать. Разумом он понимал, что Аруна самого не радует вся эта ситуация, и что друг никогда не предполагал, что все обернется так. Но одного взгляда на Хиран было достаточно, чтобы желание развернуть машину и ввязаться в драку с лучшим другом, становилось практически нестерпимым. Единственное, что еще удерживало Колина от соблазна так это то, что зрелище драки последнее, что нужно Хиран.

Но не только это занимало мысли Колина. Слова Аруна, что их свадьба недействительна, вот что занозой засело где-то в районе груди и причиняло дискомфорт. И тревожило то, что он и сам понять не мог, радует его возможность отречься от этого брака или огорчает.

С одной стороны действо, чьим участником он недавно стал, больше походило на спектакль. И было ощущение, что все это не больше чем представление и теперь его сила перегорела вместе с тем костром. Но с другой стороны, то с какой серьезностью и фанатизмом к этому относилась Хиран, говорило о том, что все произошедшее на пустыре более чем действительность. Теперь это его действительность.

Возможно, Арун прав. Прав в том, что Хиран надо все обдумать. Что ее решение необдуманное и глупой, и совсем не выход. Да и он сам мог бы сто раз подтвердить это. Что он мог предложить ей, кроме убогой квартирки над гаражом. Но с другой стороны почему-то где-то в голове засела мысль, что сейчас именно он должен позаботиться об индийской принцессе, случайно ставшей его женой.

Они подъехали к его гаражу, и Колин заглушил мотор. Хиран молчала, только нервно теребила ремешок яркой сумки, перекинутой через плечо. А потом взволновано посмотрела на него. И в ее глазах Колин впервые увидел страх. За каких-то пару дней, которые провел с Хиран, он видел много выражений ее лица и глаз. Но страха в них не видел никогда. А сейчас она боялась. И не чего-то, а именно его. От этого Колину стало не по себе. Он вышел из машины и обойдя ее, открыл дверцу у пассажирского сидения. Протянул руку.

— Выходи, индийская принцесса. — сказал он. — Жалкая лачуга не превратится в Тадж-Махал, а простой водитель не станет принцем, сколько не жди.

Она виновато опустила взгляд. А Колин разозлился на себя за непроходимый идиотизм.

— Вы... ты сердисься на меня? — спросила Хиран.

— За что?

— За то, что заставила тебя жениться на мне.

Колин рассмеялся, чем заставил Хиран вскинуть голову. Ее серьги качнулись, бросили отблеск на кожу щек.

— А не слишком ли ты крохотная, чтобы заставить меня. — Колин не мог оторвать взгляд от робкой улыбки, появившейся на губах девушки. А потом, посерьезнев, добавил. — Я ведь был там, правда? Я ходил вокруг костра, который собственноручно разжег. И я сделал все, как ты мне говорила. Я не был пьян или в беспамятстве. Я женился на тебе, хотя ни черта так и не понял. Но я был в здравом уме. Так что вряд ли это ты меня заставила. А теперь пошли домой. На сегодня хватит индийских мелодрам, принцесса.

Хиран взяла его протянутую руку и вышла из машины. Поправила ремешок от сумки. А потом вдруг опять стыдливо глянула на него своими темными глазами.

— Ну, что опять?

— Я не умею готовить. — так тихо призналась она, что Колин не сразу разобрал ее признание. — Но я научусь! — быстро заверила она, но потом, видимо оценив свои кулинарные возможности опять сникла. — Только, наверное, не сразу.

Он не понял почему, но в этот момент ему стало легче. Грызущее чувство, что он совершил большую ошибку ненадолго, но отступило. Он по-прежнему не знал, что из всего этого выйдет, и что ему делать с этой индийской принцессой, но дышать он снова мог полной грудью, не рискуя задохнуться.

— Ну, — пожав плечами, Колин с улыбкой посмотрел на свою жену. — Не повезло нам. Я тоже паршивый повар. Но хочу тебя обрадовать, на холодильнике, в правом верхнем углу, прицеплен номер телефона отличной пиццерии. Так что можешь отложить на время свои поварские эксперименты. Пошли.

Он повел ее сам, а она послушно последовала за ним. Он пропустил ее вперед, и она во второй раз оказалась в его убогой квартирке над гаражом. Он ожидал чего угодно, но только не появившейся на ее лице улыбки и не вздоха облегчения. А она, эта невероятная девушка, словно не она только что боялась выйти из автомобиля, смело прошла внутрь, осмотрелась. Чему-то кивнула, а вернее неопределенно покачала головой, как только она и делала. И с улыбкой повернулась к Колину.

— Я не умею готовить. Но я умею создавать уют! — радостно заявила она. — Я же этому училась. Я сделаю так, что тут будет очень красиво!

У Колина голова пошла кругом. И плевать ему было на ее намерение создавать уют. Вряд ли из этой крохотной жилплощади можно было сделать что-то путное. Он просто был поражен ее сияющим лицом. Снова. Как тогда на пляже. Он стоял и ему казалось, что она светиться. Даже не подозревая о том, как красива сейчас. Как ее темные глаза напоминают шоколад, а губы с их ямочкой над ними манят мягким изгибом, соблазняют обещанием сладости. Черт!

А Хиран уже молчала, с каким-то странным выражением глядя на него. Чуть встревоженно, немного заинтересованно и... Улыбка медленно таяла, а взгляд становился серьезным. А потом она вдруг посмотрела на его губы и вздохнула. Колин сам не понимая, что творит, шагнул к ней, остановился, не желая пугать ее и понимая, что не стоит, вовсе не стоит делать того, что больше всего желал в эту минуту. А она стояла и просто смотрела, без

страха, чуть удивленно. Чужая невеста. Его жена.

Он подошел медленно, как охотник к застывшей жертве. Вдохнул тонкий аромат духов. Легкий, нежный, напоминающий запах какого-то цветка. Нестерпимо хотелось коснуться ее. Но Колин в последней попытке не наделать ошибок засунул руки в карманы джинсов.

— Хиран. — произнес ее имя, словно пробуя на вкус бриллианты.

— Колин-джи...

Он вздрогнул от звука ее голоса, от того как она облизала губы и сцепила пальцы перед собой, звякнув браслетами.

— Я ведь предупреждал. — тихо сказал он, вдруг вспомнив свои слова, произнесенные на том пустыре. — Что если ты еще раз назовешь меня так, я повторю то, что тогда сделал. Помнишь?

Он думал, что она поймет. Что испугается. Он надеялся — она не позволит ему перейти черту. Потому что на себя уже не полагался. Он думал, что она позволит ему отступить. Он ошибался. Хиран только несколько секунд помедлила, и казалось, не дышала вовсе. А потом ее губы раскрылись, дрогнули.

— Помню... Колин- джи...

Он шумно втянул воздух, на мгновение закрыв глаза. Но и там, за закрытыми веками была она. Он дал ей возможность избежать этого, но она ее отвергла. И он не устоял. Медленно положил свои руки на ее плечи и притянул к себе. Ее губы встретили его легкой дрожь и влажной сладостью. Он думал — они будут горячими, но они были немного прохладными и нежными. Он не забыл, какие они нежные. Хиран вдохнула в его губы, и он прижался к их сладости крепче. Но не давил, не пытался проникнуть внутрь. Просто ему надо было набраться сил, чтобы остановиться, отступить. А она позволяла, давала ему это время. Хиран не отвечала на поцелуй, только принимала, но и не оставалась безучастной. Тянулась за его губами и судорожно вдыхала, сводя его с ума. А когда Колин все же смог остановиться, то все равно не отпустил Хиран. Легко сжимал ее за плечи и ждал, когда она перестанет дрожать.

Все было как в каком-то сне. Вот она была в его руках, такая близкая и уязвимая. А он сжимал ее хрупкое тело с забытой нежностью, словно это было его право. А уже в следующую минуту Хиран сама отступила, испуганно отвернувшись. Она не сказала ни слова, но ее молчание было хуже любых упреков. Кто он такой, чтобы желать ее. Он сам отказался от всего, что мог иметь, а теперь захотел бриллиант. Он лишь тот, кто позволил ей совершить глупость и пойти против семьи. Он должен был отвезти ее к Аруну. Она бы вышла за человека, которого знала с детства, который был большее ее достоин. По крайней мере, они были одного круга и у них были общие представления о жизни. Одна культура, одна страна.

Колин еще какое-то время смотрел на девушку, а потом отвернулся.

— Надо что-то поесть. — сказал он, как можно спокойнее, словно не было только что поцелуя и неконтролируемого безумия. — Я съезжу в магазин и куплю что-то. И заеду за пиццей. А ты пока... располагайся.

Она ничего не ответила, он и не ждал. Забрал ее чемодан из багажника и занес в квартиру. Потом взял ключи от мотоцикла и вышел.

Когда он вернулся спустя полтора часа, Хиран спала на диване, укрывшись выцветшим пледом. Он поставил пакеты на кухонный стол и подошел к девушке. Он был рад, что она

спит, потому что не знал, что мог бы сказать ей сейчас. Сев в кресло, он смотрел на нее очень долго, не понимая, что ему делать теперь.

Этой экзотической птичке тут не место. Если ей и предстояла клетка, то она должна была быть золотой. Если бы она встретила его раньше, он мог бы дать ей все, чтобы она ни попросила. И все равно он бы не подходил ей. Он сын насильника и шлюхи, она индийская принцесса. И сколько бы он не разъезжал на дорогих машинах, не повязывал на свою шею галстуков и не надевал начищенных до блеска ботинок он все равно плебей без роду и племени. Он ей не пара и точка. Он мог бы и сейчас вернуться в ту прежнюю жизнь, но не хотел и не станет. Это ничего не изменит. Он не станет проходить через это снова.

Но Хиран была здесь. В его убогом жилище, спала на старом диване. Она назвала себя его женой. Глупая, растерянная девчонка, наделавшая ошибок. Она обязательно пожалеет об этом и захочет вернуться туда, откуда она пришла. И он позволит ей это. Она хочет немного поиграть во взрослую жизнь. Пусть так. Но он будет тем, кто даст ей возможность уйти, когда она этого пожелает.

Хиран проснулась под вечер, сонно хлопая глазами и, казалось, не понимала, где находится. Колин настороженно наблюдал, как она села на диване, запутавшись в плеле. А потом, осмотрев квартиру, нашла взглядом его, стоящего возле плиты в зоне кухни.

И улыбнулась. Улыбнулась так, будто просыпалась так уже много раз. Словно она не только сегодня вместо того, чтобы быть невестой другого, вышла замуж за совершенно чужого ей человека. Улыбнулась искренне, чуть смущенно, но с удовольствием хорошо отдохнувшего человека. Так по-женски машинально пригладила, растрепавшуюся копну темных волос.

— Привет. — тихо сказала она и пожала плечами, в извинительном жесте, за то, что уснула.

Колин, немного оглушенный ее улыбкой, впрочем, это стало уже закономерностью, кивнул.

— Намасте, индийская принцесса. — подмигнул он.

Глаза Хиран удивленно распахнулись. А Колин, не давая ей опомниться, указал рукой на стол, где он поставил две разномастные тарелки. На плите в сковородке готовился омлет, но на всякий случай в микроволновке подогревалась пицца.

— Вставай и иди сюда, принцесса. Пора что-нибудь поесть. А то мы оба умрем от истощения. Но! — поднял он палец вверх. — Кофе готовишь ты. Сама знаешь, мой — просто отвратительный.

Хиран соскочила с дивана так быстро, что Колин даже опешил. Она суетливо нашла сандалии, надела и почти на скаку застегнула тонкие ремешки. А потом бросила взгляд в сторону ванной.

— У тебя есть несколько минут, чтобы умыться и сделать все женские штучки. Но учти! Я так голоден, что долго ждать не буду. — подразнил ее Колин, вызвав еще одну улыбку.

Хиран кивнула и умчалась в ванную, а Колин продолжил готовить их незамысловатый ужин. Было странно и непривычно делать это еще для кого-то, кроме себя. Он никогда не готовил для своей бывшей жены. Во-первых, его кулинарные таланты не заслуживали демонстрации. А во-вторых, его жена придерживалась строгого распределения обязанностей и их завтраками и ужинами занималась домработница. Но сейчас Колин испытывал что-то сродни удовольствию, жаря омлет, раскладывая его по тарелкам, наливая сок из коробки. Он отмотал кухонного бумажного полотенца и разорвал его на салфетки, которых в его квартире отродясь не было. Хиран вышла в тот момент, когда он достал вилки. Она смущенно застыла возле двери в ванную. Собранные в хвост волосы были немного влажными у лица, а из-за отсутствия косметики она казалась еще моложе, но по-прежнему была экзотически красива.

— Иди сюда. — он указал ей на стул, и Хиран послушно подошла и села. Взяла протянутую вилку, уже привычно звякнув браслетами.

Колин устроился напротив, как и тогда, в тот первый раз, когда нашел ее на пляже и привез к себе. Тогда он и помыслить не мог, что в следующий раз она будет вот так же сидеть напротив него в качестве жены. Хиран, сжимая в руке вилку, не сводила с него глаз, словно видела впервые.

— Давай, принцесса. Ты должна поесть.

— Спасибо. — тихо сказала она.

Почему-то Колин был уверен, что она благодарит его вовсе не за омлет. И это приводило его в смятение. Он кивнул. А потом принялся за ужин, тем самым побуждая и Хиран последовать его примеру. Он не хотел сейчас думать о том, что произошло и что теперь делать с этим. Но первый же кусок застрял в горле, потому что он совершенно забыл про соль. Едва удержавшись от того, чтобы выругаться, он встал и достал соль, поставил перед Хиран. Она взяла солонку, но зачем-то насыпала немного соли на ладонь и задумчиво посмотрела на выход из квартиры. Ее глаза заволокло грустью. Колин понимал, что дело не в недосоленном омлете. А потому боялся задавать вопрос. И все же не мог не спросить.

— В чем дело?

Хиран вздрогнула, быстро посолила еду и, по-прежнему не глядя на Колина, покачала головой.

— Ни в чем. Все хорошо. — она как-то уж очень активно принялась за еду.

Колин не стал настаивать на ответе, удовлетворившись тем, что она наконец-то ест. Они поужинали почти молча, обмениваясь лишь короткими фразами. Хиран сварила кофе и Колин с удовольствием выпил его. Девушка же по-прежнему была задумчивой. Она настояла на том, чтобы помыть посуду и Колин не мог отделаться от ощущения, что происходит что-то неправильное. Эта райская птичка мыла посуду в его убогом жилище. Но он молчал, глядя на нее. Когда последняя чашка оказалась вымытой Хиран застыла возле раковины с полотенцем в руках. Колин встал, подошел к девушке и забрал его, отбросил на столешницу. Поддаваясь порыву, протянул руку и коснулся ее щеки. Не случилось того, что он думал. Она не отшатнулась, только посмотрела на него немного печальным взглядом.

— Хочешь вернуться? — спросил Колин, боясь услышать, но ожидая однозначный ответ.

Она поняла. Он это видел. Если она скажет «да», он посадит ее в машину и отвезет к Аруну. Он дал себе слово, что так и поступит. Но отчего-то не хотелось, чтобы это случилось сейчас. Может завтра, но не сейчас. А Хиран покачала головой, и казалось, не засомневалась ни на секунду. Что-то сказала, но похоже на своем языке и Колин вопросительно приподнял бровь. А она засмушалась, но взгляда не отвела.

— Kabootar (кабутар)* — повторила она. — Голубь — на хинди*. Твое имя. Для меня. — Хиран нервно сцепила руки перед собой. — Или тебе больше нравится mere pati (мери пати)?

— А это что еще за штука?

Вот тут Хиран опустила голову. Колин не понимал, почему это так волнует ее. Ну, перевела она его имя на свой хинди. Он не видел причины для такого смущения.

— Мой муж. — едва слышно сказала она и вся замерла, Колин почти физически ощутил ее напряжение, хоть и не прикасался к ней. — Я могу называть тебя и так.

Ее слова отозвались странным трепетом в груди, впитались через кожу, обострили ощущения. Он сглотнул, вспомнив ощущение губ Хиран, их мягкость и нежность. И желание снова попробовать их было сродни голоду. Это было безумием, но Колин уже махнул рукой на собственную глупость. Но он был просто обязан уберечь от глупостей Хиран.

— А почему я должен выбирать? Чем тебе не нравится «Колин»?

— Мне нравится! Я просто... Это неправильно. Называть мужа по имени.

— Ты это серьезно, не так ли?

Колин вовремя сообразил, что шутить сейчас не стоит. Он уже знал. Хиран сказала это

только потому, что это важно для нее. Но не понимал, с чего это ей нельзя называть его по имени.

— Ладно. Объясни мне, почему тебе нельзя называть меня по имени, хотя до этого у тебя прекрасно это получалось. Особенно когда ты не пыталась добавлять это свое любимое «джи»

Колину понравилось, что Хиран улыбнулась и немного расслабилась.

— У нас, в Индии, жена не называет мужа по имени. Считается, что это сокращает его жизнь. Поэтому жена называет супруга «муж» или придумывает что-то другое. Так делают не все. Некоторые считают это старомодным.

— А ты?

— Я... не знаю. Я не... раньше я не думала об этом. Но так делают все замужние женщины моей семьи. И теперь я тоже вышла замуж, значит... Так будет правильно. — Хиран смотрела на него большими темными глазами с немым вопросом в них. Она и сама не была уверена и искала поддержки у него. — Ты думаешь это глупо?

— Странно. Но не глупо. Если ты так хочешь Хиран, то можешь называть меня как тебе угодно.

— Но я не знаю как! — виновато призналась она. — Не знаю.

— Послушай. Ну, никто же не заставляет тебя делать это прямо сейчас. Придумаешь что-то позже. А пока меня устроит и Колин. К тому же, меня редко кто так называет. По большей части «Тейт» или «Кэл». Так что? Пока решили этот вопрос?

Хиран покачала головой, и Колин решил считать это неопределенный жест за знак согласия. Но теперь и его заинтересовал данный вопрос.

— А теперь скажи, я-то могу тебя по имени называть, не сокращая твою жизнь? Или я тоже должен придумать милое прозвище для тебя?

— Нет. — улыбнулась Хиран. — Тебе можно.

— Как-то не справедливо получается. А я уже знаю, как называл бы тебя. Догадаешься?

— Принцесса? — смущаясь, ответила Хиран.

— Верно, принцесса. Именно так!

— Почему так? Ведь я на самом деле никакая не принцесса.

— Потому что ты из другого мира, Хиран. Ты как прекрасная принцесса, случайно попавшая в Темный лес. И по закону жанра спасти тебя должен прекрасный принц. И это не я, принцесса. Я, скорее дровосек или случайно встретившийся лесник, который на время приютит тебя и укажет потом дорогу. Я не твой принц, Хиран. Я скорее досадная ошибка.

Он сказал это и тут же пожалел об этом. И пусть это было правдой, но у него не было права говорить ей этого. Он хотел бы отмотать данный эпизод на несколько секунд назад, на тот момент, когда Хиран, доверчиво смотрев на него, спросила, почему именно «принцесса». Но это еще один провал в его жизни. Нельзя было забрать эти слова назад. И он наблюдал, как Хиран бледнеет, отводит взгляд. Как дрожащей рукой она дотронулась до кулона с замысловатым названием, который он сам надел ей сегодня утром. Колин стоял и лихорадочно пытался придумать хоть что-то, что мог сказать ей. И не мог.

Он шагнул к ней и встал совсем близко.

— Хиран...

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

Это было ужасно. Слышать в ее голосе боль и растерянность. И она боялась, что он скажет «да». Колин не знал, как понял это, но знал наверняка. Дыхание пресеклось,

пришлось вдохнуть с усилием, чтобы в горле перестало першить. Что он должен ответить? Наверное, правильным было бы сказать «да» и потом отвезти ее к Аруну. Да. Так было бы правильно. Но он давно запутался в том, что правильно, а что нет. Он обещал отпустить ее, но только тогда, когда она сама этого захочет. Тогда ему ничего не останется, как только принять это. Но не сейчас. Сейчас все его нутро кричало обратное. Оно просило ее для себя. Уже накладывало свой отпечаток на ее образ, соблазняя присвоить этот бриллиант.

— Нет. — сказал он честно. — Не хочу.

Он не сказал больше ни слова. Но Хиран отреагировала так, словно он признался ей в любви. Она вскинула голову, одарила его радостным взглядом.

— Тогда это не ошибка. — тихо ответила она. — Это судьба. Значит, именно ты — моя судьба.

— Хочешь сказать, что выйти замуж за бродягу вместо принца — это твоя судьба? Тебе не позавидуешь. Ты должна была выйти за Аруна. Разве не за этим ты проделала такой долгий перелет из Индии в Соединенные штаты?

— Значит, нет. Ведь это ты нашел меня. В ту ночь на пляже. Не Арун. И первый день в Нью-Йорке я провела с тобой. И замуж вышла за тебя. Ты — моя судьба.

Вот что ему было делать с этой сумасшедшей индийской принцессой. А она еще утверждала, что ей не является. Она говорила так, словно сошла со страниц сказок. И даже понимая, что ее слова и сияющие верой в них глаза, не что иное, как результат сочетания ее юности, наивности и чистоты, Колин не мог противостоять им. Он был не в силах, да и не желал отказываться от этого сокровища, если оно само желало остаться. Был ли их брак настоящим? По американским законам — нет. Но ему было плевать на все законы. И пока Хиран хочет, чтобы он был ее мужем, он им будет.

Колин, как совсем недавно, протянул руку и привлек к себе Хиран. Запусти пальцы в ее волосы, распуская хвост, запрокидывая ее голову назад, чтобы видеть темные, цвета кофе, глаза.

— Ты сама сошла с ума и меня свела, принцесса. Но и черт с ним! Пусть так и будет!

Он не позволил ей ответить. Запечатал ее губы поцелуем. Не понимал, откуда взял силы не спешить. Он целовал ее осторожно, ожидая ответа. Только так он мог пойти дальше. Она сказала — судьба. Скорее — злой рок. Ну и пусть. Он возьмет все, что она даст ему, и дай бог ему остаться живым. Эта райская птичка пришла из другого мира и за пару дней сделала его ненормальным. Он согласен. Возможно, так и должно быть. Он легко возьмет ее в свою жизнь, потому что она стала его безумной мечтой.

Хиран потеряла голову. Она не знала, что так бывает. Разве это возможно? Быть такой смелой и в то же время дрожать странной дрожью. Позволять целовать себя мужчине и не испытывать стыда. А только жар и трепет от сильных рук, сжимающих плечи. И не было страха.

Муж прижал ее сильнее, и Хиран всем телом ощутила его силу. Твердые мышцы, широкие плечи, за которые она ухватилась, как за последний оплот сознания. Но его губы не оставили ей шанса. Этот поцелуй был какой-то другой. Осторожный и настойчивый одновременно. Никто, никогда не целовал ее так, как этот мужчина. Никто, никогда не целовал ее до него. И это было чудесно. Его губы вызвали жар в груди, который расползлся по всему телу. Хиран не думала, что один поцелуй может вызвать так много ощущений. Но это был не предел. Она вздрогнула, задохнувшись, когда ее губ коснулся его

влажный язык. Всего на мгновение. Потом снова и снова. Это было странно, и волнительно. И когда муж отступил на дюйм, Хиран, не задумываясь, потянулась следом.

Она не знала, что произошло, но в ту же секунду глухой стон достиг ее ушей, но прежде коснулся губ. Это был его стон, на который она ответила новой дрожью, начиная теряться в каком-то водовороте ощущений и чувств. Теперь она сама тянулась к мужу, к его губам. Хиран уже потеряла реальность и время. Она даже не поняла, когда ее руки обняли мужа за шею. Она поняла, что сама обнимает его, когда мужчина резко прервал поцелуй, с болезненным стоном. Но не отступил, не оставил ее одну. По-прежнему, обнимал ее и прижимал к себе, а другой рукой обхватил затылок и прислонился лбом к ее лбу, тяжело дыша. Хиран и сама не могла справиться с дыханием и растрепанными чувствами, и потому доверчиво искала в муже опоры, позволяя себя держать.

— Все хорошо? — спросил муж.

Хиран не знала. Было ли хорошо то, что она трепетала в руках мужчины, которого знает меньше недели. Было ли хорошо не жалеть о том, что пошла против семьи и традиций. Но она знала, что ей было хорошо в его объятиях здесь и сейчас.

— Да. — честно ответила она.

Ей хотелось спросить считает ли он их брак настоящим. Верит ли, что теперь она его жена. Но не успела. Они оба услышали, как к дому подъехала машина, и затормозила у гаражных ворот. Колин еще на одно мгновение прижался к ее губам своими, а потом отпустил ее и подошел к единственному, но большому окну. Выглянул наружу. А потом Хиран впервые услышала, как ее муж выругался.

— У нас гости, принцесса. — мрачно сказал он и больше ничего не поясняя вышел за дверь.

Хиран тоже подошла к окну, и одного взгляда хватило, чтобы узнать мужчин стоящих у ворот. А потом она увидела, как к ним вышел ее муж. Он обменялся рукопожатием с Аруном, и протянул руку его отцу. Но тот проигнорировал этот жест, этим выражая свое презрение.

Колину был безразличен полный презрения взгляд отца Аруна, которым он обвел убогое жилище. А вот то, как он посмотрел на Хиран, Колину не понравилось. От нее тоже не укрылось с каким разочарованием и злостью тот смотрел. Колин наблюдал, как Хиран подошла, наклонилась, быстрым движением коснулась пальцами кончика ботинка мужчины, точно так же, как сделала и на пустыре после свадьбы, и выпрямилась. Сложила руки перед собой и поздоровалась. Но суровое лицо не смягчилось. Плотные сжатые губы и строгий взгляд явно показывали, что настроение гостя не изменилось.

Ариджит Джейдев сложил руки за спиной и непреклонно посмотрел на Хиран.

— Значит, мой сын сказал правду? Ты предпочла пойти против желания семьи и вышла замуж за этого... американца? — чеканя каждое слово, спросил мужчина.

Хиран виновато смотрела на него и сжимала в волнении руки.

— Дядя... Я...

— Отвечай мне, Хирани. Это так? Ты вышла замуж?

— Дядя... — она подалась к отцу Аруна, с мольбой в глазах, но тот шагнул назад и Хиран замерла.

— Это так? Ты предпочла отречься от семьи и принять бесчестие? Ты добровольно отказалась от почета и уважения, которое бы тебе дала наша фамилия? Ты отказалась стать женой моего сына и стать невесткой нашего дома?

— Все совсем не так... не так...

— Разве мы мало тебя любили? Разве не делали все, чтобы ты чувствовала себя нашей дочерью. Разве не оказали тебе честь, назвав своей невесткой? Неужели мы в твоём сердце не заслужили уважения и почитания?

— Да! Конечно, да! — со слезами на глазах воскликнула Хиран. — Я уважаю и люблю Вас! Я...

— Тогда как могла ты отплатить нам такой монетой, Хирани? Как могла стать женой кого-то, кроме моего сына Аруна. Ты опозорила себя и свою семью!

— Отец! — Арун шагнул вперед и взял мужчину за плечо. — Ты не можешь...

— Не вмешивайся, сын! Ты не должен защищать эту девушку! Она опозорила и тебя!

— Это не так, отец! Хир не виновата, я уже говорил. Это моя и твоя вина, отец. Все что произошло напугало ее и расстроило. Она была не в себе. Ты должен понять...

— Я понимаю. Понимаю, что ты был прав, когда не хотел этой свадьбы, как бы горько мне не было это признавать. Эта девушка не достойна такой чести.

— Это я не достоин ее, отец. — твердо сказал Арун и встал рядом с дрожащей Хиран.

Все это действо казалось Колину абсурдом. Это было похоже на отрывок из неудачной мелодрамы. И смуглый мужчина, с некогда темными, а теперь с проседью волосами, и холодным взглядом. И Арун, видимо решивший защищать Хиран, и спорить с отцом. И сама Хиран, склонившая голову и молча принимающая все обвинения в свой адрес. Колин видел, как ее слезы капали на сжатые возле груди руки, как дрожат ее губы. Ему было плевать на всех в этой комнате, но вот смотреть как все больше никнут хрупкие плечи Хиран было нестерпимо. Он не знал имеет ли право вмешиваться, что положено делать американцу, когда дело касается двух уважаемых семей, к которым он не имеет отношения. Возможно именно то, что и делает сейчас, а вернее ничего. Но отчего-то, не осознавая этого, шагнул

ближе к Хиран.

— Я никогда не думал, что мне доведется сказать эти слова. Но сегодня для меня умерла моя названная дочь Хирани Притвирадх.

Эти слова словно ударили Хиран и она дернулась, побледнев. Протянула руки, словно в мольбе, но натолкнувшись на безжалостный взгляд опустила их.

— Отец! — прохрипел Арун, с ужасом глядя на мужчину. — Прекрати это! Что ты говоришь! Это же Хиран! Она не виновата в том, что я оказался никудышным женихом для нее.

— Я не собираюсь спорить, сын. Я приехал убедиться в том, что это правда. Больше нам здесь делать нечего. Сегодня вечером я вылетаю обратно в Индию. И поговорю с моим бедным другом. Ему будет нелегко, но в его горе мы будем рядом с ним. И когда он повесит гирлянду на фото своей дочери мы будем скорбеть вместе с ним.

Колин не совсем понял, что имел ввиду отец Аруна, но на Хиран это произвело такое впечатление, что она вскрикнула и качнулась. Ее глаза наполнились ужасом.

— Дядя... — одними губами произнесла она.

— Отец!

— Ни слова больше. Я знаю моего друга. И уверен, он примет правильное решение и объявит о смерти его любимой дочери. Иначе вся их семья покроется позором, который им не смыть уже никогда.

— Нет! — вдруг закричала Хиран, не известно откуда взявшая смелость и силы. Ее трясло как в лихорадке. Слезы бежали по щекам. — Нет! Папа никогда так не сделает!

— Именно так он и поступит, когда узнает, что его дочь переступила через честь семьи и свой долг в угоду своей распущенности и глупости. Ради собственной прихоти жить распутной жизнью, предала доверие любящих ее людей. Если бы моя дочь поступила подобным образом, я бы так же отрекся от нее как отрекся от тебя сейчас. И твой отец поступит так же, когда я поговорю с ним. Ради одной потерянной души он не станет губить всю свою семью.

— Но я сделала это ради вашего сына! Неужели вы не понимаете, что он не хотел жениться на мне. Он любит другую! Я не ваша дочь, но Арун ваш сын! Как же не понимаете вы, что он страдает!? Я поступила так ради него, потому что вы не хотите его понять! Вы... Я так любила вас! Как вы можете быть таким бесчувственным!?

Все произошло так быстро... Хиран, гневно сверкнула глазами и сделала шаг вперед, смело бросая свои обвинения. И рука, взметнувшаяся для удара и перекошенное злостью лицо отца Аруна, друг дернувшийся, чтобы эту руку остановить. Но Колин, действующий скорее инстинктивно, успел раньше. Перехватил запястье, удивляясь ярости плеснувшей внутри. До боли сжал, пытаюсь отогнать пелену, красным маревом закрывшую глаза, когда в одно мгновение Хиран, из разгоряченной своей речью девушки, превратилась в сжавшийся комочек нервов и обхватила себя руками. Тишина была такая, что Колин слышал, как тихо гудел старенький холодильник на кухне. Как тяжело дышит Арун с ужасом глядя, на своего отца.

Словно мог испачкаться Колин отпустил руку, застывшего в недоумении мужчины и встал, полностью загородив собой Хиран.

— Убирайтесь из моего дома. И никогда, слышите, никогда не смейте больше повышать голос и тем более поднимать руку на мою жену. Может у себя вы и имеете какое-то влияние, но тут вы никто. И я не позволю вытворять такое. Арун. — Колин повернулся к другу,

понимая с болью, что возможно это последний день их долгой дружбы. — Вы должны уйти.

Арун молчал несколько мгновений, потом перевел взгляд Колину за спину, где стояла Хиран. И вдруг что-то изменилось в его лице. У Колина не было времени разобраться в этом. Потому что друг кивнул и теперь уже посмотрел на отца.

— Я отвезу тебя в аэропорт, отец. Тебе нечего больше тут делать.

Ариджит Джейдев казалось был готов ударить и сына. Но что-то остановило его. Он бросил презрительный взгляд на Хиран, потом на Колина.

— Вы достойны друг друга. — резко развернувшись, отец Аруна вышел из квартиры.

— Я привез твои вещи, Хир. Твой багаж наконец-то прибыл. — Арун помолчал несколько секунд. — Прости меня, Хир. Кэл...

— Потом, Арун. Не сейчас.

Колин хотел остаться с Хиран наедине. Обернуться и посмотреть, как она. Она стояла за его спиной и он мог поклясться, что физически чувствует ее. Возможно это не то, что ей сейчас нужно, но ему до боли хотелось обнять ее и заверить, что все образуется. Но не тогда, когда его лучший друг с виной и раскаянием во взгляде смотрит на них.

— Хорошо. Я оставлю вещи внизу. До свидания, Хир.

Он ушел, наконец, оставив их одних. Колин замер, прожигая закрывшуюся за другом дверь взглядом. А потом почувствовал, как к его спине прикоснулась Хиран. Он обернулся резко, словно от неожиданности. Рука Хиран так и осталась вытянутой, и он схватил ее за холодную ладонь и потянул к себе. Ошеломленная она не сопротивлялась и послушно шагнула в его объятия. Только это не продлилось долго. Всего минуту назад, она прильнула к нему, а теперь осторожно высвободилась из его рук и не глядя на него, ушла в ванную. Колин какое-то время, не зная, что делать мерял шагами свою крохотную квартирку, а потом вспомнил о вещах Хиран. Когда он вернулся с двумя большими чемоданами, Хиран тихо шепнула «Спасибо». Она сидела на диване, потерянная и подавленная.

Колину казалось, что сейчас ему нельзя подойти к ней и утешить. Она не захочет. Не позволит. Пытаясь себя чем-то занять он подошел к комоду и, выдвинув первый ящик, вынул оттуда всю свою одежду.

— Ты можешь положить свои вещи вот сюда. — получилось сухо и даже как-то сердито. Но он ничего не мог с собой поделать. Он чувствовал себя никчемным, а злость на отца друга все еще будоражила кровь. — Давай. Располагайся, Хиран. А я пока спущусь в гараж.

Ему надо было уйти. Он не мог больше смотреть в ее несчастные глаза. Колин чувствовал себя чужим в собственном доме. Посторонним для девушки, которую взял в жены по чужим традициям. В гараже он почувствовал себя немного лучше. Прошел в маленькую комнату, где располагался диван, еще в более худшем состоянии, чем в квартире. Только теперь Колин осознал, что с этого дня это и будет его ночлег. В квартире наверху было только одно спальное место и теперь его занимала Хиран.

Когда он вернулся в квартиру после двух часов, проведенных в гараже за ремонтом мотоцикла, Хиран лежала на диване, отвернувшись к спинке. Он знал, что она не спит. Но промолчал. Была ночь и до рассвета далеко, но Колин знал, что, как и Хиран не сможет заснуть. Он тихо прошел на кухню, отметив, что оба чемодана стоят в углу. Он не знал, разобрала ли она хоть один, но по крайней мере, заметил Колин, Хиран переоделась. На ней были опять широкие штаны и что-то похожее на платье до колен, бледно — розовое. Длинный шарф, небрежно брошен на спинке дивана. Волосы собраны в косу, завязанную чем-то вроде черного плетеного шнурочка с красными кисточками на концах.

Он достал чистый стакан и налил воды из-под крана. Выпив воду залпом, сполоснул стакан и вернул в шкаф. Вытер руки бумажным полотенцем, и когда собирался выбросить его в мусорку заметил там сверток. Коричневая бумага с белыми и красными узорами по ней, незнакомый логотип. Сверток был перевязан бечевкой, а под ней была открытка с изображением темноволосой женщины, завернутой с ног до головы в красную, узорчатую ткань.

Когда пять минут спустя Колин вновь покинул квартиру, то унес сверток с собой. Сидя на диване в комнате, развернул дорожную бумагу, и не сразу понял, что оказалось внутри.

Первое, что бросилось Колину в глаза, это ярко-красная материя, расшитая золотыми нитями и бисером. Он потянул за ткань и она засверкала даже в тусклом свете лампы на потолке, не прикрытой плафоном. Колин тянул и тянул. Сколько было этой ткани? Метра два? Три? Больше. Она искрилась и ослепляла своим торжественным великолепием. А под ней была коротенькая кофточка и длинная, узкая юбка. Кофточка тоже украшенная вышивкой и бисером, а юбка абсолютно простая. Колин уже знал, что это такое. Что-то похожее было и на женщине с открытки. А внутри была надпись на хинди, и еще по-английски: «Свадебное сари вашей мечты»

Это ее свадебное сари. В этом искрящемся великолепии Хиран должна была выйти замуж. Он уже был на праздниках, которые устраивали знакомые Аруна и их индийские партнеры. Колин принимал в некоторых из них участие, он не солгал тогда Хиран. Он мог представить себе то, как должна была пройти ее свадьба. Как она рассказывала? Цветочные гирлянды. Мужчины в странных нелепых штанах и женщины в сари. И Хиран. Невеста в красном. Яркая и неземная. Она переливалась бы как бриллиант. Вот как это должно было быть. А что она получила? Пустырь и костер, сложенный из веток. И жених, который даже толком не понимал, что делает.

Они оба совершили ошибку. Но главным виновным был он. Хиран была глупой, наивной и романтической. Она не понимала, что делала. А он должен был ее остановить. Ее и Аруна заставили бы пожениться и, возможно, это было бы намного лучше, чем стать женой Колина Тейта. Арун дал бы ей ту жизнь, которая была привычна ей. У нее осталась бы ее семья и семья Аруна. А теперь?

Колин не мог понять откуда взялась боль в груди. Только он не мог ее подавить. Хиран заслуживала свадьбы и свадебного сари. Она заслуживала торжественных клятв по всем традициям. Было поздно поворачивать назад. Но он должен был что-то сделать. И еще до того, как наступил рассвет, Колин оделся и уехал выполнить то, что задумал. Но до этого набрал номер Аруна. На этот раз Колин хотел сделать все как полагается и Арун ему поможет. Он должен Хиран. И Колин потребует этот долг.

— Просыпайся, принцесса. У нас не так-то много времени.

Его голос проник в ее сны и Хиран невольно улыбнулась. Перед закрытыми веками появился его образ. Светлые волосы, красивое лицо с голубыми, как льдинки глазами. Хиран повернулась на голос и открыла глаза. Ее муж сидел на краю дивана и со странным выражением лица смотрел на нее. Вернее на ее губы, которые отчего-то вмиг пересохли. Хиран непроизвольно провела по ним языком и глаза Колина, имея холодный оттенок, послали обжигающий взгляд. Который проник под кожу, согревая и прогоняя остатки сна.

Но это длилось недолго. Муж словно очнувшись, серьезно посмотрел на нее.

— Вставай. Надо поспешить. Мне сказали, что если мы не успеем к обеду, то

благоприятное время уйдет, чтобы это ни значило. Арун заверил меня, что это важно.

— Благоприятное время? Для чего?

— Для свадьбы, принцесса.

— Для свадьбы?

— Да. Для нее самой. Мне сказали, что это не шутки. Это так?

— Да. Для свадьбы это важно. И вообще... важно... а для чьей свадьбы?

— Нашей, принцесса.

— Нашей? — думая, что сходит с ума, Хиран резко села.

— Ты так и будешь все повторять за мной? — улыбнувшись ее растерянности, сказал муж. — Вставай. Нас ждут. Арун и этот... — Колин посмотрел на ладонь, и Хиран заметила надпись на мозолистой коже. — Пандит. Арун так вроде бы его назвал.

— Колин-джи...

— Принцесса, сейчас не время для поцелуев. Вот поженимся, как положено, и будешь дразнить меня сколько влезет.

— Но я не...

Хиран не понимала, что происходит. Может быть, она все еще спит. События вчерашнего вечера промелькнули на краю сознания, отдавая горечью, но муж не позволил на них сосредоточиться. Обхватил ее лицо ладонями и уже серьезно посмотрел ей в глаза.

— Скажи мне одно, Хиран. Ты по-прежнему хочешь быть моей женой?

— Но я уже твоя жена. Я знаю, что может ты так не думаешь... Но я...

— Я спросил не об этом. Я спрашиваю тебя сейчас о другом. Ты уверена в том, что сделала? Ты жалеешь об этом? Ответь мне, честно. Ты не должна лгать мне, Хиран. Это важно сейчас.

Хиран не знала, зачем он спрашивает, но не сомневалась ни секунды, когда ответила.

— Я не жалею. Ты моя судьба, Колин-джи. Ты мой муж, а я твоя жена.

Он казалось расслабился. И только теперь Хиран поняла, как напряжен все время он был. А сейчас его пальцы погладили ее по щекам. Он улыбнулся ей, отчего в ее груди разлилось приятное тепло.

— Тогда поторопись. Я попросил Аруна объяснить мне, как это должно быть по правилам. Он нашел... — снова взгляд на ладонь. — Пандита. И он проведет свадебный обряд. Как и положено. Там сейчас в срочном порядке все готовят. И не смотри на меня так, принцесса. Это все равно будет отличаться от того, что должно, наверное, быть. Но... Ладно. Давай, поспеши, Хиран. Не зря же я с утра взбудоражил столько людей.

Ошарашенная Хиран наблюдала, как муж встал с дивана, подошел к столу и взял сверток, который она сразу узнала. Колин положил его ей на колени. Тот был совсем не закрыт, и Хиран видела свой свадебный наряд.

— Надень это. А я... Я взял у Аруна костюм. Я, наверное, буду выглядеть в нем нелепо, но утешает, что там нет никаких смешных штанишек. Справишься сама? Я тоже пока переоденусь. Может я и не самый лучший твой выбор, принцесса, но больше никто не сможет сказать тебе ничего плохого. Сегодня мы поженимся по твоим традициям. А потом, поженимся по моим.

Хиран машинально кивнула, хотя все еще находилась в шоке. Постепенно все, что сказал Колин стало доходить до нее. Пандит, свадебная церемония, подготовка, благоприятное время... Колин хочет жениться на ней по всем правилам. Она знала, прекрасно понимала, что он делает это только ради нее. И почему-то осознание этого

сделало ее счастливой.

Она трясущимися руками, на которых еще было отчетливо видно мехенди, провела по сари, в то время как муж встал и ушел из квартиры, предупредив, что у нее не больше часа на сборы.

Не лучший ее выбор?

Хиран знала, что отец сделает так, как сказал Ариджит Джейдев. Он объявит о ее смерти. Проведет поминальную службу и повесит на ее фотографию гирлянду. Она будет мертва для своей семьи. Это причиняло сильную боль. Но в черноте на нее смотрели голубые глаза и смеялись над ней. Не издевались. Посмеивались, словно говорили, что все это пустое.

Что он рядом, а значит, ничего не случилось. Колин Тейт был ей совсем чужим, но сейчас казалось, что ближе его у нее никого не было. И сегодня он жениться на ней. По-настоящему.

Если бы у нее был выбор? Если бы она уже не вышла за него на том пустыре? Она бы сделала это сейчас. Потому что Хиран не обманывала мужа. Он — ее судьба. Сейчас он не думает так. Не понимает. Но она покажет ему. Обязательно покажет!

Хиран уже была замужем. Она это понимала.

И все равно, нервничала, нанизывая многочисленные тонкие браслеты на свои кисти. Она так и не сумела как следует затянуть шнуровку на кофточке чоли и ужасно краснела, когда думала о том, что ей придется попросить помощи у Колина. Хиран аккуратно расправила красное, расшитое стеклярусом и бисером сари и ловко, уже хорошо знающими свое дело руками, стала оборачивать ткань вокруг стянутых узкой юбкой, бедер. Несколько слоев, затем собрала немного в красивые вертикальные складки и длинный конец сари перекинула через плечо, на спину, до самого пола. Закрепила, струящуюся и искрящуюся ткань на плече, чтобы не сползала. Критически осмотрела получившийся наряд и осталась довольна.

Стало грустно, когда она подумала, что если бы все сложилось иначе, сейчас ей бы помогали бабушка, многочисленные тетки и ее подруги. Именно они приколотили бы к ее волосам гирлянду из белых цветов и цепочку с нанизанными на нее драгоценными камнями. Бабушка бы непременно своими руками прикрыла ее пробор мангтикой*, когда-то принадлежащей ей самой. И конечно, натх*, теперь она могла по праву его надеть, маленькое золотое колечко закрепить на левой ноздре, еще один символ замужества. От него тонкой золотой нитью тянулась цепочка, соединенная с серьгой.

Хиран редко подводила глаза, используя каджал*. Но сегодня день ее свадьбы, по крайней мере, свадьбы по всем традициям, и поэтому она позволила себе нанести черную подводку на глаза, придавая им особую торжественную выразительность. Несколько капель ее любимых духов и Хиран, придерживая не застегнутую чоли, отошла от зеркала.

Теперь она точно была похожа на настоящую невесту, и что-то необычно волнительное было в этом ощущении предвкушения и легкого страха. Она уже была женой, но сегодня будет проведен обряд по всем правилам и это делало ее замужество настолько реальным, что у Хиран слегка дрожали колени. Но не только волнение будоражило Хиран. Еще и радостное предвкушение.

Потому что ее сердце наполнялось радостью от понимания, что все это Колин Тейт затеял ради нее. Хиран не была глупой и понимала, что он не хотел брать ее в жены, и только жалость, и быть может желание помочь другу, вынудило его взять в жены незнакомую девушку. И спонтанный обряд на пустыре для него мало что значил. Но подарив ей этот день, Колин словно согласился принять ее, как свою жену, и это рождало в Хиран надежду, что она сможет, должна завоевать любовь и уважение мужа. Потому что отныне они связаны на семь жизней. Не только их тела, но и бессмертные души. И Хиран поклялась, что сделает все возможное и приложит все свои силы, чтобы стать хорошей женой Колину.

Она была прекрасной. И как никогда оправдывала свое имя. Столько блеска в наряде женщины Колин не видел никогда. От макушки, заплетенных в замысловатый узел, волос, до носков туфель, Хиран была украшена переливающимися драгоценностями. Даже ее платье, или как там оно называлось, сари, кажется, было усыпано камешками, которые играли с солнечными лучами. Она стояла, смущенно глядя на него, невероятно темными глазами, подведенными черным и казавшимися огромными на ее лице. Она сжимала пальцы в кулачки, возле груди, словно боялась, что струящаяся ткань ее свадебного наряда упадет.

Множество тонких браслетов рубинового, красного и золотого оттенков собрались возле локтей, открыв хрупкие запястья и кисти с еще видневшимся рисунком на них. Даже на лице Хиран были украшения. По пробору спускалась цепочка и заканчивалась крупной, инкрустированной рубинами капля. От носа, к уху тянулась нить с мелкими камешками. Колин не поверив собственным глазам, подошел ближе и, как замороженный, протянул руку и легонько дотронулся до маленького колечка в носу Хиран.

— Не замечал, что у тебя есть прокол в носу. — почему-то с трудом сглотнув, произнес он.

— Это клипса.

От ее тихого, чуть охрипшего от волнения голоса по телу Колина поползли мурашки, а нити жара распространились по венам, такие же огненно-красные, как и ее сари. Аромат духов, тонкий и пряный, как восток, наполнил легкие, вскружил голову.

— Колин-джи, помогите мне застегнуть чоли.

Он ни черта не понял, и решил, что сошел с ума. Что не удивительно, он мог бы и ослепнуть от сияния девушки. И не только ее украшения были бы тому причиной. Сама по себе Хиран и так производила на него такое впечатление, а уж в сочетание с таким нарядом была просто ослепительна. Он уже хотел переспросить ее, но она повернулась к нему спиной, и он заметил, что ее короткая кофточка, едва прикрывающая лопатки, лишь слегка стянута золотого цвета плетеными шнурками. И когда он потянулся, чтобы помочь ей затянуть их ту же заметил, что его пальцы подрагивают. Ему потребовалась вся выдержка, чтобы усмирить собственное желание прикоснуться к гладкой коже спины Хиран, от которого кололо кончики пальцев.

— Спасибо. — тихо поблагодарила она, когда он закончил.

Колин отошел, надеясь, что она не сможет прочитать по его лицу, о чем он думает. Потому что непрощенные мысли о брачной ночи вспыхнули в его голове и грозились завладеть им. Он только что затянул шнуровку на ее наряде, а уже образы того, как он распускает ее замелькали перед ним красочными картинками.

И тут Хиран застеснялась еще сильнее, и Колин испугался, что она смогла прочитать его мысли. Но девушка, закусив на несколько секунд губу тихо сказала:

— Очень красиво.

— Что?

— Вам очень идет шервани, Колин-джи.

Колин чертыхнулся про себя. Это ведь он должен был сделать комплимент Хиран, но растерял весь свой здравый смысл от ее вида. А теперь это будет выглядеть глупо. Но он пообещал себе, что скажет что-то приятное ей позже. А сейчас, желая немного разбавить, возникшее между ними напряжение, он демонстративно вздохнул и покачал головой.

— Ты же подождешь окончания свадебной церемонии, принцесса? Потому что у нас не так уж много времени. А ты снова нарушила мой запрет и заработала один штрафной поцелуй. Когда ты уже перестанешь дразнить меня этим «джи»?

Хиран улыбнулась. Глаза ее наполнились озорством. Колин взял ее за руку и повел к выходу. А она вдруг остановилась. Колин почувствовал как на секунду, вдруг на какую-то безумную секунду, его сердце похолодело. От мысли, что принцесса передумала. Но на его вопросительный взгляд она лишь разжала кулачок второй руки и протянула ему кулон в виде полумесяца.

— Свадебное ожерелье. Мангалсутра. Ее придется снова надеть.

Колин вздохнул. Почти с облегчением, если бы не злость на себя. Он все еще не желал принимать тот факт, что хочет заполучить эту птичку навсегда. Не смотря на то, что собирался по всем правилам взять ее в жены. Не смотря на то, что пообещал Аруну жениться на ней и по американским законам. Игнорируя тот факт, что уже жаждет прикоснуться к ней и целовать ее до умопомрачения.

Он покачал головой. Снова сжал ее кулачок, пряча в нем украшение, которое ему не так давно дал Арун.

— Оставь. Я купил для тебя другое.

А его невеста-жена вовсе не обрадовалась данному заявлению. Она нахмурилась и заволновалась.

— Нет! Не надо! Так не должно быть. Это неправильно, наверное. Не может у меня быть два свадебных ожерелья. Нельзя, мангалсутра...

Колин остановил ее, приложив палец к губам.

— Ты принцесса. Тебе можно все. Это, — он кивнул на ее кулачок, — Это тебе купил Арун. Оставь его на память. А сегодня, раз уж нам предстоит сделать все как положено, я надену на тебя то, что купил сам. Хорошо?

— Хорошо. Колин...

— Что?

— Спасибо. За это... За этот день.

— Пошли, принцесса. — кивнул Колин и усмехнулся, не веря, что это он сейчас скажет то, что собрился. — Иначе благоприятное время пройдет, а?

Хиран тихо засмеялась и он вывел ее из квартиры под этот тихий смех, проникающий в каждую клетку его тела.

От цветов, которыми был увит шатер, внутри которого был сооружен ритуальный костер, исходил сладкий аромат, смешивался с запахом благовоний и трав, бросаемых в огонь пандитом.

Некоторые обряды Колин узнал и, по крайней мере, примерно знал, что нужно делать. Кое-что было сделано впервые. Например, когда они сидели перед огнем, к ним сзади подошел Арун и взял руку Колина, повернул ладонью вверх. На нее положил руку Хиран и, накрыв ее ладонь цветком, стал поливать на их соединенные руки воду, под монотонное пение священнослужителя.

Таким же образом в их ладони насыпали рис, часть зерен сквозь пальца Хиран попала и на его ладонь. Хиран же свою долю бросила в огонь, произнося слова, значение которых Колин не понимал.

Дальше все шло по знакомому сценарию. Колин и Хиран обменялись гирляндами, и на этот раз они состояли из цветов, а не обрывков ткани. Затем концы сари Хиран и его шарфа связали тугим двойным узлом, и они вновь обошли семь раз вокруг костра. Не дрогнувшей рукой Колин окрасил пробор Хиран красным порошком и надел на ее шею ожерелье.

Хиран снова наклонилась и дотронулась кончиками пальцев до его обуви и прижала руку к груди. Она смотрела на него как на божество и он чувствовал себя именно им, постепенно понимая, что она теперь его. Он мог сколько угодно твердить себе обратное, убеждать себя в том, что не имеет права иметь эту принцессу в своей убогой жизни, но уже готов был схватить ее и унести подальше от посторонних глаз, чтобы она могла принадлежать только ему. Семь жизней? К черту! Не нужны ему никакие другие жизни! Он

хотел эту. Эту никчемную жизнь и ее. Принцессу по имени Бриллиант.

Он чувствовал себя дураком, в этом странном тяжелом наряде. Светлом удлиненном пиджаке с воротником стойкой, расшитым красными и золотыми нитями. Шервани... В узких, присборенных на щиколотках штанах. Длинным красным шарфом на плече. Но ровно до того момента, как Хиран сказала, что это красиво. Он не собирался жениться, минимум в ближайшие триста лет, но вот она, его жена, уже не случайная. Не по ошибке. Он осознанно устроил эту свадьбу. Отчасти, чтобы утешить ее. Но он умеет быть честным с самим собой и признавал, что для себя он это сделал в большей степени. Сколько он знает ее? Несколько дней. Ради кого еще он готов сделать что-то подобное? Нет такого человека. Просто нет.

— Будь счастлива, Хир. — Арун коснулся губами ее лба.

На глаза Хиран навернулись слезы и она в порыве чувств прижалась к Аруну, обняв его. Он хнул от неожиданности, потом засмеялся и обнял ее в ответ.

Хиран не хотела терять его. Не могла. Он с самого детства был ее другом и только потом женихом. Она могла пережить потерю последнего, но у нее болело сердце, когда думала, что может потерять Аруна совсем.

— Арун, ты больше не сердись на меня?

— Глупая. — ласково произнес мужчина. — Мне не за что на тебя сердится. Я только надеюсь, что ты приняла правильное решение.

Хиран отстранилась. Опустила взгляд. Потом посмотрела в сторону выхода, где прислонившись к стене ее ждал муж, всем видом излучавший спокойствие.

— Вы же не... Ты не... Из-за меня, вы не... Вы же все еще друзья, да, Арун?

Друг как-то странно посмотрел на нее, немного удивленно, чуть снисходительно. Улыбнулся.

— Ты уже заботаешься о муже, как настоящая жена, не так ли, моя милая Хир. Успокойся. Я и Колин это преодолеем, я уверен. И я знаю, что могу ему доверить все что угодно. И свою жизнь в том числе. И... тебя. — он погладил ее по щеке. — Мне так жаль, Хир. Так жаль. Прости моего отца. И меня. Я подвел тебя.

— Это уже не важно, Арун. Это судьба. Бабушка всегда говорит, ты помнишь? Предначертанное Богом — исполняется всегда. Может, так предначертано, Арун? Тогда кто мы такие, чтобы идти против этого?

— Я завидую тебе, Хир. Твоей смелости и наивности одновременно. Я чувствую себя как предатель и в то же время надеюсь, что ты права и все к лучшему. А теперь, иди, Хиран. Мой друг прожог в моем затылке дыру, и с каждой секундой она становится все больше.

Хиран засмеялась, чувствуя какую-то легкость, которую уже успела позабыть за последние дни. Она кивнула и уже собралась идти, когда вспомнила о мангалсутре, которую убрала в маленькую сумочку, висевшую на ее запястье. Она открыла ее и достала украшение, протянула Аруну. Он несколько мгновений смотрел на него, и Хиран показалось, что он с сожалением забрал из ее рук украшение. С грустью поиграл им на ладони и убрал в карман брюк. Потом повернулся и ушел, так больше и, не посмотрев ни на Хиран, ни на Колина.

В то же мгновение Колин оторвался от стены и быстрыми шагами подошел к ней. Внимательно всмотрелся в лицо. Хиран захотелось, чтобы он обнял ее. И пообещал, что все будет хорошо.

Он был такой красивый сейчас. В свадебном наряде индийских мужчин. Такой мужественный и серьезный. Ее муж. Его голубые глаза проникали в нее мягким светом, не

смотря на их холодный оттенок. И Хиран боялась того, что ощущала в ответ. Странную дрожь, незнакомую ей ранее. Это было не волнение, не страх. Что-то другое. И ей отчего-то казалось, что Колин знает об этом и может ей рассказать. Но она ни за что не решилась бы спросить. А он все и так понимает. И именно поэтому мягко обхватил ее затылок. Притянул к себе, вынуждая прижаться к его сильному телу. Чуть потянув за волосы, собранные в узел на затылке, запрокинул ее голову, наклонился к ней. Легко коснулся ее губ своими, всего на несколько мгновений. А потом просто замер.

— Мне кажется, что я сошел с ума. Откуда ты взялась такая, скажи.

— Какая, такая? — едва дыша, от переполнявших ее чувств, спросила Хиран.

— Такая. Другая. Прекрасная. Принцесса.

— Из Индии. — глупо, растерянно ответила она и его грудь завибрировала от смеха, и эта вибрация передалась и ей.

Она вцепилась пальцами ему в плечи. Приподнялась и поцеловала мужа в улыбающиеся губы.

Она испугалась, когда он не ответил, и казалось, перестал дышать. Но это длилось всего несколько мгновений. А уже в следующее он впился в ее губы, раскрывая их, врываясь в ее рот. Это был другой поцелуй, не такой как прежде. Он наполнил ее разум жаром. Колочим и острым. Он пугал и интриговал одновременно. Хиран хотела бы, чтобы Колин остановился, но тогда почему она еще сильнее цеплялась за него и прижимается все теснее, боясь, что он действительно остановится.

Сноски*

Мангтика — ювелирное украшение на проборе.

Натх — колечко для носа, которое носят в левой ноздре. Подобно бинди и синдур, оно (носимое в левой ноздре) является символом замужней женщины.

Каджал или анджана — чёрная подводка для глаз, делает взгляд невесты привлекательным и загадочным.

Свадебный обряд: (пояснения для заинтересованных)

— Обмен гирляндами —

Стоя друг к другу лицом, под пение священных мантр, жених и невеста обмениваются гирляндами, что означает принятие ими друг друга как мужа и жены.

— Во время проведения ритуала Канья Даан отец невесты кладёт правую руку своей дочери в правую руку жениха и под пение мантр совершает возлияние священными водами в их ладони, символизирующее передачу своей дочери жениху.

— Священный брак никогда не должен быть разрушен, поэтому проводят ритуал Гатхабандхан, во время которого брахман связывает концы одежды невесты и жениха в узел, который даже после свадьбы не следует развязывать.

— Одним из важных ритуалов, проводимых в свадебном мандапе, является Ладжа Хома, поднесение невестой и женихом жертвенному огню зёрен риса. Невеста кладёт ладонь на ладонь жениха. Брат невесты насыпает в её ладонь рис (как правило, воздушный рис — лайя, ладжа или мури), половина которого сквозь её пальцы просыпается в ладонь жениха. Невеста, сыпет зёрна риса в огонь

— Кульминацией индуистского свадебного обряда является ритуал Агни Париная (или Мангалпхера, Мангалфера) — обход (пхере) священного огня по часовой стрелке

— Завершающим ритуалом индуистского свадебного обряда является Синдурдана (Сухааг или Субхагья Чинья), во время которого жених наносит на пробор невесты синдур —

красный порошок из киновари, что означает принятие им невесты как своей жены. А также дарит ей свадебное золотое ожерелье, называемое мангалсутра, которое символизирует его любовь к ней. Затем молодожёны кормят друг друга сладостями, в знак того, что они будут заботиться друг о друге.

«■■■■ ■■■■■»

Хиран вздрогнула, когда слова пронеслись в ее голове, едва не сорвавшись с языка. Испугалась собственных мыслей, задрожала от странного предвкушения.

Неужели так может быть? Разве так бывает не только в кино? Влюбиться в кого-то за столь короткий срок.

«■■■■ ■■■■■»

«Любовь моя»

Она посмотрела на мужчину, который сосредоточенно вел машину. Ее муж. Такой невероятно красивый, в традиционной индийской одежде. Даже его светлые волосы подчеркивали наряд, своей необычностью. Мужчины в ее стране темноволосые. Но ни с одним из них она не хотела бы оказаться в одной машине. И теперь сложно было бы представить себя женой кого-то другого, кроме Колина. Даже женой Аруна...

Хиран попыталась представить себе, что на месте Колина сидит его друг и не смогла. В то время после помолвки, когда шилось ее свадебное сари, Хиран много раз выстраивала в голове образы того, как проходит с Аруном семь кругов, а потом садиться в украшенную цветочными гирляндами и фонариками автомобиль, чтобы вместе с мужем отправиться в новую жизнь. Но никогда не чувствовала такого волнения. Немного пугающего, но сладостного.

Хиран боялась сейчас того, что возможно произойдет, когда они приедут домой. Но со стыдом понимала, что не только страх бьет мелкой дрожью ее пальцы, которые она сжимала в кулачки. А когда понимала, что не справляется с волнением, начинала теревить браслеты на запястьях.

В один из таких моментов Колин повернулся к ней, и Хиран испугалась, что он легко прочтет все ее мысли. И возможно так и случилось. Потому что он вдруг ободряюще ей улыбнулся, а спустя несколько секунд взял ее за руку, и легонько сжал. И этот простой жест наполнил сердце Хиран такой благодарностью и теплом, что она глубоко вдохнула, улыбнувшись в ответ.

— ■■■■ ■■■■■ * (мери пьяр) — тихо сказала она, не сдержавшись. Замерла на секунду, а потом осознала, что Колин не понимает значение слов на хинди, и повторила громче.

— А это еще что значит? — спросил муж, выпустив ее руку. Улыбнулся и снова переключил внимание на дорогу. — Снова придумываешь, как можно меня называть? Голубь, а?

Хиран смутилась и опустила взгляд на свои сжатые пальцы.

Она растерялась. Может ли она сказать такое мужу сейчас? Никому она этого не говорила. Никогда. Ну и что, что Колин ее муж. Нужна ли ему ее любовь. Разве он хотел этого брака и глупую, отвергнутую другим невесту? И Хиран знала, что эта свадьба лишь для нее одной. И все же... Впервые Хиран подумала о том, почему друг Аруна был все это время так снисходителен по отношению к совершенно посторонней ему девушке. Он не производил впечатления доброго и отзывчивого человека. Но с ней он всегда был добр. И более того, женился на ней, хоть и мог отказаться. Он знал ее так мало, но сделал для нее больше, чем кто-либо из ее давних друзей.

И Хиран могла признаться самой себе, что не в состоянии отвести свой взгляд от Колина. Ей нравилось в нем все. И светлые, выгоревшие на солнце волосы, легкая щетина, едва заметная, но даже на вид жесткая. Холодного оттенка голубые глаза, умевшие смотреть на нее так мягко, из-под широких бровей. Ее муж был высоким и хорошо сложенным. Сильные руки, упругий торс. Ей нравилось, как Колин умел обнимать ее. В его объятиях она чувствовала себя в безопасности.

А его небрежная манера одеваться, в затертые до дыр джинсы и простые футболки, только завершала и подчеркивала притягательный образ. Но Хиран знала теперь, что муж будет неотразим и в индийском шервани и в классическом костюме.

— Колин-джи, — позвала она.

Он повернулся к ней, подмигнул. У ее мужа сегодня было хорошее настроение. Хиран еще не видела Колина таким.

— Колин-джи, да? Похоже, ты не перестанешь называть меня так? По крайней мере, это лучше, чем «голубь».

— Извини. Тебе очень не нравится, да?

— Знаешь, принцесса, мне уже нравится, как ты это говоришь. Так что можешь продолжать. К тому же будет лишний повод тебя поцеловать, — он подмигнул ей. — И ты очень мило смущаешься. Прямо как сейчас.

Хиран не смогла удержаться от улыбки. И больше она не удивлялась, как можно влюбиться в Колина Тейта с первого взгляда. Наоборот, как можно не влюбиться? Наверное, это случилось с ней в тот момент, когда он протягивал ей руку, предлагая прокатиться с ним на мотоцикле. Иначе, почему бы она поехала с ним?

— Что теперь, Колин-джи?

Колин как раз остановил машину возле гаража и, заглушив мотор, развернулся к ней. Закинул одну руку на спинку ее сидения, отчего плотная ткань шервани немного распахнулась, полностью открывая шею мужчины. И в ворота пиджака Хиран увидела, что под традиционной индийской одеждой Колин надел привычную футболку. Желание протянуть руку и коснуться его там отозвалось покалыванием в кончиках пальцев. Хиран с трудом перевела взгляд с груди мужчины на его лицо.

— Теперь? — наконец-то ответил он. — Не знаю. Что там у вас положено? Что по индийской традиции следует после брачной церемонии?

— Брачная ночь...

Слова сорвались с губ прежде, чем она поняла, что сказала. И к несчастью не на хинди. И муж все прекрасно расслышал. Потому что замер на выдохе. А потом тяжело вдохнул сквозь сжатые зубы. Его голубые глаза полыхнули огнем, опалая Хиран изнутри. Краска смущения бросилась ей в лицо.

А еще, не смотря на кондиционер, в машине стало нестерпимо жарко. И было страшно от того, что муж молчит, только смотрит, пристально, словно впервые ее видит. И еще страшнее было услышать то, что он скажет, когда заговорит. Как объяснить ему, что вовсе не то хотела сказать, что теперь и они должны...

— Что ты сказала, когда мы ехали? — вдруг спросил Колин, странным сдавленным голосом. — Ты так и не ответила. Я помню, как звучит «голубь». И это было что-то другое. Что? — мужчина сглотнул и убрал руку со спинки, но только для того, чтобы кончиком пальца провести по золотой цепочке, тянувшейся от серьги, по щеке, до маленького колечка в носу. Потом его большой палец коснулся уголка ее губ, и Хиран с удивлением отметила,

что не только ее пальцы дрожат. — Скажи мне. Давай, принцесса. Мне надо, что бы ты что-то сказала. Повтори, что ты сказала тогда.

— ■■■■■■■■■■ (мери пяр) — как замороженная, повторила Хиран, чувствуя тепло его пальцев своими губами.

— Что это значит?

— ЛЮБОВЬ МОЯ...

Он дернулся, резко отстранился, откинулся на своем сиденье. Закрыв глаза.

Хиран хотела бы отвести глаза и не могла. Только обняла себя за плечи, хоть в машине и было жарко по ощущениям. Ее браслеты тревожно звякнули, бессовестно выдавая уязвимость хозяйки.

— Это было бы так просто, принцесса. Поллюбить тебя, — снова посмотрев на нее, произнес муж. — Ты хоть понимаешь, какое ты искушение. Ты что-то сделала со мной... Я думал, что никогда уже не захочу... не знаю. Брака. Жену, и тем более любви. И даже сейчас, я понимаю, что это безумие. Ты совершенно не та, которая могла бы быть со мной. И, тем не менее, ты здесь. Моя жена. И это все о чем я могу думать. Тебе холодно?

Хиран покачала головой.

— Почему? Почему я не та?

— Дело не в тебе, Хиран. Во мне. В том, кто я такой.

— Я не понимаю...

— Я знаю. Пошли, — он быстро вынул ключи зажигания, открыл дверцу и выбрался из машины. Пока Хиран пыталась трясущимися руками подобрать складки свадебного сари, муж уже обошел автомобиль и открыл дверь с ее стороны. Взял ее за руку и помог ей покинуть салон. — Пойдем, не бойся ничего.

Она и не боялась. По крайней мере, не Колина. Но неприятное волнение охватило ее, когда они поднялись в квартиру и Колин, усадив ее на диван, сам устроился напротив, на низком столике рядом с диваном. Он предложил ей что-то попить и спросил не голодна ли она, но Хиран не смогла бы сейчас даже сделать глоток воды, горло сжимало от дурных предчувствий.

— Кто твой отец, Хиран?

Она ожидала что угодно, но только не вопросов о родителях. Образ отца больно отозвался в груди. Хиран все это время запрещала себе думать о доме. Об отце и бабушке. О том, как бы она хотела, чтобы во время ее свадьбы с Колином ее близкие были рядом. Нет лучшего подарка для дочери к свадьбе, чем теплые ладони отца, обхватившие лицо невесты, когда тот дает ей свое благословение.

Хиран на миг задержала выдох, чтобы слезы не выдали ее тоски по дому и отцу. Но муж ждал ответа и она выдохнула. Постаралась говорить спокойнее.

— Нараян Бхаскар Притвираджд.

— Чем он занимается?

— Наша семья владеет плантациями тростника. Еще есть ткацкие фабрики и магазины по продаже национальной одежды.

Колин кивнул, словно подтверждая собственные предположения. Встал и отошел к кухонному столу, прислонился к столешнице, упираясь в нее руками.

— А мой отец насильник, загремевший на немалый срок в тюрьму, где был зарезан во время бунта заключенных. Я сын шлюхи и преступника, вот кто теперь твой муж, принцесса. Я был женат, и она оказалась достаточно умна, чтобы сбежать от меня со всех ног. Сказала,

что у меня дурная наследственность, и она не хочет, чтобы я был отцом ее детей. Вот так. Можно ли ее судить? Нет. Я тебе не пара, Хиран. Потому что ничего не изменит того, кто я. И того, кем были мои родители. Если Арун или даже твой отец, например, обанкротятся, они будут нищими, но навсегда останутся с бессмертной печатью благородного происхождения. А я, сколько бы ни заработал денег так и останусь грязью под вашими сандалиями.

Глаза жгло, наверняка от черной подводки на глазах, которая размокнув, раздражала глаза. Хиран честно пыталась вслушиваться в страшные слова, которые произносил ее муж, но почему-то они то и дело сливались в монотонный гул. Но за то она отчетливо улавливала боль мужчины и горечь разочарования, что сейчас хорошо просматривались в чертах лица, в опущенных плечах, в сжатых кулаках. Он на мгновение отвернулся, а когда снова посмотрел на Хиран, то она накинула на голову конец свадебного сари, и отвернулась, боясь, что Колин увидит ее слезы.

— Не плачь, Хиран. Оно того не стоит. Я этого не стою, принцесса. Ты чудесная. Ты как мечта. Я только хочу сказать, что возможно, ты просто этого не разглядела. Ты не видишь того, что очевидно. Меня не за что любить. Все свое детство я занимался тем, что воровал в супермаркетах пиво и сигареты для матери, которой было на меня плевать, да таскал крекеры с барных стоек кафе и баров. У меня есть этот гараж, эта убогая квартира. И я не вижу ничего хорошего в том, что будет завтра. Я вообще не собирался подпускать к себе кого-то так близко. Я не доверяю себе, не доверяю людям и тем более женщинам. Ты — исключение. Это сумасшествие, искушение, перед которым я не смог устоять. Понятие не имею, как ты это делаешь. Что в тебе такого, отчего я за несколько дней наделал столько невообразимых вещей.

Мы муж и жена, но я все еще считаю, что это плохая идея. Но ты не должна плакать или волноваться. Я позабочусь о тебе и никому не дам в обиду. Ты останешься столько, сколько захочешь. Но когда захочешь уйти, я не стану тебя держать. Не потому что не желаю видеть тебя рядом с собой, а потому что у меня нет права удерживать тебя.

Он смотрел на нее колючим взглядом, а Хиран не могла произнести ни слова. Слишком мало времени, чтобы во всем разобраться и что-то понять. Слишком противоречивым казалось все сказанное мужем. Она совсем, совсем не знала своего мужа. Но для нее это не имело значения. Потому что у нее теперь была вся жизнь, чтобы узнать его. А если она не сможет в этой жизни, то у них в запасе есть еще семь. И ему не придется ее удерживать, потому что она и сама никуда не собиралась.

Он говорил странные, пугающие и в то же время нелепые вещи. Ей было страшно представлять себе, каким было детство мужа. Но он вырос и стал сильным. Он стал хорошим человеком. Плохие люди не могут быть преданными друзьями. А Колин был.

Он как собственное имя. И неверно он сказал, что оно ему не подходит. Очень подходит. Голубь. Эта птица не такая благородная и изысканная как лебедь, но, несмотря на это является символом мира и на любовных открытках именно она олицетворяет нежность и доброту.

А Хиран очень нужна была его доброта и нежность. И возможно, когда она станет ему хорошей женой, и любовь...

Молчание длилось слишком долго. А Колин ждал. А потом, его плечи поникли, и он оттолкнулся от стола и направился к выходу.

— Я выйду, — пугающе спокойно сказал он, не глядя на нее. — Наверное, ты хочешь

переодеться...

Хиран неуклюже вскочила с дивана, запутавшись в складках сари, споткнулась, едва удержав равновесие.

— Меня зовут Хирани Нараян Бхаскар Притвирадх, в замужестве Тейт! — ее голос сломался, она всхлипнула. Но расправила плечи, когда Колин обернулся. И ей было уже все равно, что слезы текут по лицу. — Я отвергнутая невеста, от которой возможно, отказалась семья. У меня нет ничего, кроме того, что я принесла с собой. Ты женился на мне. Для индийской женщины муж это Бог. А жена для мужа — хранительница его жизни и души. И мне решать, достойна ли эта душа моей. И я очень хочу любить и почитать своего Бога, Колин — джи. Но не потому что так положено. А потому что мой муж этого достоин. И потому что для него я... — исключение. — Хиран упрямо вытерла слезы. — И быть может это я не достойна... Я плохая дочь, я нарушила все правила, пошла против отца. Я вышла замуж за американца, которого знаю всего неделю. И я легкомысленная, потому что еще недавно собиралась стать женой другого, а кажется, уже полюбила... тебя.

Он был рядом в тот момент, когда Хиран едва успела закрыть лицо ладонями. Он не позволил ей спрятаться. Мягко отвел ее руки, обхватил лицо ладонями и поцеловал заплаканные глаза, потом щеки и наконец, губы. Потом одной рукой обнял за талию, заставляя всем телом прильнуть к себе.

— Я хочу, чтобы все это было по-настоящему, — прошептал Колин ей в губы. — Я хочу, чтобы ты осталась. Семь жизней, да? Не надо, моя принцесса. Отдай мне только эту. Больше не надо.

Она хотела возразить, но он не позволил. Подхватил ее на руки и вернулся к дивану. Только в этот раз не оставил ее сидеть на нем одну, а сел вместе с ней, не спуская с рук, и продолжая целовать. Его дыхание сбивалась и Хиран чувствовала дрожь, волной пробегающую по его телу, а под своей рукой на его груди она ощущала быстрые удары сердца мужа, и ее собственное сбивалось с ритма. Хиран нравилось, когда Колин ее целовал. И хотелось больше. Пусть бы он целовал ее так долго, чтобы обо всем забыть. И она желала прижаться к нему еще сильнее, но он держал ее так нежно. И тогда она сама подвинулась немного на его коленях, обняла за шею. Муж шумно втянул в себя воздух, мышцы на его руках напряглись и сильные руки сжались.

— Хиран...

Ей стало жарко от хриплого голоса мужа. И от своего имени на его губах. «Хиран». Не «принцесса». А он уже снова целовал ее, как она хотела. Так, чтобы не хватало дыхания. И было страшно. Что все прекратится. Потому что она уже забыла, что было когда-то. У нее было только сейчас. И ей было все равно, что было когда-то у мужа. Теперь у него есть она.

Они не разделимы. Колин пришел к ней, когда она больше всего нуждалась в нем. Но теперь Хиран знала, что и она нужна ему.

Хиран сказала, что по традиции в первую брачную ночь муж должен открыть лицо своей жены, сняв с нее свадебное покрывало. И Колин позволил ей соскользнуть со своих колен, оставив его наблюдать, как она отошла на пару шагов, подхватила длинный край сари и накинула на голову, так низко, что не стало видно глаз. Только кончик носа, с поблескивающим на нем золотым колечком и губы, припухшие, влажные, манящие.

Она стояла перед ним ослепительно красивая, и ярко красный цвет наряда, блеск вышивки и украшений не могли обмануть Колина. Он знал, что под всей этой ослепляющей мишурой скрывается чистейший бриллиант, сокровище, случайно попавшее ему в руки. От макушки до пальчиков на ногах Хиран была драгоценностью. И не потому, что ее звали «Бриллиант» и не потому, что у ее отца был огромный счет в банке. А потому что она отдала ему свое сердце, просто так. И все жизни положила к его ногам в обмен на одну ничего не стоящую душу. Потому что она смело встретила удар со стороны жениха и с достоинством приняла его предательство. Она смиренно слушала, как от нее отказывается близкий человек, не отступив от принятого решения. Но зато она плакала о нем. О сыне никчемных людей, который признал поражение и перестал сражаться с течением. И ее слезы о нем проливались прямо в душу, задевая что-то изнутри, что-то, что Колин больше не хотел тревожить. А оно вопреки его желанию билось теперь с удвоенной силой только от одного взгляда на Хиран.

И никогда еще Колин не желал с такой силой прикоснуться к женщине и в то же время оттягивал этот момент, получая удовольствие только глядя на нее. На подрагивающие пальцы, на грудь, вздымающуюся в тревожном дыхании. На легкую, полупрозрачную ткань сари, под которой виднелся плоский живот Хиран, с темной ямкой пупка и Колин мог дать голову на отсечение, что в нем поблескивала еще одна замысловато-украшенная сережка. И словно молния в его мысли ворвался образ, как он коснется холодного металла языком, прежде чем попробует на вкус смуглую кожу. Всего один образ обжог тело охватившим желанием и повлек за собой множество картинок того, как он мог бы касаться ее и ласкать.

Колин, заставляя себя двигаться медленно, встал с дивана и преодолел крохотное расстояние между ними.

— Что я должен делать? — спросил он, сам удивившись, как звучит его севший голос.

— Сними его.

Колин, не отрывая взгляда от движения губ Хиран, поднял руки, пальцами прихватил ткань и открыл лицо своей жены. Она не смотрела на него, опустила ресницы, пряча за ними глаза, а вместе с ними мысли. А Колин хотел смотреть в ее карий омут, и читать там все, о чем эта райская птичка желала умолчать. И вот, словно угадав его желание она подняла взгляд, и Колин поразился открытости и доверию, что светились на дне ее глаз. Колин отпустил ткань и вот его пальцы уже гладили нежную кожу щек. И не осталось ничего, кроме жгучего желания снова поцеловать эти манящие губы. Но когда Колин чуть склонился к лицу девушки, Хиран обхватила его запястья тонкими пальцами.

— Это все по-настоящему, Колин-джи? Ведь по-настоящему? Теперь я ваша? — с надрывом спросила она, выворачивая душу Колина.

— Пока еще не моя. Пока еще нет. Ты мой украденный бриллиант. Но станешь, совсем скоро. И ты права, все по-настоящему. Кто же знал, что когда я откажусь от всего стоящего в

своей жизни я получу самый ценный бриллиант.

— Колин-джи...

— Что дальше, ты должна научить меня. Что там дальше следует по традиции?

— Я не знаю... — шепотом ответила Хиран, и смущение добавило еще ярких красок в ее ослепляющий образ.

— Тогда закрой глаза, принцесса, — сказал Колин и помог выполнить указание, коснувшись губами сначала правого, а затем левого века Хиран.

Девушка судорожно вздохнула и приоткрыла губы, чем Колин без промедления воспользовался. Припал к их сладости, ощущая какое-то ликование от понимания, что уже знает какие они на вкус. Хиран, продолжая цепляться за его запястья, сжала пальцы сильнее и чуть качнулась навстречу. Он целовал ее долго и медленно, боясь, что если позволит себе быть смелее, то уже не сможет остановиться. А потому продолжал чувственный танец, все сильнее завладевая сладостным ртом Хиран, лаская его изнутри, забирая дыхание девушки, заменяя его своим. А она все позволяла, не жалела для него и вдоха.

Когда поцелуев стало недостаточно и пальцы закололо от необходимости приласкать полученное сокровище, Колин перехватил руки Хиран и положил их себе на плечи, а сам зарылся пальцами ей в волосы, потревожив прическу. Тугой узел не позволял свободно утонуть пальцам в шелковистости прядей и Колин рыкнул от досады.

— Распусти. Что там у тебя...

Их руки столкнулись в ее волосах, Колин хотел убрать свои, но случайно зацепил прядь, потянул. Хиран охнула, он замер, а потом осторожно высвободил пальцы. Развернул девушку, край сари соскользнул с плеча и мужчина на мгновение прикрыл глаза от вида почти обнаженной до талии спины, лишь перечеркнутой в области лопаток плетеной шнуровкой, которую совсем недавно затягивал сам. Сейчас ему нельзя было думать о плавном изгибе поясницы, гладкой коже по которой хотелось провести ладонью. Колин перевел взгляд на темные пряди волос и стал по одной вытягивать шпильки, украшенные рубиновыми и золотыми камешками. И когда волосы свободно упали в его ладони, Колин наклонился и вдохнул их тонкий аромат. На проборе все еще оставалось украшение, заканчивающееся капелькой на лбу, но Колин уже не смог побороть искушения. Отведя волосы за плечо, мужчина провел тыльной стороной ладони по шее Хиран и дальше вниз, вдоль позвоночника, до поясницы. Дрожь пробежала по телу девушки, резкий вздох и она снова покорно застыла перед ним. А его пальцы уже потянули за тонкую шуровку, распуская петли, расслабляя коротенькую кофточку. И жадные пальцы пробрались под плотную ткань, лаская лопатки и плечи. А потом Колин склонился и уже губами повторил весь тот путь, что прошли его пальцы, ртом ловя каждый взволнованный вздох Хиран, ее дрожь, рожденную его поцелуями. Когда он поцеловал ее шею, то увидел отчаянно бьющуюся венку на шее и провел по ней носом, глубоко вдыхая.

— Колин-джи... — ее голос сорвался на пресловутом «джи», потонув во вздохе, когда мужчина добрался до области за ушком.

— Скажи мне остановиться, и я остановлюсь.

Несколько секунд Колин стоял неподвижно, сам не понимая, чего желал более страстно. Чтобы Хиран остановила его и не позволила окончательно утонуть в творившемся безумии. Либо продолжить и добровольно быть поглощенным этими безумными водами. А она, его чистый бриллиант, молча повернулась к нему, одной рукой, стыдливо придерживая

сползающую кофточку, другой взяла ладонь Колина и поднесла к губам. И мир накренился, стал другим, и больше не стало его, с дурной кровью. И не стало ее, принцессы с именем «Бриллиант».

Осталась его жена, самая красивая и земная женщина во всем мире. Такая невинная и невероятно смелая. Пришла к нему из другого мира и осталась. Колин притянул ее в свои объятия, она обняла его за шею, а его бесстыжие ладони пробрались под кромку кофточки. И Колин знал, еще немного вверх и там совершенной формы грудь, которая всегда лишь угадывалась под яркими нарядами жены. Жар охватил его, превращаясь в лавину, накрывшую с головой. А Хиран не помогала оставаться рассудительным. Она прижималась к нему, тянулась вслед за его поцелуями, впиваясь короткими ноготками в его плечи. Неужели не понимала, что каждый ее горячий вздох распался его все сильнее, и то, как она выгибалась под руками Колина, поощряло его действовать смелее.

Один ее вздох, один его выдох и ладонь накрыла совершенную грудь. Он застонал ей в губы, поймав ее ответный стон. Хиран затаилась, но тело ее выдавало, оно трепетало, едва заметно, но Колин чувствовал этот трепет. Но он помнил, кто с ним сейчас. И что для нее все это ново, и может страшно. И отступил, сделал шаг назад. Руки Хиран упали, а расшнурованная кофточка соскользнула с плеч, обнажая девушку по пояс. Это была настолько же неожиданно, насколько и желанно. И все же, почему-то, не смотря на острое желание с жадностью впитать себя этот образ, Колин смотрел в лицо жены. И когда в ее взгляде полыхнуло смущение, даже немного стыда, но несмотря на это она даже не попыталась прикрыться, Колин быстро подхватил расшитую ткань сари и прикрыл грудь жены. Она благодарно закрыла глаза.

Колин отступил к окну и опустил жалюзи, погружая комнату в темноту. А в следующую минуту включил лампу возле дивана, чей тусклый свет не мог прогнать тьму, лишь слегка разбавил ее золотистым свечением. Но достаточным, чтобы видеть жену, в отблесках украшений, и угадывать очертания ее тела под складками материи. Одним движением разобрав диван, Колин расстелил чистую простыть поверх покрывала. Снова посмотрел на жену, и вздохнул с облегчением, когда увидел, что она наблюдает за ним без страха. Он подошел к ней медленно, словно зверь, которым и ощущал себя сейчас. Зверем, загнавшим лань в ловушку. Вот только лань не отступила, а улыбнулась ему взволнованно, нерешительно. Хотелось притянуть девушку к себе, но Колин понимал, что если прикоснется к ней сейчас, то остановиться уже не сумеет. А он хотел дать ей несколько минут, чтобы окончательно решить. А потому он расстегнул длинный пиджак, который не давал свободно вдохнуть. В нем было жарко, но только сейчас Колин решился его снять. За его свадебным нарядом последовала простая футболка. Хиран следила за каждым его движением, одной рукой придерживая ткань на груди. Почти обнаженной груди. Так они и стояли несколько минут, близко, но не касаясь друг друга. Она — словно сошедшая из грез или сказочной картины, ожившая мечта. И он — безумец, желающий ее до дрожи. Наплевавший на предрассудки и здравый смысл. А Хиран смотрела на него как на кого-то особенного.

Медленно Колин поднял руку, и, не отводя взгляда от глаз Хиран, потянул за ткань, высвобождая ту из пальцев девушки. Она разжала их и позволила ему смотреть на себя. Но Колину было мало. Он слой за слоем освобождал Хиран от сари, пока не осталась лишь узкая, атласная юбка, низко сидевшая на бедрах. Мужчина не мог свободно дышать, от жара охватившего его. Острое желание сковало все мышцы, вышибая разумные мысли из головы.

— Господи! Как ты красива, Хиран...

Он легко поднял девушку на руки, крепко прижимая к себе, и она оставила горящий след на его груди от своего дыхания.

— Принцесса, — произнес он и сам удивился нежности, прозвучавшей в голосе.

Хиран обняла его за шею, потерлась щекой о его грудь, словно отзываясь на эту нежность. И отказалась отпускать от себя, когда Колин уложил ее на постель. Она потянула его за собой, он лег рядом, прижимая полуобнаженную девушку к себе. И его руки с жадностью ласкали грудь девушки. Гладили спину, спускались на поясницу, потом обратно на грудь, а затем в пряди волос, рассыпавшиеся на белой простыне. Хиран прятала лицо в изгибе его шеи и часто дышала, сбивалась и начинала снова. Но это длилось недолго. Колин приподнялся, чуть навис над Хиран и когда она посмотрела на него, поцеловал. Но не так как прежде. А страстно, завладевая ее ром, врываясь языком в горячую сладостную шелковистость. А от того, как Хиран отвечала ему, терял крохи выдержки.

Неконтролируемая дрожь завладела телом, не желая отпускать, и Хиран в попытке ее сдержать держалась за того, по чьей вине она была.

Его ласковые руки касались ее везде, и только она сдерживала стон, когда муж ласкал ее грудь, как она чувствовала жаркое прикосновения на пояснице и выгибалась ему навстречу, в слепом желании быть ближе. Кожа к коже. Так греховно-стыдно, так сладостно лежать в окружении его рук, под властью губ. Впитывать кожей и каждым вздохом жар мужчины и слышать его насадное дыхание. И переставало иметь значение, что Хиран не знала, как сейчас себя вести, что должна делать. И нужно ли что-то говорить. Она закрывала глаза и позволяла Колину самому все решать. Потому что Хиран не владела собой, и не хотела. Она желала быть его, чтобы это ни значило.

Его взгляд делал ее слабой, и в то же время боготворил. Его поцелуи наполняли жаром и одновременно рождали пустоту внутри, требующую заполнения. И Хиран была уверена, муж знает, как это сделать. Но чем яростнее становились его поцелуи и ласки, тем сильнее Хиран нуждалась в них. Она тянулась за ними, держалась за мужа, умоляя вздохами, сама не понимая о чем просит. А Колин знал. Он целовал ее губы, шею, грудь, отчего Хиран стонала, не стыдясь своей слабости. С ним не может быть стыдно.

И когда муж обжог поцелуями живот, поддел языком колечко в пупке, провел пальцем по тонкой цепочке на талии, Хиран всхлипнула. Но это было только начало. Колин потянул ее юбку вниз по ногам, вместе с трусиками оставляя на Хиран только украшения. И замер, жадно глядя на нее. Хиран зажмурилась, но не от стыда, а от неведомого ей огня, полыхнувшего в его небесно-голубых глазах. А потом почувствовала, как муж дотронулся до ее ступней, погладил щиколотки, дальше вверх до коленей. Так медленно, так откровенно погладил бедра.

Хиран напряглась, страхась и тайно желая прикосновения там, где пульсировало от возбуждения. Где-то внутри все сжималось от неведомой ранее потребности. Но руки мужа скользнули к бокам, повторили изгиб талии и вновь к груди. А губы к ее губам, ловя беспомощные стоны.

— Открой глаза, Хиран. — Она подчинилась без промедления. — Не закрывай. Хочу видеть...

Хиран не поняла, почему именно она должна держать глаза открытыми, если видеть хотел муж, но сделала, как он просил. Не отводила глаз. А муж одну руку просунул ей под

голову, зарылся в волосы, а другая оказалась между их телами и замерла внизу живота.

— Скажи мне «Да», Хиран. — попросил он напряженным голосом.

Его красивое лицо покрывали бисеринки пота, черты лица заострились и стали выразительнее. Взгляд полыхал голубым огнем. Грудь вздымалась от резкого тяжелого дыхания. Он был таким большим и сильным по сравнению с ней, лежащей в его полной власти. Муж все еще был в джинсах, тогда как она обнажена. И вопреки всему это нисколько не пугало, наоборот, завораживало.

— Да... — выдохнула она, отвечая на все, о чем бы муж ни попросил сейчас.

Но он больше не просил. Одновременно с тем как его губы накрыли ее, его рука прикоснулась к жаждущей плоти между ног. Хиран всхлипнула, замерла, волна наслаждения отняла способность дышать. Она думала это конец, но было только начало. Пальцы мужа кружили и кружили, а Хиран билась в его руках, не умея совладать с тем, что приближалось. Колин что-то шептал ей прямо в губы. Что-то успокаивающее, поощряющее. Он просил не бояться, но она не боялась. Он приказывал принимать и она принимала. Все больше и больше, пока не остановилось сердце, пока не взорвался мир. Все было неправдой. Так не бывает.

Но мужчина, сделавший ее такой бесстыдной, сказал: «Еще». И она опять была без дыхания. И снова стонала. Хиран почти ослепла, только чувствовала, как Колин оставил ее одну, и воздух прохладой овеял разгоряченную кожу. Но она не успела замерзнуть. Вернулся жал сильных рук, нежность губ. Она дрожала... Но не только она. Ее муж делил с ней эту дрожь пополам.

— Красавица моя. Хочу тебя. Не могу больше... Хиран. — Муж развел ее колени в стороны, лег между ними. Хиран только сейчас поняла, что Колин снял джинсы и полностью обнажен. Он хрипло застонал, когда его горячая твердая плоть прижалась к ее чувствительной и влажной. — Я так безумно хочу тебя... Хиран. Прости меня, моя принцесса.

Дыхание пресеклось от волнения предвкушения и страха, когда муж, не отводя своего взгляда от ее лица, пальцами открыл ее плоть, помогая себе войти. Остановился у грани, обнял Хиран, не оставляя ни малейшего пространства между их, одинаково горячими и влажными, телами. А потом плавно двинулся вперед.

Он позволил ей только раз вскрикнуть от боли, а потом поцеловал. Больше не двигаясь, целовал ее как безумный, напряженный, надсадно дыша. Забирая страх и боль. Снова погружая в пучину удовольствия. Одно движение, она замерла, он снова остановился. И вновь поцелуи. Долго, сладко. Опять движение. Ее напряженный вздох и муж неподвижен. И снова, и снова, и снова. Пока не осталось боли. До тех пор, пока Хиран не забылась в страсти, потеряла все мысли, оставив их вне пространства. Были только чувства и страсть. Жидкий огонь, почему-то цвета голубого льда, который сжигал ее дотла.

Но ей было не страшно гореть в этом огне, ведь теперь она была Его.

Она спала, его бриллиант.

Это было хорошо, потому что Колину требовалось время. Всего несколько минут, чтобы осознать произошедшее, понять, что это не какой-то фантастический сон и почувствовать, как жизнь наполняет каждую клеточку его тела.

И хорошо, что Хиран спит, и не увидит его по-глупому сентиментальным, словно он подросток, впервые испытывавший любовь. Она не узнает, что он уже минут двадцать сидит возле нее, и в неверном свете тусклой лампы смотрит на плавные изгибы ее тела под простыней. Смуглые плечи контрастировали с белой тканью, темные волосы в беспорядке окружали лежащую на подушке голову.

Он бы протянул руку и коснулся их шелковистой мягкости, но боялся разбудить жену. А ей надо было отдохнуть. Поразительная девушка. Невероятно красивая, удивительно нежная, потрясающе страстная и очень смелая. У него нет и вполовину той смелости, что проявляла эта хрупкая принцесса. Разве много найдется тех, кто вот так доверит свою жизнь, свое тело, едва знакомому человеку. И не смотря на то, что на это ее толкнули обстоятельства, Хиран делала это искренне. Она смотрела на его таким взглядом, словно не было ничего и никого в ее жизни до него. Что именно он, Колин Тейт является ее главным сбывшимся желанием. И не было у него права обидеть ее и разочаровать. Но что ему теперь делать? Он все еще тот, кем и был все это время.

Он должен жениться на ней.

Колин улыбнулся, покачав головой. Что за средневековые мысли. Он стал ее первым мужчиной, теперь должен на ней жениться. Ведь дело не в этом. Совсем не в этом. Он знал, что женился на ней по традициям Индии, но никаких официальных документов не было. Но Хиран никогда об этом не попросит, Колин был уверен. Ей достаточно клятв у костра и украшения на шее. И он мог оставить все как есть. Но не должен.

Для него весь тот ритуал, к которому Хиран относилась с таким благоговением, все еще оставался непонятным и совершенно чуждым. Но Хиран считала его своим мужем. На семь жизней. Он не мог обмануть ее, притворяясь, что считает так же. Он должен жениться на ней. Официально.

Что если отец действительно откажется от нее. Кто у Хиран останется кроме него. Он должен защитить ее, ведь она ему доверяла.

Беззащитная маленькая птичка, с ярким оперением, такая хрупкая в его мозолистых руках.

От воспоминания ее кожи под своими ладонями Колина пробирала сладкая дрожь. Безумно хотелось откинуть простынь и вновь увидеть совершенную грудь, тонкую талию, плавный изгиб бедер. Протянуть руку и дотронуться. Сначала нежно, едва касаясь. Потом настойчиво. Прижать к себе и наконец, позволить сжать ее сильнее, пытаться вобрать жар этой фантастической девушки в себя.

У Колина перед глазами то и дело вспыхивали образы того, как Хиран лежала под ним, выгибалась ему навстречу, звала его по имени, напроць забыв о «джи». Ее тихие стоны, прерывистое дыхание все еще отдавались в ушах.

Он вновь хотел ее. Желал безумно. Она была как источник чистой воды, из которого так хочется напиться. Пить и пить. Но он страдал от жажды слишком долго. А потому ему

позволены лишь небольшие глотки.

Колин заставил себя отвернуться. Он встал, натянул джинсы и отошел к окну. Просунул руку между полосок жалюзи и с тихим щелчком раздвинул их. День был в самом разгаре, а в их маленьком мирке была глубокая ночь.

— Колин...

Он обернулся и увидел, что жена сидит, прижимая к груди простынь и тревожно всматривается в полутемную комнату. И спросонья не видит его.

— Я здесь, принцесса.

Он подошел, присел на край постели и взял Хиран за протянутую руку. Легонько потянул. Хотя даже не планировал, не думал... А Хиран не мешкая, словно все знала, ловко подвинулась к нему, и вот уже сидела на его коленях. Сонная, растрепанная, ласковая.

— Я думала, что тебя нет.

— Куда же я теперь денусь? — запуская руку в ее волосы, как еще недавно желал, спросил Колин.— Семь жизней, а? — дождался ее все еще сонной улыбки. — А теперь скажи мне, как ты? Все хорошо?

— Да. А что такое? Что...

И тут она поняла. Колин даже в неосвещенной комнате увидел, как Хиран покрылась румянцем, который со щек перетек и на плечи. Она хотела что-то добавить, но открыла и закрыла рот, а потом быстро опустила голову и темные волосы спрятали ее от Колина. Он засмеялся.

— Хочешь, отнесу тебя в душ?

— Отнесешь? — удивленно вскинулась она, ну хоть больше не пряталась стыдливо.

— А почему бы и нет? Отнесу. А пока ты там плескаешься, закажу что-то поесть.

Колин легко поднялся, прижимая Хиран к груди, и в пару шагов преодолел расстояние до дверей ванной комнаты. Ногой поддел за низ двери и открыл ее, боком внес девушку и опустил на ноги у самой душевой. Хиран по-прежнему цеплялась за простынь, и та складкам струилась по ее телу, растекаясь небольшой лужицей у ног. Мысль о том, как он мог бы потянуть за ткань, и та бы упала к их ногам, открывая тело жены его жадному взору, разожгла желание. Но Колин сделал шаг назад, понимая, что Хиран тоже надо немного времени прийти в себя. Да и ее телу необходимо восстановиться. Он вышел, но спустя минуту вернулся, принеся жене чистое полотенце. А поскольку она все еще стояла, не шелохнувшись, то сам включил воду.

Колин отбросил мокрое полотенце, и надел спортивные штаны. Потом с сомнением посмотрел на футболку. Не очень-то хотелось напяливать ее на влажное тело, но потом он вспомнил, кто его ждет за дверью и все же решил отдать дань стыдливости Хиран. А она была именно такой. Еще недавно она отдавалась ему со всей страстью, на которую была способна, а теперь краснеет и тупит взгляд. Когда она вышла из душа, то стараясь не смотреть в сторону Колина, принялась рыться в отведенном ей ящике в поисках одежды. А вот Колин несколько не стесняясь, рассматривал жену, завернутую только в полотенце, едва прикрывавшее грудь и попку. За этим занятием его и застукала Хиран когда обернулась. И снова покраснела.

Колин вышел и в нос ударил аромат подогретой еды, заказанной им из ресторана. Хиран, одетая в белые шаровары, или как там назывались непонятные штаны, с множеством складок. И удлиненную футболку, с боковыми разрезами, такую же белую, только расшитую

по подолу красным замысловатым узором, раскладывала тарелки на столе. Волосы она собрала в обычный высокий хвост. Заметив Колина, на мгновение застыла, обжигая его взглядом карих глаз.

Потом словно очнулась и быстро развернулась к нему спиной. Колин не успел удивиться, как она уже взяв какой-то поднос со столешницы, шла к нему. А потом протянула поднос.

— Подержите, Колин-джи, — смущенно попросила она, а когда он взял поднос, то Хиран вновь отошла на кухню, но как оказалось только чтобы взять спички.

Колин посмотрел на поднос и увидел, что он позолоченный, разукрашенный резьбой. На нем закреплено что-то вроде маленькой чаши, с маслом и фитильком. И баночка с красным порошком расположилась рядом. Еще несколько ароматных цветков, похожих на те, что были в их свадебных гирляндах. Да, скорее всего они и были оттуда, где же еще Хиран могла достать такие. Он наблюдал, как Хиран подожгла спичкой фитилек, тряхнула спичкой, погасив ее. Забрала у Колина поднос.

— Позвольте мне... Колин-джи...

«Все что хочешь» — хотелось ему сказать. Но он промолчал. Только смотрел на жену, и все еще не мог поверить, что она его.

А Хиран дрожащими руками держа поднос, сделала несколько, вроде бы три, Колин не мог сосредоточиться, круговых движений. Словно заключая его образ в овальную рамку. Потом держа поднос одной рукой, кистью второй три раза мазнула над огоньком лампадки, и ароматный дым окутал Колина. Будто он и так был недостаточно пьян от нежности и желания. Словно и так аромат ее тела не будоражил его кровь, не воспламенял каждую клеточку.

Хиран прихватила небольшую щепотку красного порошка и потерла между пальцами, потянувшись рукой. Колин позволил жене дотронуться крашенным большим пальцем до своего лба, представляя, как теперь в его центре красуется точка. А потом обхватил запястье жены до того, как она опустила руку. Забрал у нее поднос, поставил на стол.

— Еще одна традиция, принцесса?

Она кивнула, улыбнулась. И Колин поразился улыбке, осветившей ее лицо и радости в глазах. Если она так счастлива, совершая все эти чудные обряды, то пусть так и будет.

— Тогда давай я покажу тебе одну свою традицию. Твою и мою.

И он поцеловал ее в улыбающиеся губы. И ему показалось, что это первый поцелуй за очень долгое время, так он обжог его. Он целовал ее и сходил с ума оттого как она охотно ему отвечала. Колин с трудом сумел оторваться от жены, понимая, что еще немного и наплевав на все, он поднимет ее на руки и отнесет в постель.

— Пошли, принцесса. Покормим тебя, — подмигнул он ей.

Но на этот раз Хиран не улыбнулась. Она серьезно взглянула на него.

— Теперь я ваша? — дрогнувшим голосом спросила она.

— Скажи... — Колин обхватил ладонями ее лицо. — Скажи: Теперь я твоя? Назови меня по имени. Без «джи». Давай же.

— Теперь я твоя? Ведь твоя, Колин?

Что-то болезненно сжалось внутри него. Ухнуло, раздавалось многократным эхом. Эта секунда потянулась бесконечно медленно. И все же он, наверное, сошел с ума. Как такое могло случиться? Всего несколько дней. Всего лишь несколько календарных единиц поменяли его жизнь настолько кардинально, как никогда прежде. И пусть он все еще Колин

Тейт, беспородный плебей, и вокруг него убогое жилище. Все тот же истоптанный линолеум под ногами. Выцветшая краска на стенах. Скучная обстановка.

Все так же. И в то же время все иначе. И он другой. Потому что вот Она стоит. Принцесса. Не потому что богата. Потому что чиста. Потому что сияет изнутри. И вся она внутри красивая. Ярче, гораздо ярче, чем ее пестрые наряды.

— Моя, Хиран. Теперь ты Моя.

Хиран разочаровано вздохнула и признала очередное поражение. Она безнадежная повариха. Она вообще худшая из всех жен. Она обвела взглядом кухню и застонала. Что скажет муж, когда войдет и увидит безобразие, что она устроила. До сегодняшнего дня Хиран удавалось вовремя убрать следы своих неудачных попыток приготовить ужин до того, как муж возвращался домой. А сегодня она слишком увлеклась, и совсем забыла о времени.

Ладу! С чего она взяла, что сможет приготовить ладу самостоятельно, когда даже под четким руководством теток и бабушки, а так же их поварихи у нее не получалось толковых сладостей ладу.

Хиран оставила очередной след из муки на лице, когда откинула выбившуюся прядь волос, лезущую прямо в глаза. А потом застыла в ожидании, когда в квартиру поднимется Колин. Хиран слышала, как он подъехал к дому на мотоцикле, как открывались гаражные ворота. А теперь она могла отчетливо различить его шаги на лестнице.

Он вошел, в черной футболке, облегающей сильное тело, потертых джинсах, и пыльных кроссовках. Его светлые волосы растрепались и нуждались в стрижке, легкая щетина покрывала подбородок и скулы. Хиран могла до мельчайших подробностей вспомнить ощущения, когда она пальцами проводила по лицу мужа, и его щетина колола ее нежную кожу. Она часто так делала. А муж перехватывал ее руку и оставлял обжигающий поцелуй на ее ладони.

Уже две недели она жена Колина Тейта. И каждый день был словно тягучий сладкий ирис. Как пряный напиток, греющий изнутри. Было и страшно, и волнительно. Хиран совсем не знала человека, женой которого стала. Не знала его вкусов, его привычек. Понятия не имела, как сделать его счастливым. Но каждый день старалась узнать его больше. Хиран понимала, что порой надоедает ему вопросами, но Колин никогда на нее не сердился. Если мог, то охотно отвечал. А если нет... Ну, она теперь знала, что когда ее муж хочет уйти от неприятного вопроса, или неловкости, то начинает подшучивать над ней. Или сам начинал заваливать ее вопросами о доме, родственниках, о которых она могла рассказывать часами.

И она все еще смущалась. Чувствовала, как начинают гореть ее щеки под его пристальным взглядом. Хиран нервно поправила волосы и спохватилась, что и так порядком испачкана в муке, а сейчас добавила еще один след. Сцепив руки перед собой, Хиран с замиранием сердца ждала, что скажет муж на безобразие устроенное на кухне. А Колин лишь за мгновение охватил взглядом обстановку, а потом, приподняв в едва заметной улыбке уголок рта, медленно положил связку ключей на полку возле входа. Затем медленно приблизился к Хиран.

— Я думал у меня и на этот раз не получится тебя застать с поличным, — с улыбкой в голосе произнес он, обходя Хиран по кругу и критически осматривая ее взъерошенный вид.

Она не поняла, что он имел в виду, а вот за свой внешний вид ей стало стыдно.

— Что же случилось, принцесса? Что же тебя так отвлекло, что ты даже не успела замести следы? До этого у тебя прекрасно выходило, — наконец, закончив осмотр, он остановился перед ней и потянул за прядь, выбеленных мукой, волос.

— Что?

— Признаться, я начал подозревать, что ты тайком готовишь и быстренько съедаешь, пока я тебя не застукал. И немного стал опасаться, что ты так скоро превратишься в нечто

круглое и объемное.

— Я...

— Ну-ка, — муж зашел ей за спину и, обняв за талию, повернул к столу. — Посмотрим. Что тут у нас?

Он протянул руку и провел пальцем по заляпанному столу, расчищая от муки, измельченных орехов и зерен кунжута, дорожку на поверхности. Тут же было и тесто, которому полагалось быть эластичным и пышным, на деле же оно было вязким, и безбожно липло к рукам. Но на данный момент Хиран больше волновала близость мужа. Он прижимался к ней со спины, его губы были возле ее щеки, и каждое произнесенное им слово посылало мурашки по телу.

— Что ты пыталась сделать, принцесса?

— Ладу.

— Сладости, да? — он взял ее ладонь и вместе с ней запустил свои пальцы в неудавшееся тесто. Хиран едва слышно пискнула, сама не зная, от удивления или в попытке предупредить, не совать руки в эту липучую субстанцию. Но было слишком поздно. Муж вовсю забавлялся, погружая их пальцы в тесто. — Что же пошло не так?

— Я не знаю, — призналась она.

— А что было вчера? Тоже десерт? Пахло вроде ванилью, — Хиран дернулась, только сейчас поняв, что и ее прошлые попытки не прошли незамеченными. Ей хотелось провалиться сквозь землю, но Колин не позволил, крепко держа ее в объятиях. — Впрочем, не важно.

Тут он неожиданно развернул ее к себе лицом и ловко приподняв, усадил прямо на стол. Она машинально ухватила за его предплечья, но увидев, что ее руки все в тесте испуганно их отдернула. Колина же не смутило, что его руки тоже были испачканы, он обнял ее.

— Поцелуй меня, принцесса!

— О! Я думаю, что не...

— Я и не просил думать. Я сказал поцелуй меня.

Она перестала дышать, пока Колин медленно наклонялся к ее губам. Но он остановился и замер, так и не коснувшись их. Его дыхание обжигало и она больше не сдержавшись, выдохнула прямо в его губы, сама поцеловав его. Большого и не требовалось. Он подарил ей один из тех поцелуев, которые заставляли ее голову кружиться, которые оставляли после себя разгоряченную кровь и сбившееся дыхание. Ее муж умел целоваться, Хиран теперь это знала. И не скупился на эту ласку.

— Я все же получил свой десерт, — довольно сказал муж, прервав поцелуй.

Он отошел от нее, оставив сидеть на столе, сам же облокотился о столешницу с мойкой. Хиран не могла успокоить дыхание.

— Ты такая симпатичная в этом косочке. Это вторая милая вещь в твоём гардеробе. Первое место по-прежнему занимают штанишки, — он указал на ее шаровары сальвар.

Он намеренно ее смущал, это тоже он любил делать. Но Хиран так же знала, что так он пытается ее отвлечь. И понимание этого наполняло ее благодарностью. Хиран каждый раз удивлялась, насколько ее муж может быть заботливым и нежным. Он каждый день делал все возможное, чтобы ей было легче в ее новой жизни. Он со снисходительной улыбкой принимал и терпел все ритуалы, что она проводила. Даже свозил ее на индийский рынок и купил ей маленькую статую бога Кришны, хоть Хиран так и не приучила себя каждый день молиться, как дома ее заставляли бабушка и отец. Колин не смеялся над ней, когда она

зажигала лампадку и ставила тигу ему на лбу. Конечно, муж всегда почти сразу вытирал ее, но Хиран понимала, что позволить поставить ее было более того, на что она могла рассчитывать.

А недавно она повесила яркие занавески на единственное, но большое окно в его квартире. А к нему еще застелила диван пледом. Пока Хиран не решилась купить подушки, но уже представляла, как красиво они будут смотреться. Она уже поделилась этой мыслью с мужем, а он засмеялся и сказал, что она скоро превратит квартиру в будуар принцессы. Он был неправ, она просто хотела сделать их дом уютным.

Еще она хотела научиться готовить, и каждый раз ей было неловко, когда муж заказывал еду из ресторана или пиццу. Радовало то, что завтрак она готовила сама, но вряд ли она может приписать к своим достоинствам умение делать яичницу. Правда, еще она неплохо поджаривала тосты. И Колин всегда хвалил ее кофе.

— Ты расстроилась? — спросил муж.

Хиран пожала плечами, но ответила улыбкой на улыбку мужа.

— Я хочу быть тебе хорошей женой.

— Ах, ну да. Умение готовить входит в список обязательных качеств хорошей жены, так?

— Думаю, да. А разве нет?

— Понятия не имею, — Колин снова подошел к ней, а Хиран, подавшись навстречу, обняла его за шею. — У меня никогда не было хорошей жены. Но ты уверенно продвигаешься на данном поприще, и умение готовить тут вовсе не причем.

— Твоя жена тоже не умела готовить?

Хиран мысленно отругала себя за этот вопрос. Она уже поняла, что тема бывшей жены и прошлая жизнь не были его любимыми темами для разговора. Вот и сейчас он немного напрягся, в глазах промелькнуло что-то холодное, но он быстро взял в себя в руки.

— Моя бывшая жена умела готовить. Но это не помогло ей стать хорошей женой. Так что выбрось это из головы. Не получилось сейчас, получится потом. А даже если и нет... Ну, на холодильнике все еще есть номера.

— Но это не правильно.

— Почему? Кто это сказал? Может это мне надо научиться премудростям поварского искусства и баловать жену вкусными обедами и ужинами. Это же ты у нас принцесса. А теперь, хватит расслаиваться! — муж ловко снял ее со стола и поставил перед собой. — Давай приберем тут все. А потом поедем куда-то поужинаем. А затем у нас немного экстрима по программе.

— Экстрима?

— Да. Я научу тебя управлять мотоциклом, — он подмигнул ей и, ловко подцепив тесто со стола, бросил его в мусорное ведро.

Затем протянул Хиран тряпку и себе взяв одну. Она машинально взяла ее, но осталась стоять пораженная, тогда как муж уже принялся вытирать стол. Видимо, заметив ее потрясение, он вопросительно на нее посмотрел.

— Что? Почему такое удивление? Ты моя жена, так? Моя жена, хорошая жена, просто обязана уметь управлять моим мотоциклом. Прошу так же обратить внимание, что я не доверяю его кому-попало. Только принцессам.

— Я умею водить скутер, — похвасталась она.

Колин расхохотался. Она еще не видела, чтобы он так смеялся. Его глаза искрились

голубыми льдинками. Она и сама непроизвольно заулыбалась. Но потом спохватилась и демонстративно насупилась. А для большей убедительности еще и руки на груди скрестила. Но ее муж нисколько не впечатлился. Взглянув на нее, он рассмеялся еще больше.

— Колин-джи!

— Что, принцесса? — вытирая глаза, но, все еще посмеиваясь, муж подошел к ней.

— Не очень-то хорошо смеяться над женой.

— Не буду больше. Просто ты невероятная, ты знаешь?

— Глупая?

— Нет.

— Смешная?

— Невероятная. Это другое.

— И что это значит?

— Это значит, я сам тут все приберу, Хиран-джи. А ты иди и смой с себя то, что должно было стать ладу. Я чертовски голоден, уверен, ты тоже. Нам надо хорошенько подкрепиться. А потом посмотрим, поможет ли тебе твое умение водить скутер управиться с моим мотоциклом. Но теперь и это не гвоздь программы. С тебя причитается за очередное «джи» и я намерен спросить с тебя по двойному тарифу.

Хиран уловила в его голосе нотки страсти и сама почувствовала, как ее охватывает истома, стоило подумать о том, что случится когда они вернуться. Потому что знала, что ее ждет. Самозабвенные ласки мужа, нежные и страстные, обжигающие и дарящие наслаждение. Он становился совсем другим, когда занимался с ней любовью. Или это она становилась другой? Иногда она сама поражалась своей смелости и отзывчивости. Она теряла голову и ее это нисколько не пугало. Наоборот. Она чувствовала себя всемогущей.

Когда она была в объятиях мужа, когда она могла чувствовать, как бьется его сердце, а его глаза опалили ее, не смотря на их холодный оттенок, Хиран понимала, что все сделала правильно. Чтобы ни было она там, где и должна быть. С тем, кто предназначен ей судьбой.

* * *

— Ты не должна так волноваться. Это не пойдет тебе на пользу, Рик. — заботливо произнес Арун.

Он наблюдал, как она вышагивает по гостиной. Он мог понять ее волнение. Все развивалась слишком стремительно, причем в том направлении, о котором они совсем недавно и не помышляли. Желания имеют свойство сбываться, только вот откуда он мог знать, что радость будет замешана на боли.

Ему позвонил отец, после двух недель молчания. Он сказал, что хочет видеть свою будущую невестку в своем доме. Она должна войти в семью и получить его благословение. Это было как удар по его измученной совести. Потому что первой мыслью тогда была мысль о Хиран. О темных, доверчивых глазах. Об улыбке, которой она улыбалась ему в день своей свадьбы с Колином. И о прощении, которое она так легко ему подарила, и которое он не заслуживал. Он должен был заботиться о ней. Обязан был сделать счастливой. Он знал Хиран всю жизнь, она была его другом, его сестрой. Доверчивой и ранимой невестой, и он ее подвел. Никогда ему не отмыться и не простить себя за то, что сделал.

Хиран сказала ему, что это судьба. Но он знал, что именно поступки людей определяют их судьбу.

Но потом он подумал об Эрике и о том, сколько боли принес ей, когда отказался от нее. Еще одна женщина, которую он любил, но принес только разочарование. Она была

обеспокоена его состоянием, но он не мог с собой ничего поделать. Как объяснить ей, что когда смотрит на нее, то у него внутри все замирает от любви к ней, а от мысли о ребенке, которого она носит, с ритма сбивается сердце. И невольная, постыдная радость охватывает его, когда он думает о том, что она теперь рядом и скоро станет его женой. Но теперь каждый раз ко всему этому примешивается чувство вины и стыда за то, какой ценой ему это досталось. Вернее, какую цену пришлось за это заплатить Хиран. И как он будет смотреть в глаза отцу, когда тот станет давать свое благословение Эрике и их ребенку, когда перед глазами все еще стоит побледневшая Хиран, с отчаянием смотрящая на его отца, когда он отказывался от нее.

— Эрика, ты зря себя накручиваешь, — его не на шутку волновало взвинченное состояние девушки. — Подойди и сядь рядом со мной, милая.

Она охотно выполнила его просьбу, и он прижал ее к себе. Аромат духов наполнил легкие, немного успокоив его самого. Он почувствовал, как она вздохнула и словно отпустила напряжение.

— Мне страшно, Арун. — призналась она.

Он улыбнулся ей и поцеловал в макушку.

— Послушай, языческие жертвоприношения у нас не в ходу, Рик. Так что самое страшное, что тебя ждет, это болтовня моих теток и сестер. Ну и еще миллион ритуалов на счастливый брак, долгие годы, процветание, легкие роды, и еще много-много еды. Так что можешь распрощаться со своей сногшибательной фигурой.

Эрика засмеялась и устроилась в его руках удобнее, положив голову ему на грудь.

— Я и так скоро распрощаюсь со своей фигурой. Стану как грузовик.

— Уверен, зрелище будет потрясающие!

— Арун!

— Ты останешься красавицей, Рик, я точно знаю. К тому же я люблю тебя не за фигуру.

— Да?

— Точно. Твои веснушки сводят меня с ума.

Он видел, что в глазах ее, наконец, тревога сменилась озорством. Она поцеловала его в подбородок.

— Веснушки, — с сомнением повторила она.

— Да. У меня всегда была слабость к веснушкам.

— И много у тебя было таких женщин Арун Джейдев? С веснушками?

— Только ты. Но как только тебя увидел, сразу понял, что у меня к тебе слабость.

Она улыбалась ему, а он не мог на нее насмотреться. И на веснушки тоже. Без косметики они были отчетливо видны на светлой коже. Корни волос чуть отрасли и были рыжеватыми. И ему казалось, что так ее синие глаза более яркие. Или может их такими делала любовь, что светилась в них.

Они еще немного поговорили о поездке в Индию. Эрика хотела бы отложить, но Арун понимал, что надо сделать это как можно скорее. Чтобы успокоить ее он рассказал немного о семье. И примерно о том, что их там ждет. Эрика волновалась о мелочах, что нужно взять с собой, что купить для подарков. Арун понимал и ее страхи, и волнение, и любопытство. И как мог, отвечал на ее вопросы. Но мысли то и дело возвращались к Хиран.

Он доверял Колину. Как никому другому. И был уверен, что друг не обидит ее. Но этого было недостаточно. От Колина он знал, что Хиран все еще не говорила с отцом. Арун мог представить как это терзает ее. Но так же понимал, что Нараян Притвирадх никогда не

смириться с тем, что его дочь вышла за «оборванца» и живет в таких условиях. Отец Хиран был еще более гордый, чем его собственный.

Он должен был что-то сделать. Для Хиран. Для Колина.

Все могло бы быть иначе, если бы друг перестал топить себя в грязи своего происхождения и понял, что сейчас важнее показать чего ты достиг. Если бы Колин перестал упрямиться и вернулся на работу в компанию, то отец Хиран мог бы не так категорично отнестись к мужу дочери.

Только он слишком хорошо знал друга, чтобы понимать, тот не вернется к прежней жизни, какие бы блага ему это не сулило.

Но разве Хиран этого не заслуживает? Теперь он несет за нее ответственность. Он взял ее в жены. Ради нее Колину придется что-то изменить. А потом Арун понял, что должен был делать.

Ночью, когда Эрика спала, Арун встал, и вышел из спальни, плотно прикрыв за собой дверь. В Индии было ранее утро. Но он был уверен, что отец Хиран уже на ногах. Не давая себе времени на сомнения Арун набрал нужный номер. Он молился, чтобы это не стало самой большой его ошибкой.

— Принцесса, ты должна открыть глаза. Так ничего не выйдет.

Напрасная попытка. Колин провел ладонью по щеке Хиран, она чуть заметно прижалась к его ладони, но глаза не открыла.

Ее первая попытка вождения провалилась. Не случилось ничего страшного, конечно. Колин сидел позади Хиран и полностью контролировал ситуацию. Он попросил Хиран взяться за руль, сам накрыл ее руки своими, и тронулся с места. Он ехал медленно. Отчасти потому что было неудобно, да и небезопасно разгоняться. Отчасти, чтобы иметь возможность понаблюдать за женой, и ее неподдельной радостью. Ей нравилось сидеть спереди и чувствовать ветер на своем лице. Ей явно пришлось по душе ощущение, когда управляешь чем-то вроде его мощного мотоцикла.

Его жена была юной и ранимой. И в тоже время смелой и забавной. А еще в ней была жажда приключений. В их первую встречу она согласилась поехать с ним на мотоцикле. Сейчас же с энтузиазмом решила попробовать научиться тем управлять. Правда, после первой неудачной попытки энтузиазма поубавилось. В какой-то момент их поездки черепашим темпом, Колин отпустил руль. В первое мгновение Хиран по инерции продолжала ехать, а когда поняла, что направляет мотоцикл именно она, то переполошилась. Колин среагировал быстро, вернув управление себе. Но когда остановился, то увидел, что жена сидит, зажмурившись, и что-то бормочет на своем родном языке. Она явно расхотела учиться премудростям вождения, но Колин мог поспорить, что это не надолго. Кстати о спорах...

— Хиран, если ты откроешь глаза, то я расскажу, на что мы поспорили с Аруном.

Результат не заставил себя долго ждать. Она распахнула глаза, и в них незамедлительно появился огонек любопытства.

— Поспорили?

— Незадолго до того, как ты должна была прилететь в Нью-Йорк. Положи руки обратно на руль. Давай.

— На что поспорили?

Колин снова накрыл ее руки своими ладонями. Ему нравилось прижиматься к Хиран со спины, и вдыхать ее неповторимый запах. Он же успел привыкнуть к ее манере ярко одеваться. Еще смешивать слова из двух языков в одном предложении. Он с ума сходил от ее обожающего взгляда. Разве можно так смотреть на человека, которого знаешь так недолго? А она смотрела. И это пробуждало в нем желание делать ее счастливой. Потому что он любил, когда она улыбалась. Он уже понял, что Хиран не из тех, кто будет предаваться унынию. Она так молода, а жизнь ударила ее наотмашь. Но эта принцесса даже не согнулась. Колин мог бы у нее поучиться.

— На что поспорили, Колин-джи? — спросила она, пытаясь развернуться к нему.

— Принцесса, смотри вперед. Мы сейчас снова тронемся. Держись крепче. Настал время попытки номер два.

— Ой, нет! Я не хочу!

— Почему это? Испугалась?

Он хотел бы сказать это с насмешкой, желая ее поддразнить. Но и сам отчетливо услышал заботу в своем голосе. Но какой смысл это скрывать. Он не хотел бы по-настоящему

ее испугать. Эта затея с мотоциклом была лишь для того, чтобы отвлечь Хиран от грустных мыслей о доме. Он знал, что это ее мучает. Не зря же она по сто раз за день замирала возле телефона. То ли ждала звонка, то ли боролась с искушением позвонить самой. Однажды он предложил ей это сделать. И тут же пожалел об этом. Она посмотрела на него грустными глазами и отрицательно покачала головой. Старательно. Очень медленно. И это движение было определенно отказом, и не было похоже на ее неопределенное покачивание, над которым он шутил. Больше эту тему он не поднимал. Но так же он знал, что разговоры о доме Хиран обожала. Стоило ее о чем-то спросить и она рассказывала о своей стране, доме, многочисленных родственниках. По ее рассказам их действительно было очень много.

— Я бы лучше пересела на скутер, — жалобно проговорила она.

— Ну, нет! Моя жена никогда не будет ездить на этом... да приятели меня на смех поднимут.

— Может, я лучше научусь готовить?

— Хорошая попытка, принцесса. Но, увы, я непреклонен. В чем дело, я не пойму? Не бойся. Смотри, дорога ровная, пустынная. Я позади и все контролирую, — он наклонился к ее плечу, оставил на нем поцелуй. Он поцеловал бы ее волосы, но на Хиран был шлем. — Давай. Попробуй еще раз.

— И ты расскажешь, что у вас был за спор с Аруном?

— Да. Обещаю.

— Ладно.

Она поерзала, удобнее устраиваясь на сидении. Колин втянул воздух, стараясь сосредоточиться, хоть его мысли за секунду меняли направление с уроков вождения на более плотские занятия. Он и так старался не думать о Хиран таким образом слишком часто, иначе рисковал свихнуться от постоянного желания. Но как можно было об этом не думать, когда она была так близко и так соблазнительно прекрасна. Колин намеренно искал в ней недостатки, чтобы окончательно не сойти с ума. И не мог найти.

На этот раз Хиран удалось проехать несколько метров, прежде чем она в панике произнесла его имя. И хотя испуг ее был очевиден, ее не пришлось снова уговаривать на новую попытку. Потому что страх был ничтожным по сравнению с азартом. И с каждым разом у Хиран получалось все лучше. Огромный мотоцикл был слишком тяжел для нее и потому Колин не позволил ей попробовать управлять им самостоятельно. Но и того, что она держала руль несколько метров, пока Колин был позади на подстраховке, было достаточно, чтобы привести жену в восторг. В конце Хиран от переизбытка эмоций бросилась в объятия Колина, едва он помог ей снять шлем. Она улыбалась и ее карие глаза лучились.

— Это совсем не похоже на скутер! — засмеялась она.

— Полагаю, так и есть. Тебе идет мотоцикл, — одобрительно кивнул он. — А когда купим тебе кожаные штаны и куртку, будешь смотреться на нем обалденно.

— И твои друзья тебя не засмеют?

Колин сначала было подумал, что она над ним подшучивает. Но посмотрев внимательно понял, что Хиран совершенно серьезна, хоть на ее губах и была улыбка. Ей и правда, не хотелось подвести его. Колин почувствовал, как внутри, в области сердца, что-то сжимается, причиняя почти физическую боль. Что творила с ним Хиран? Этим своим стремлением угодить ему. Не банальное раболепство, а она старается быть хорошей для него. Зачем? Чтобы не пожалел о женитьбе на ней?

— Тебе необязательно это делать, — сказал он, осторожно убирая волоски, прилипшие

к влажным губам Хиран.

— Что делать?

— Угождать мне во всем.

— Но я этого и не делаю, — в недоумении ответила Хиран. — Но обязанность жены делать мужа счастливым. Это значит быть с ним вместе во всем, чтобы он ни делал, верить в него. Я клялась тебе в этом на четвертом круге. Я хочу стать тебе хорошей женой.

— На четвертом круге?

— Когда мы обошли семь раз вокруг свадебного костра, — пояснила она. — Когда ты вел меня за собой первый круг, мы дали обещание делать все для процветания своей семьи, поклялись заботиться друг о друге. Вторым кругом мы сказали, что будем вести достойный образ жизни и заботиться о душе друг друга. Третий круг означает материальное благополучие. Четвертым кругом мы дали обещание сделать все для семейного счастья, ценить, уважать, понимать и любить друг друга. И верить. Пятый круг означает детей. Что семья наша будет расти, а детей мы воспитаем в соответствии с моральными и духовными принципами. Шестой круг — это молитва о долговечности нашего брака, как в этой жизни, так и в последующих. А седьмой, это клятва верности и искренности супругов. Я все это обещала тебе, Колин-джи.

Колину стало страшно. Он и сам не мог объяснить причину, просто слова жены ранили, и он не мог понять как совладать с этим. Эти клятвы имели для нее огромное значение. Но что они значили для него? Он даже не верил, что Хиран останется с ним надолго. Что в один момент не одумается и не решит уйти. Верность? Дети? Любовь? Все это было словно не с ним. О ком-то другом. Но было так легко дать все это девушке, которая доверчиво прижималась к нему сейчас. Так просто поверить в возможность всего того, о чем она говорила.

Он доверил ей свой мотоцикл. Он впустил ее в свою жизнь. Эта маленькая женщина способна изменить его самого. Изменить всю его жизнь. Она уже делает это.

Только Колин не хотел ничего менять. Больше не желал играть чужие роли. Но Хиран... Она заставляла его желать...

Желать ее. Он хотел ее счастливую. Но может ли он сделать ее счастливой, имея то, что есть у него теперь?

Она сказала «материальное благополучие». Наверняка это не квартира над гаражом, не муж, пропахший бензином.

Мысль о счете в банке неприятно кольнула сознание. Хиран не пришлось бы учиться готовить. У нее мог быть повар. У нее могло бы быть все. Большой дом, лучшие платья. Повар, который бы лепил злополучные ладу для нее хоть каждый день. Он мог бы дать ей все это. Но тогда он перестанет быть самим собой. Потому что даже будь он в несколько раз богаче Аруна Джейдева, Хиран все равно не получила бы одобрения своего отца на брак с ним. Потому что в нем течет дурная кровь. Хиран сказала, что для нее это не важно. И, черт все раздери, Колин мог с уверенностью сказать, что так и было. Для нее, но не для ее отца. Не для самого Колина. Это всегда будет иметь значение.

И все же она была в его руках. Красивая, искренняя. От нее пахло миндалем и какими-то цветами. Ее глаза цвета темного шоколада, словно омут затягивали в сладкую негу. Ее губы манили поцеловать. И Колин уже знал как это восхитительно. Она прильнет к нему ближе и выдохнет в его рот, словно поощряя. Он отвез бы ее домой и занялся с ней любовью. Сначала осторожно, отдавая дань ее неопытности и ранимости, потом страстно, когда тело

жены забудет скованность, а разум скромность.

— Я расстроила тебя? — спросила Хиран, озадаченная его долгим молчанием.

— Нет, — покачал головой Колин. — Ты не можешь меня расстроить, принцесса. Но нам пора возвращаться. Мне нужно поработать с кое-какими документами. Завтра утром у меня встреча, надо к ней подготовиться.

— Это будет очень назойливо, если я спрошу, что за встреча?

У нее было такое забавное выражение лица, что Колин засмеялся. Его жена была любопытной.

— Это не секрет, принцесса. Аруну нужна помощь. Он попросил встретиться с одним партнером, и обговорить условия продления контракта.

Глаза Хиран удивленно распахнулись, а губы приобрели форму буквы «о». Колин впервые задумался, а знает ли Хиран о том, что он является равноправным совладельцем «Джейдев-Тейтон индастриз» Судя по реакции — нет. Что же, это было к лучшему.

Вот только это не освобождало Колина от завтрашней встречи. Звонок Аруна не удивил, но расстроил. Он сказал, что завтра необходимо встретиться с одним очень важным человеком. Тот прилетит издалека, отменить встречу нет возможности. А Арун должен будет присутствовать на другой встрече. Выхода не было. Колин время от времени брал на себя подобные обязательства. Так что ему придется надеть дорожный костюм, взять машину и несколько часов прожить жизнь прежнего себя.

— Арун дал тебе работу? — наконец, обретя дар речи, проговорила Хиран.

— Только на завтра.

— Но почему?! — в недоумении воскликнула Хиран, и Колин не смог понять, что в ее голосе преобладало, возмущение, удивление или разочарование. — Вы же друзья! С самого университета! Я же знаю! Почему Арун не может взять тебя на работу. Неужели в его большой компании нет ни одного места для друга. Ты мог бы быть водителем или... О! Ты же ремонтируешь мотоциклы! А ты можешь делать это с машинами?

Колин не знал, что на это ответить. Это было и смешно и нелепо. Было забавно смотреть, как Хиран сердится на Аруна, что тот не помог ему с работой. Но вот желание Хиран найти подходящую должность настораживало. Колин должен был что-то ответить, но не мог решить, что следует сказать. Правду? Тогда, он был уверен, Хиран задаст ему миллион вопросов «почему», вот на них он точно не хотел бы отвечать. Солгать? Да, это было бы лучше всего. Но тут он вспомнил о кругах. Чертовы круги! Какой из них там означал искренность?

Надо было срочно отвлечь жену от нежелательных вопросов. И тут Колин вспомнил о данном ей обещании.

— Теперь Арун должен мне что-то более значимое, чем работа. Он проспорил мне. Знаешь, о чем был спор?

— О чем же? — отвлекающий маневр сработал. — Расскажи! Ты обещал!

— Я сказал, что уговорю тебя прокатиться со мной на мотоцикле. А Арун не верил, что ты на это решишься. Но он плохо тебя знал. Ты сумасшедшая. Не только прокатилась на мотоцикле, еще и замуж за владельца вышла.

Хиран в смущении спрятала лицо на его груди и Колин, наконец, поцеловал волосы на макушке жены.

— Какой был приз?

— Все что я захочу. Самое ценное. Я его уже забрал.

— Что это?

— Сначала посмотри на меня, принцесса.

Она сделала, как он велел. Колин поцеловал Хиран в губы, запустил пальцы в волосы жены, легонько сжал затылок.

— Ты. Получил тебя. Прекрасную принцессу.

— Прекрасную?

— Да. В смешных штанишках. Не умеющую петь и готовить, — она нахмурилась, и Колин подмигнул. — Но за то ловко гоняющую на моем мотоцикле.

Она засмеялась. А Колину до боли захотелось исполнить все клятвы, что они дали друг другу у того свадебного костра. Если бы это было только возможно.

Потребовалось всего пара секунд, что бы Колин понял, кто перед ним.

Этот человек не нуждался в представлении. Отец Хиран. Нараян Бхаскар Притвирадх. Не сказать, чтобы отец и дочь были очень похожи. Может быть только глаза. Вернее взгляд. И все же что-то было. Неуловимое, общие черты, семейное сходство.

Мужчина поднялся из-за стола Аруна, при появлении Колина. Он был не так высок, как мог показаться, сидя за столом. Потому как был широк в плечах, все еще подтянут. Смуглая, гораздо темнее, чем у Хиран, кожа контрастировала с седыми волосами. А вот глаза, точно такого же цвета, как и у дочери этого мужчины не пытались скрыть интереса.

А Колину захотелось трусливо сбежать. Ему не привыкать. Первый раз он сбежал еще подростком. Вырвался из убогой жизни, с вечно пьяной и гулящей от мужика к мужику, матери. От нищеты. И у него получилось. Колин добился всего, что захотел. Может даже больше, на что мог рассчитывать.

Во второй раз он сбежал от материального благополучия, которое, как оказалось совсем не меняют человека в лучшую сторону. Деньги только смывают внешнюю грязь, придавая безупречный лоск снаружи, прикрывая гнилую начинку. Это не плохо, но тогда лучше держаться ото всех на расстоянии. Потому что, сближаясь, уже невозможно скрывать, кто ты есть на самом деле. Бывшей жене Колина потребовалось немного времени, чтобы понять, что она стала женой человека с дурной наследственностью и никакие деньги не компенсировали ей это открытие.

А сейчас наступил третий раз, когда Колин хотел закрыть за собой дверь с обратной стороны. Но не из-за себя. А из-за девушки, которая назвала себя его женой. Которая за короткое время стала частью его жизни, вошла в его дом и наполнила его цветами индийских нарядов.

А теперь перед Колином стоял ее отец. И не нужно быть гением, чтобы понять, Хиран снова получит удар со стороны близкого человека. Если бы Нараян Притвирадх хотел простить дочь, он не стал бы устраивать эту встречу вдали от нее. Хиран ожидала этого, она каждый день желала позвонить домой, но страшилась услышать, что и ее родные откажутся от нее. И вот этот момент настал и Колин боялся того момента, когда должен будет ударить жену этой правдой.

И от жалости к Хиран у Колина сжалось сердце. Эта девушка ни в чем не была виновата. Так почему именно она должна была расплачиваться за проступки других людей. Злость на Аруна, его отца, а теперь вот еще и на отца Хиран поднялась внутри, проясняя голову. Черта с два он позволит еще кому-то из них обидеть Хиран. И если для этого надо было еще немного поиграть в прежнего Колина Тейта, совладельца компании «Джейдев Тейтон Индастриз», что же, так тому и быть.

Колин уверенно прошел в кабинет друга, которому лучше в ближайшие пару тысяч лет не попадаться ему на глаза, и протянул руку мужчине.

— Колин Тейт, — представился он, хотя и был уверен, что отец Хиран знает кто он такой.

Мужчина в ответ пожал руку Колина.

— Нараян Притвирадх. Но полагаю, что представления излишни. Мы оба знаем друг друга.

Пожатие отца Хиран было крепким и долгим. И к удивлению Колина в нем не было пренебрежения или желания поскорее отделаться. Нараян Притвираджд словно был рад знакомству с новоиспеченным мужем своей дочери.

— Итак, мистер Тейт, вероятно, нам есть что обсудить. Сядем.

Мужчина указал на кресло возле стола. Сам же занял соседнее.

— Я давно хотел познакомиться с другом Аруна, о котором он много рассказывал. Я так же видел вас на фотографиях, которые присылал Арун моей дочери.

— Польщен таким вниманием. Но, позвольте спросить, почему надо было наводить столько таинственности. Если бы Арун сказал, что вы хотите видеть меня, я бы пришел. Мне тоже есть, что сказать.

Было видно, что отец Хиран удивлен и... доволен?

— Признаю, что и сам бы предпочел действовать открыто, мистер Тейт, но дело в том, что нам надо поговорить. И принять важное решение. И я не хотел бы, чтобы Хиран слышала наш разговор.

Ну, что же, Колин убедился в собственных предположениях. Он подумал, как ему сказать жене, что ее отец не хочет ее видеть. Как она отреагирует? Заплачет? Или с верой в глазах и тихой грустью снова станет утверждать, что это судьба?

— Почему вы женились на Хиран, мистер Тейт? Это правда, что именно моя дочь была инициатором свадьбы?

— Вы сами ответили на свой вопрос, мистер Притвираджд. Я женился на Хиран, потому что она меня попросила.

— Очень странно, не находите? Вы бы женились на любой девушке, которая попросила бы об этом.

— Ну, никто не просил, до нее. И Хиран не любая.

— Верно. И все же, Арун рассказал мне, что последнее время вы живете очень... скромно. Несоответственно тому, что можете себе позволить. А мне известно, на что вы способны. Я давний друг семьи Аруна и он мне как сын. Так что когда он делал успехи в учебе, а затем и в создании собственного бизнеса, я радовался за него и во всем поддерживал. Но я так же знал, кто был с ним рядом на протяжении всего этого времени. Вы полноправные совладельцы компании. У Аруна нет более близкого друга, чем вы мистер Тейт. Я знаю о вас гораздо больше, чем вы думаете.

— К чему вы ведете?

— К тому, что я знаю о вашем разводе и его причинах. Мне известно, почему вы так резко изменили свою жизнь. Что вместо руководства компанией, которую с таким трудом вели к успеху вместе с Аруном, предпочли стать автомехаником и загубить свою жизнь, прозябая в гараже.

— Аруну стоило бы быть менее болтливым. Я уже несколько недель сомневаюсь в том, одинаковые ли у нас с ним понятия дружбы, — совсем беззлобно сказал Колин.

И вдруг понял, что и в самом деле не злиться на Аруна. Потому что понимал, зачем друг рассказал все о нем отцу Хиран. Хотел смягчить удар? Полагал, что если расскажет, что Колин может больше чем ковыряться в мотоциклах, Нараян Притвираджд будет более снисходителен к выбору дочери?

— Мистер Тейт, давайте я сразу кое-что проясню. Мне безразлично, кем были ваши родители. Если бы когда-нибудь, вы приехали в Индию, например, вместе с Аруном, то были бы желанным гостем в моем доме. Но так сложились обстоятельства, что вы вошли в мою

семью не как гость, а как муж моей дочери. И я пока не принял окончательного решения, как к этому относиться.

Нараяну Притвираджу удалось удивить Колина. Не решил, как к этому относиться? Быть в ярости, например. Негодовать. Колин ожидал что-то подобного. И был готов к этому. Но только не к спокойной рассудительности отца Хиран. Но Колин так же чувствовал, что, несмотря на видимую доброжелательность, не все так просто. А потому предпочитал молчать и слушать. Он должен был понять, что хочет этот мужчина и решить, как смягчить удар для Хиран.

— Колин. Ведь я могу так обращаться к вам? В конце концов, вы мой зять, и с этим я уже ничего не могу поделать. Арун подтвердил, что обряд был совершен по всем правилам. А значит, что бы я ни думал, вы муж моей дочери. Так мы можем перейти на менее формальный тон?

— Конечно, — кивнул Колин. — Называйте меня как вам удобно.

— Так вот, Колин, судя по тому, что я слышал о вас от Аруна, а я все еще склонен ему доверять, вы умный и талантливый молодой человек. И я боле чем уверен, что вы могли бы быть достойной партией моей дочери. Конечно, не стану отрицать, что мы много лет, с моим другом мечтали поженить наших детей и тем самым уже окончательно объединить наши семьи. Но моя мать, благослови ее Бог, любит мне говорить, что всевышнему не важны планы людей. Он сам выбирает нам судьбу. И моей Хиран не суждено было пройти свадебный обряд с Аруном. Возможно, если бы я сразу же прилетел, то моя глупенькая дочь не успела бы наделать глупостей. Но я положился на слово Ариджиты, он заверил, что все уладит. Потом позвонил и сказал, что свадьба состоится. Не успели мы все вздохнуть с облегчением, как пришла весть, что Хиран вышла замуж. И никто не может меня винить в том, что я был в ярости. Сейчас же, все, что я хочу, так это поступить правильно. Ирония судьбы, что именно Арун помог мне принять решение.

— Пока что я не совсем понимаю, к чему вы ведете. Но я рад, что в отличие от вашего друга, который выместил свой гнев на невинную девушку, вы не злитесь на Аруна.

— Вам просто повезло встретиться со мной именно теперь, когда я прошел через гнев. Когда мне сообщили, что Арун расторг помолвку, а потом, когда одумался он, уже моя дочь, словно безумная вышла замуж за вас, то я был менее благосклонен. И к собственному стыду едва не поддался на уговоры Ариджиты и не предпочел сделать вид, что моя дочь умерла. Я не хотел думать, что она опозорила меня, поправ все традиции и моральные принципы. Мне потребовалось время, чтобы понять, Хиран слишком юна и неопытна. Импульсивна, как когда-то была ее мать. А Арун, в конечном итоге, он хотел поступить правильно.

Колин еще толком не понимал, что хочет от него отец Хиран. Но уже чувствовал, что тот начинает нравиться ему. Нараян Притвирадж, владелец тростниковых полей, текстильной фабрики и тому подобное был лишен преувеличенного высокомерия и надменности. Когда Колин только вошел в кабинет Аруна, отец Хиран сидел во главе стола. Он мог сесть так же при разговоре с нежеланным мужем дочери. Но предпочел устроиться в соседнем кресле. И, тем не менее, не пожелал пройти вглубь кабинета, где стоял диван и кресло для более неформальной беседы. Потому как они явно пока были по разные стороны. По разные стороны чего? Или кого? Хиран?

Он подумал о жене, с которой занимался любовью полночи. И о том, что не мог оторваться от нее утром, чем смущал ее. А она, не смотря на стыдливость, охотно отвечала на его поцелуии прижималась к нему, когда он обнимал. И самому захотелось улыбнуться

от воспоминания, когда она рассмеялась на его запрет экспериментировать в готовке сегодня, потому что решил отвести ее в индийский ресторан и заказать ей столько этих злополучных ладу, сколько она пожелает.

Но он так же не мог забыть, что Хиран вышла за него из-за отчаяния и глупой попытки спасти от нежеланного брака Аруна. И поплатилась за это. А теперь настал тот момент, которого она так боялась. Откажется ли от нее отец.

Совсем недавно Клинт даже не знал Хиран лично, она для него была только именем в рассказах Аруна или еще одним лицом на фото с многочисленными родственниками. А теперь эта девушка дарит ему дни, наполненные сладкими поцелуями, запахами миндаля и сандала, звоном тоненьких золотых браслетов. Он успел привыкнуть к странным обрядам, что она проводила. Ставила красную точку ему на лоб каждое утро и иногда сама же ее стирала, понимая, что он не выйдет с ней из дома. Она и сама ставила точку себе на лоб и почему-то очень ей гордилась, говорила, что это знак замужества. Иногда она обходилась без нее, но вот со «свадебным ожерельем» — мангалсутрой не расставалась. Она купила в его дом статую своего бога и иногда скороговоркой что-то ему напевала, бросая взгляды на Колина, словно он мог бы посмеяться над ней. Хиран наполнила его убогий дом жизнью, и он хотел, чтобы она улыбалась. И если есть хоть маленький шанс исправить ее отношения с отцом, которого она, несомненно, обожала, то Колин был готов на все.

— Значит, вы больше не злитесь, — уточнил он, пытаясь прощупать почву. — Вы простили Хиран?

— Кто же, если не родители должны прощать своим детям ошибки. Наш долг прощать и направлять. Арун и Хиран оступились. Наверное, это и наша с Ариджитом вина. Теперь пришло время помочь детям все сделать правильно.

— Что вы собираетесь делать?

— Я хочу увидеть мою дочь.

Колин вспомнил, чем закончилась встреча жены с отцом Аруна. Он помнил ее полные боли глаза. Отец Хиран производил хорошее впечатление, но еще не сказал ничего определенного. И Колин пока не был расположен ему доверять.

— Я не позволю ее обижать. Понимаю, что я не тот, кого вы бы хотели видеть рядом с Хиран, но ее вины в этом нет. То, что это она попросила жениться на ней, не значит, что она должна нести за это ответственность.

Может, у него и не было права говорить такое этому мужчине. Но сейчас Колину было плевать. Его принцесса не заслуживает удара еще и со стороны собственного отца. В конечном итоге он женился на ней и повторял те замысловатые клятвы. И он обещал жениться на ней по законам Соединенных Штатов.

— Хорошо. Рад это слышать, — это звучало вполне искренне. Колин мог даже сказать, что таким ответом отец Хиран остался доволен. — Хочу заверить, что и не собирался обижать Хиран. Она моя единственная дочь. Наследница всего, что я имею. Она бриллиант моего сердца.

— Тогда что вы хотите сделать? — повторил Колин свой вопрос.

Мужчина долго молчал. Он не отводил своих темных, как у Хиран глаз, позволяя читать в них. И тут впервые с начала их разговора Колин увидел решимость.

— Я хочу забрать Хиран домой.

— Она моя жена.

Слова вырвались прежде, чем Колин успел остановить их. Прежде, чем успел скрыть в голосе собственнические нотки. Он и сам не понял, откуда это взялось. Только в ту секунду как он услышал слова Нараяна Притвираджа, Колин готов был начать спорить. А уже в следующую понял всю неизбежность происходящего. Разве не этого он ожидал, с самого начала полагая, что Хиран ненадолго задержится в его жизни. Но тогда он не знал, как глубоко она проникнет в его кровь. Но это были только его проблемы. Не время думать о том, что хочет он. Хиран лучшее, что случилось с ним в жизни. Но все лучшее не имеет склонность длиться долго.

— Хиран ваша жена, это никто и не оспаривает. Я не собираюсь в срочном порядке подыскивать ей жениха и выдавать замуж. Вы совершили свадебный обряд в присутствии священнослужителя и свидетеля. Хорошо бы еще зарегистрировать брак официально, но мы свято следуем традициям и вере, и обряда уже достаточно для нас, чтобы считать брак законным. Это не измениться. Но я хочу, чтобы моя дочь жила так, как того достойна. Соответственно ее положению и воспитанию. Надеюсь, что вы не станете препятствовать ее отъезду.

Горло Колина сжалось.

— Я обещал ей, что если она захочет уйти, я ее отпущу.

— Почему? Моя дочь стала вам плохой женой?

Колин едва не рассмеялся. Так странно. Он много раз слышал от Хиран, что она хочет стать ему хорошей женой. Откуда ему было знать, какой должна быть хорошая жена. А эта экзотическая птичка знала. Говорила, что быть хорошей женой, значит делать его счастливым.

— Вы же сами знаете, такого не может быть. Хиран прекрасный человек, она будет лучшей, за чтобы ни взялась.

— Тогда почему вы пообещали отпустить ее?

— Потому что мне, так же как и вам понятно — я не тот, кто ей нужен. Она заслуживает кого-то получше, чем я. Но когда она стала моей женой, я принял на себя обязательства по отношению к ней. Но я так же осознаю, почему она стала моей женой. Я не в праве ее заставлять оставаться со мной. И если она захочет уехать с вами, я не стану ей препятствовать.

Все чего хотел Колин, это встать и уйти. А потом поехать домой, посадить жену на мотоцикл и увести ее так далеко, чтобы никто, в том числе и Нараян Бхаскар Притвираджд, никогда ее не нашел. Но так же он знал, что не имеет права. Когда Хиран стала его женой, у нее не было выбора. Она оказалась в отчаянии и была испугана. А когда все случилось, то смело вошла в новую жизнь и поставила цель стать ему хорошей женой. Она ею и была. Каждый день. И Колин мог быть только благодарным ей за это время. Лучшее время. Возможно, он поступил как подонок, сделав ее своей в полном смысле этого слова, но не мог сожалеть об этом. Это все, что он мог у нее взять, и это останется с ним. Он не мог требовать от Хиран больше, чем уже получил.

Взгляд Нараяна Притвираджа потяжелел. Он вздохнул и принял уверенный вид.

— Это был не правильный ответ, сынок.

— Что это значит?

— Теперь уже не важно. Я забираю свою дочь.

— Я уже сказал, что не стану ей мешать. Если она захочет...

— Она не захочет. Поэтому я предпочел встретиться с вами наедине, прежде чем

встретиться с Хиран. Моя дочь самый замечательный человек. И, несмотря на ее недавний бунт, последствия которого мы с вами сейчас улаживаем, она остается самой послушной и традиционной девушкой. Она знает, как должна себя вести жена, она осознает, в чем состоит ее долг. И она не уедет, по собственной воле. Вы, Колин, должны ее убедить.

Колин обещал ее отпустить. Он повторял про себя это много раз. Он нашел бы в себе достаточно силы, чтобы не пытаться ее остановить. Но все в нем воспротивилось от мысли, что он сам должен ее убедить уехать. Синоним — прогнать. Он не станет в этом участвовать. Он не просил ее в свою жизнь. Но Хиран вошла в нее, заставив ненадолго поверить в то, во что уже перестал верить. И он не был идиотом, и уж тем более не обладал благородством, чтобы самолично лишиться лучшего, что появилось у него.

— Вам придется сделать это, Колин, — категорично заявил отец Хиран, словно прочитав его мысли. — Я сказал, что еще не принял окончательного решения по отношению к дочери. Потому что все зависит от вас. Я прощу Хиран, для ее спокойствия благословлю и одобрю ваш с ней брак. Потом увезу ее в Индию. Вы поможете мне ее убедить навестить родных. Например, якобы показать им, что с ней ничего плохого не случилось. Думаю, если мы оба настоем на ее поездке, она не станет противиться.

— Вы собираетесь обмануть ее?

— Не совсем. Я действую в ее же интересах. Родные действительно беспокоятся. Особенно ее бабушка, моя мать. Так что Хиран успокоит их своим возвращением. Мы все преподнесем так, словно она в скором времени вернется к вам. Но я смогу задержать ее дома подольше. А потом, и вовсе остаться.

— Я не стану в этом участвовать. Я сказа, что сделаю, как хочет Хиран, но обманывать ее не стану.

Колин поднялся, потому что разгорающийся костер протеста уже не позволял ему спокойно сидеть в кресле и вести вежливую беседу. Весь этот разговор стал казаться неправильным.

— У вас нет выбора, — твердо произнес Нараян Притвирадх, поднявшись следом за Колином. — Хотя, — поправил он себя. — На самом деле я как раз и дал вам выбор. Я предоставил его в начале разговора, и вы сделали первый неправильный выбор. Теперь я даю еще один. Правда он уже не будет легким. Так вот, мистер Тейт, вы либо помогаете мне убедить Хиран вернуться со мной в Индию, либо я откажусь от нее, сделав так, как советовал мне Ариджит — признаю свою дочь умершей. Моя дочь попросила вас жениться на ней. Она сама приняла это решение. Теперь предстоит решать вам, какие это будет иметь для нее последствия.

Нараян Притвирадх бессовестно лгал. Не было у Колина никакого выбора.

Галстук стал удавкой и не позволял воздуху спокойно проникать в легкие и Колин дернул за узел, ослабив его. Потом отвернулся от мужчины, смотревшего на него как ястреб, и подошел к панорамному окну, открывающему вид на Нью-Йорк. Город, который дал ему все, что он захотел однажды получить. А потом Колин отказался от всего, ни минуты не сожалея. Он добивался успеха большим трудом. Они с Аруном пробивали себе дорогу, порой терпя неудачу, но не сдаваясь. Никогда не было легко. И все же Колин легко оставил все позади.

Хиран досталась ему легко. Просто в один день села на его мотоцикл позади него и осталась. Никаких усилий ему не потребовалось, чтобы получить эту принцессу. Ничего ему так легко не доставалось, как Хиран. Но он и предположить не мог, что ему так трудно будет

от нее отказаться.

Хотелось послать, стоящего позади него, мужчину к черту. Развернуться и уйти. Но они оба знали, что Колин этого не сделает. Ему просто была необходима минута. Чтобы открыть рот, набрать в легкие воздуха и сказать ответ. Один единственный возможный. Он сделает все, как скажет ее отец. Обмануть ее? Колин знал, что это своего рода предательство. Но возможно она никогда об этом не узнает, а со временем и вовсе будет рада, что может остаться с родными, которых любила и о которых с такой радостью рассказывала. Колин прекрасно понимал, что расставание с ним, с мужем, которого она толком и не знает, и вполнину не будет таким страшным, как если от нее откажется отец.

— Поехали, — коротко сказал Колин, поворачивая к выходу из кабинета. — Вы хотели повидать дочь.

Он вышел, не дожидаясь отца Хиран. Все формальности и вежливость уже не имели значения. Нужно действовать быстро. Потому что никогда он так не был близок к тому, чтобы стать вором и не смотря ни на что заполучить самый ценный бриллиант.

Хиран не ждала его так скоро. Когда он открыл дверь, она выбежала из ванной. Видимо принимала душ, уже успела одеться в свои любимые широкие штаны и удлиненную рубашу, нежно-голубого цвета. Ее волосы все еще были влажными и казались темнее, чем были на самом деле. А еще она была босая.

Увидела его и заулыбалась. Шагнула ему на встречу. В другой день он дождался бы, когда она подойдет, и поцеловал бы жену. А она бы засмушалась, но ее глаза сияли бы довольным блеском. И она прошептала бы ему «Добро пожаловать домой, муж». Иногда бывало, он подходил первый, и тогда Хиран казалась еще счастливее. А сейчас... Сейчас она замерла на полпути к нему, когда заметила, кто вошел следом за ним.

Все произошло буквально за минуту. От того момента как она вышла из ванной комнаты и до того, как она узнала в вошедшем своего отца. Но Колин, словно в замедленной съемке наблюдал, как ее радостная улыбка на мгновение застыла на красивых губах, как светящиеся озорством глаза, распахнулись в неверии, а потом в удивлении. Как жена ошеломленно силилась что-то сказать и не могла. А когда спустя несколько секунд пришла в себя, то побледнела в волнении.

Колин почему-то думал, что когда Хиран увидит отца, то бросится к нему, обрадуется. А она с мольбой в глазах застыла посередине комнаты, не смея пошевелиться и, не отрываясь, смотрела на гостя. Эта минута, казалось, длится целую вечность.

Но стоило Нараяну Притвираджу сделать шаг навстречу дочери, как она тут же сама подошла, наклонилась и с почтением коснулась его ног. Отец же взял дочь за плечи и помог подняться. По лицу Хиран потекли слезы.

—Betī (дочка), — тихо сказал он.

И Хиран громко всхлипнув и зарыдав, бросилась в объятия отца, повторяя снова и снова «Рара, Рара» (папа). Колин отошел от них, не мешая этим двоим радоваться встрече. Он мог злиться и противиться словам Нараяна Притвираджа, но не мог отрицать, что Хиран счастлива сейчас в объятиях своего отца. Мужчина же ласково гладил дочь по голове, что-то говоря на хинди, и видно было, что тот искренне любит ее. Он осторожно отстранил ее от себя, вытер слезы с лица и поцеловал в лоб.

Хиран же, видимо желая разделить с кем-то свою радость, нашла Колина глазами, и ее лицо опять осветилось улыбкой, а от того, что в глазах до сих пор стояли слезы, ему показалось, что они блестят как драгоценные камни. Колин улыбнулся ей в ответ. И тут она неожиданно высвободилась из объятий отца, подбежала к Колину и обняла его. От близости ее тела, от ее искренней радости тепло разлилось по всему телу, и он на мгновение прижал жену к себе. От ее волос пахло шампунем и Колин поглубже вдохнул пряный аромат.

А потом она засуетилась. Пригласила отца сесть, поставила вариться кофе. Беспокоилась, не голодны ли они. Колин не мог бы сейчас проглотить ни кусочка, а ее отец заверил, что недавно поел. Но от кофе не отказался. Хиран была так счастлива, что будто не замечала, какими глазами ее отец обводит место, где теперь жила Хиран. От Колина не укрылось, с каким отвращением и, пожалуй, недоумением его тесть посмотрел на вытертый линолеум, на диван, куда его усадила Хиран. Колин знал, что этот мужчина заметил каждую деталь их скромного жилища и мог с легкостью распознать гнев гордого отца за оскорбленную дочь, который сверкнул во взгляде Нараяна Притвираджа. Что же, Колин

никогда не отрицал, что сияющему бриллианту тут не место.

А она, несомненно, сияла. Никогда Колин не видел Хиран такой счастливой.

И тут он вспомнил... Однажды. Всего однажды, он мог наблюдать за бесконечной непосредственной беззаботностью юной Хиран. В тот солнечный день на пляже, когда она кружилась на мокром песке и пела, утопая ступнями в прибое. И больше никогда...

Даже когда любил ее ночь за ночью, воспламеняя ее страстью, покоряя ее нежностью. Когда целовал ее губы и ласкал стройное тело, проводил своими мозолистыми, жадными руками по ее шелковистой коже. Он чувствовал в ней тихую грусть. Она попала в западню и смирилась. Она говорила ему на хинди «любовь моя».

Хиран не лгала. Колин знал, мог поручиться, что эта чистая, как самый ценный бриллиант, девушка всем сердцем в это верила. Она не приспособливалась, не лукавила. Она шагнула в его жизнь и готова была отдать ему все. Свое тело, свое сердце, свою душу. Колина передернуло. Семь жизней.

Но был ли у нее выбор.

Он был уверен, что если спросит ее сейчас, она, не задумываясь, ответит, что он ее судьба. Что все так, как и должно быть. Но Колин знал, что это не так.

Он стоял в стороне и смотрел, как Хиран, немного успокоившись, снова прильнула к отцу. Как едва задерживает дыхание, словно все еще не может поверить, что тот с ней и не отказывается от нее. Милая Хиран, наверное, даже сама не замечает, что кончиками пальцев гладит отца по руке и тихонько вздыхает. И надо отдать должное Нараяну Притвираджу, тот и сам не скупился на ласку. Мужчина не улыбался, но все его лицо выдавало радость отца, обнимающего дочь. Они были семьей. Хиран любила и уважала своего отца. И мысль о том, что она подвела его, так долго делала ее несчастной.

А сейчас Хиран была счастлива. Она задавала отцу вопросы о семье, он отвечал, она светилась от радости. Она болтала, смешивая хинди и английский сама не замечая. Колин никогда не слышал, чтобы она так много говорила. Когда у нее закончились вопросы, то она стала рассказывать, где побывала в Нью-Йорке, куда возил ее Колин. Потом совершенно не думая, что отец мог бы этого не одобрить, гордо похвасталась, что почти научилась управлять мотоциклом.

Потом она снова забеспокоилась, что мужчины голодны и с какой-то детской непосредственностью и смущением призналась отцу, что так и не научилась готовить. Колин хотел напомнить ей, что у нее было не так-то много времени научиться, но не стал. Потому что осознание, что Хиран была в его жизни всего каких-то несколько недель, отдалась тупой болью в груди. Потому что он понял очевидное. Ее отец прав. Хиран должна поехать домой.

Чтобы дать себе некоторое время, на осмысление данного факта, Колин поддержал жену с идеей поехать, и вызвался съездить в индийский ресторан за обедом. Он только несколько секунд смотрел на Хиран, но она лишь благодарно улыбнулась ему, а потом снова посмотрела на отца. Колин взял ключи от машины и вышел.

Он хотел бы вывести из гаража мотоцикл и гнать на высокой скорости куда глаза глядят. Но находился в странном оцепенении, которое не мог объяснить. Он знал, что так случится. По крайней мере, пока не потерял голову от Хиран и не ослеп от ее сияния. Он же сам ей не раз говорил, что настанет момент, когда он должен будет ее отпустить. Так отчего сейчас ему хотелось жестко встряхнуть ее и заставить забыть обо всем, что случилось этим утром. Вернуться во вчерашний день вместе с ней и наплевать на разум и здравый смысл.

Представить, что нет никого кроме них двоих. Ни ее семьи, ни его сомнений. Поверить ее утверждениям о судьбе, о любви. Он бы отдал свой мотоцикл без сожаления, только за еще одно утро, в котором Хиран поставит ему тiku (так она называла ее) на лоб и позволит стереть ее.

Он вернулся через час, с пакетом еды. Хиран встретила его радостная и сияющая. Но ее отца в квартире не было. Колин едва успел поставить еду на стол, как Хиран бросилась ему в объятия и прижалась. Он подхватил ее, обнял, позволил себе это запретное удовольствие, чувствовать ее стройное тело в своих руках.

— Принцесса...

— Это самый счастливый мой день, Колин-джи! — улыбаясь, сказала Хиран и от переполнявших ее эмоций спряталась у него на плече лицом. — Я похожа на сумасшедшую?

— Совсем чуть-чуть. Но мне нравится, — ласково ответил он. — Где твой отец?

— Он поехал к Аруну. Сказал, что остановился у него, и хочет немного отдохнуть. Жаль, что нет возможности пригласить его остаться у нас. Но я думаю, что так тоже хорошо, мой папа очень любит Аруна. Папа сказал, что обещал пообедать с ним.

— Тебе тоже стоит поесть, принцесса.

— Я ужасно голодная! — засмеялась она, а потом покачала головой. — Но я не могу есть. Я слишком волнуюсь. У меня голова кружиться!

— Тебе нехорошо? — Колин заволновался, потому что мог легко поверить, что любому станет нехорошо от такого переизбытка эмоций и перевозбуждения, а уж такой пичужке как его жена и подавно.

— Мне очень хорошо! Очень! — она отмела его опасения. А потом вывернулась из его рук и к счастью не заметила, как он напрягся, не желая ее отпускать. — Но ты, наверное, тоже голодный. И я буду тебя кормить. Пойдем Колин-джи! Я буду прислуживать тебе за столом!

— Хиран...

— Как вкусно пахнет! — она сунула нос в пакет и глубоко вдохнула. — Похоже на то, как пахнет на кухне, дома, в Индии. Ой! Ой, это же... Это... — она извлекла из пакета коробку, перевязанную бечевкой, и со счастливой улыбкой снова посмотрела на Колина. — Ладу!

Колин сглотнул подступивший к горлу ком, когда по щекам Хиран полились слезы. Она не всхлипывала, и глаза ее по-прежнему сияли.

— Я думала, что никогда больше не увижу его, — тихо прошептала она, словно объясняя свои слезы.

— Ладу? — уже зная, что она на самом деле имела ввиду, все же попытался пошутить он.

— Папу, — сказала она и отвела взгляд. Поставила коробку на стол, потянула за шнурок, открыла. Дрожащими пальцами взяла один желто-оранжевый шарик обсыпанный орехами и кунжутом и подошла к Колину. — Попробуй. Это так сладко.

Колин как заколдованный, не прерывая контакта с ее взглядом, послушно надкусил угощение. Действительно, было сладко. От ладу на его языке. И горько, от всего того, что их окружало. Колин отвел руку Хиран, от своего рта и направил к ее губам. Она тоже надкусила угощение, зажмурившись от удовольствия. Он смог держать себя в руках несколько секунд, пока жена смаковала ладу, а потом наклонился и поцеловал жену в губы, с приставшими на

них кунжутными зернышками. Ее глаза распахнулись, но почти сразу снова закрылись. Оставшееся не съеденным ладу выпало из ее рук, и она обвила ими Колина за шею.

Его сладкая принцесса. Слаще ладу. Ценнее любого бриллианта. Ее губы раскрылись навстречу его рту и Колин не сдерживаясь, проник в эту сладость языком. Он хотел ее всю, без остатка. Целовал ее и делался безумным от ощущения ее близости от понимания ее доверия ему. Колин подхватил Хиран на руки и отнес на диван. Сел сам и усадил жену на колени. Она откинулась ему на руку, позволяя целовать ее лицо, шею, ключицы. Ее пальцы зарылись в его волосы на затылке и слегка натянули, посылая волну дрожи по его позвоночнику. Каждый поцелуй возбуждал его все больше, ему было мало. Он становился все более жадным с каждой секундой. Уже зная, где находятся застёжки на ее наряде, Колин прошелся пальцами по спине жены, расстегивая маленькие крючочки на ткани ее туники, расположенные вдоль позвоночника. Спустил с плеч тонкую ткань и открыл для своего взгляда совершенной формы грудь, прикрытую простым, без кружев и украшений бюстгалтером. Но смотреть было мало. Его губы хотели ее коснуться и Колин не стал себе в этом отказывать. Он хотел бы снять последнюю преграду на своем пути, но знал, что Хиран проще и спокойнее постепенно отдаваться страсти, а стремительность ее еще пугает.

И поэтому Колин позволял себе целовать ее плечи, ключицы, и грудь, там где она была открыта. Но постепенно он пробирался все дальше и дальше, и по мере того как он приближался к заветной цели, Хиран все больше распалась. Колин чувствовал ее дрожь, которая передавалась ему, усиленная стократно. Он слышал ее прерывистое дыхание и сам с трудом дышал. Когда Колин, преодолевая желание тут же стянуть с Хиран оставшуюся одежду и уложить на диван, все же избавил ее от лифчика и коснулся губами затвердевшей вершинки, Хиран тихо застонала и выгнулась навстречу его губам. Они делали это и раньше, и Колин знал, что теперь может быть смелее, но намеренно медлил. Он ласкал грудь жены то жадно и страстно, то отступал и лишь едва касался ее кончиком языка. Хиран же все сильнее сжимала его волосы на затылке, принося Колину боль и стонала, неся ему наслаждение.

Он хотел ее так безумно, что было больно дышать. Воздух едва проникал в легкие, но казалось, не насыщал, а с тяжелым толчком вырывался наружу. Сердце оглушительно билось, разгоняя кровь, словно в несколько раз загустевшую.

Он посмотрел на лицо Хиран и в который раз поразился ее красоте. А сейчас она была поразительно прекрасна. С закрытыми глазами и трепетавшими черными ресницами, с лихорадочным румянцем на щеках, с влажными губами, приоткрытыми в попытке вдохнуть глубже. Она была совсем другой в его объятиях, в минуты страсти. Она принадлежала ему.

Не в силах больше противостоять жгучему желанию, ненасытной потребности в ней, Колин стал стягивать с жены оставшуюся одежду, и она распахнула глаза, только теперь опомнившись. На мгновение заволновалась.

— Но еще не ночь... — растерянно, но не протестуя, пролепетала она и втянула в себя воздух, когда Колин, стащив с нее широкие штанишки вместе с трусиками, прижался губами к ее животу, чуть выше пупка, а потом принялся покрывать поцелуями ее бедра, колени, затем возвращался и прокладывал дорожку из поцелуев к груди. Он целовал ее с жадностью вора, укравшего единственный в мире бриллиант.

— Пожалуйста. Пожалуйста, моя принцесса. — умолял он снова и снова.

Когда Колин оторвался от жены, чтобы раздеться самому, то не смог отвести взгляд от обнаженного тела, расprostертого перед ним на диване, и едва не сошел с ума, когда Хиран

протянула к нему руки, желая, чтобы он вернулся в их сладостный плен. Он плохо соображал от возбуждения, но все же вспомнил о защите. После той первой брачной ночи, хоть и среди белого дня, Колин не позволял себе оплошности, заботясь о презервативах. Но сейчас искушение было так велико. Наплевать на все и поступить как подонок, в последней попытке удержать неудержимое. Забыть о защите и отдаться во власть инстинктов, надеясь на лучшее, а может, в тайне желая иного исхода.

Но не посмел. Он был не лучшим выбором Хиран, он не мог дать ей всего, что она заслуживала, но поступить с ней так он не мог. Она ему доверяла.

Она обняла его так крепко, как только могла, когда Колин развел колени жены и опустился на нее, отгораживая ее стройное тело от дневного света, касаясь ее кожи своей, делясь с ней жаром и неистовой дрожью, еще пока медля, позволяя ей почувствовать степень его возбуждения. Она смотрела на него уже не смущаясь, позволяя читать в ее глазах ответную страсть и желание. Он поцеловал ее сладкие губы, поймав влажный всхлип, когда проник в нее медленно и нежно. Потому что он не мог иначе. Потому что Хиран была соткана из солнечных лучей и сияла как солнце. Такая же светлая и неуловимая, прекрасная и хрупкая. С ней надо было нежно, медленно и томно. С ней было больно и сладко. Еще минуту назад Колин хотел ворваться в нее и взять все, что она может отдать, страшась и злясь на то, что скоро ее потеряет. А теперь двигался так медленно, как только мог. Обнимал руками, целовал в раскрытые губы. Потом смотрел в ее темные глаза, пока его бедра медленно двигались. Он входил в нее плавно, замирал на секунду, чувствуя ее напряжение, видя вспыхивающий огонь в ее глазах. Потом медленно отступал, ловя ее дрожь и находя на дне ее глаз жгучее томление. Его тело болело и ныло, его разум лихорадочно метался, плоть жаждала и вожделела. Но он не спешил. Он сводил ее с ума, потому что сам уже потерял разум.

Хиран сейчас была его, она прерывисто дышала, выгибалась ему навстречу, что-то надсадно шептала на хинди, он мог разобрать свое имя. Она звала его и он был с ней. Весь ее, для нее. Она для него, только с ним.

Когда прошло время быть нежным, когда больше ни он не она не могли длить эту сладострастную пытку, Колин обхватил Хиран руками и прижал ее к себе так сильно, что они оба едва могли дышать, он ускорился до устойчивого ритма, подгоняя обоих к разрядке. Хиран вскрикивала от каждого стремительного толчка, то пряча лицо на его плече, то запрокидывая голову, и он сам утыкался в ее шею, не в силах сдержать хриплые стоны. Хиран вскрикнула последний раз, достигнув наивысшей точки напряжения, и забилась в его руках, получая желанную разрядку, слезы покатались из-под век по вискам, теряясь в волосах. Ее пик отозвался взрывом во всем его теле, ее наслаждение сделало его беспомощным перед всепоглощающим собственным взрывом.

Прошло несколько долгих томительных минут, когда они оба пытались восстановить дыхание, собирали себя заново, снова становясь собой, а не единым целым. И Колин понимал, с каким трудом ему это удастся. И не знал, где найти в себе силы оторваться от жены сейчас, отнести ее под душ. Он посмотрел на Хиран и увидел те же чувства в ней. Она нежилась в его руках, совершенно обессиленная, открытая. Посмотрела на него глазами цвета шоколада, потерлась щекой о его предплечье.

— *Maī tumse pyār kartī hū* (Мэйн тумсэ пьяр картхи хун) — прошептала она, подняла чуть подрагивающую руку и провела пальцами по его щеке. — Мой Колин-джи.

Он не знал хинди. Но однажды она сказала фразу «моя любовь». Он узнал это слово.

Одно слово так напугавшее его тогда. И почти поставившее его на колени теперь. Он не знал хинди, но за долю секунды понял, что она сказала. Это было потрясением, сильнее, чем тогда, когда появившаяся в его убогой жизни принцесса попросила жениться на ней. Она призналась ему в любви со спокойным принятием этого открытия, ни капли не волнуясь, доверяя ему себя. Но что больше всего поразило Колина, она не ждала признания в ответ. Невероятно, но так и было. Она сказала, что просила ее душа, но ничего не ждала в ответ. И может поэтому, а может, потому что все смешалось в удовольствии и боли, потому что она сейчас была с ним, его принцесса, его индийская сладость, может потому что она принцесса, а он всего лишь ее раб, Колин поцеловал ее. Осторожно, без страсти, только чтобы соприкоснулось их дыхание в касании губ. И именно в эти самые губы он на выдохе ответил:

— Я тоже тебя люблю.

Хиран вздохнула, удобнее устроившись в объятиях мужа. Он не позволил ей одеться после душа, а она не очень возражала. Колин закутал ее в простыню, и снова притянул в объятия, и Хиран не помнила, когда чувствовала себя счастливее. По ее уставшему телу все еще пробегала сладостная дрожь, отголосок недавно испытанной страсти. Обнаженными плечами и спиной она ощущала жар тела мужа, его руки крепко обнимали ее, и Хиран понимала, что нашла свое любимое место на земле.

А мысли ее, словно сумасшедшие, перескакивали с одного на другое. Хиран в одну минуту думала о муже, о том, как же права была бабушка, когда говорила, что судьба всегда ведет человека. И что только Богу ведомо, что нас ждет впереди. Кто бы мог подумать, что она, приехав в Нью-Йорк встретит Колина Тейта, и полюбит его.

Она должна была выйти замуж за Аруна, самого ее лучшего друга. Но вот теперь она в объятиях мужчины, которого не знала еще несколько недель назад. И столько всего она познала с ним. Доброту, нежность, любовь и страсть. О Боже! Сколько же любви и страсти было в его прикосновениях!

А в следующую минуту она думала о доме в Индии. О том, что, возможно, когда-нибудь она сможет поехать туда вместе с мужем.

— Хиран, — позвал муж.

— М? — было так приятно просто нежиться в его руках.

Хиран почувствовала, как Колин словно напрягся всем телом, а его объятия стали более жесткими, определяющими. Хиран поерзала немного, и руки мужа стали обнимать мягче. И все же Хиран насторожилась.

— Ты была счастлива сегодня? Когда увидела своего отца?

— Да! Я так... так боялась. Что папа не сможет простить меня. Что откажется от меня и будет считать меня...

Она не смогла произнести этого вслух. Потому что до сих пор горло сжималось от страха, когда она думала, как смогла бы перенести, откажись от нее отец и признай он ее мертвой. Хиран вздрогнула.

— Шшш... — успокаивающе, погладив ее по рукам, Колин поцеловал Хиран в плечо. — Все позади. — Ты же его единственная дочь, как бы он смог так поступить? Он любит тебя.

— Я так скучала по нему Колин — джи. Я никогда еще так надолго не уезжала из дома. А когда уезжала в этот раз, то думала, что на праздник Дивали приеду навестить их.

Она вздохнула, поняв, что хотела бы поехать в Индию на праздник Дивали. Вместе с мужем. С Колином. Это были бы такие счастливые дни. Она показала бы ему каждый уголок дома, в котором выросла. Познакомила бы его со своей большой семьей и нисколько не сомневалась, что она стала бы и его семьей тоже. А потом они поехали бы смотреть город и заехали бы на большой рынок, где пахнет цветами, специями и сладостями. Где босоногие, чумазые детишки, словно обезьянки, снуют между палатками с товаром, выискивая чтобы можно стащить. И Хиран по обыкновению накупила бы им лепешек и ирисок. Они бы радостно благодарили ее, называя сестрой, а потом убегали, на ходу засовывая полные рты еды. А она шла бы рядом с мужем вдоль торговых рядов, следя, чтобы Колин вовремя уворачивался от разъезжающих туда-сюда рикшей. Их звонкие сигналы на руле велосипедов перебивали бы гомон рыночных голосов. Женщин, спорящих с продавцами, детей,

выпрашивающих лакомство.

Ну а вечером они бы гуляли в саду или, сидя на террасе, слушали неспешный рассказ бабушки о боге Кришне и Радхе. Об их удивительной любви, которая соединила их души на небесах в одну.

— Ты хотела бы поехать домой?

Вопрос мужа выдернул Хиран из какой-то сладостной полудремы, где она в мечтах была с ним в Индии, и делилась с ним всем, что ей действительно дорого. Она немного повернулась и посмотрела на мужа. И за секунду до того, как его лицо стало спокойным, Хиран уловила в его чертах напряжение и какую-то грусть в глазах.

— Что? — растерянно переспросила она.

— Если бы ты могла, ты хотела бы поехать в Индию?

— Я не понимаю...

— Послушай, ты сказала, что скучала. И я подумал, что раз твой отец все равно приехал, то ты могла бы вернуться в Индию с ним. Ты хотела бы увидеть родных, я знаю. Ты много рассказывала о них.

Хиран стало не по себе от того, как муж внимательно вглядывался в ее лицо. Словно что-то выискивая в его выражении. Вернуться в Индию? Горло перехватило от дурного предчувствия.

— Я... Я не... — Хиран вздохнула и чуть отстранилась от мужа, пытаясь понять, что он хочет услышать. И верно ли то, что пришло ей в голову. Предположение, что... — Ты хочешь, что бы я уехала? Ты... Вы отсылаете меня к отцу, Колин-джи?

Он поморщился от ее слов, словно ему стало неуютно. И она увидела сожаление в его глазах. Но когда он снова притянул ее к себе и нежно провел кончиками пальцев по ее щеке, Хиран поймала его ладонь и прижалась к ней щекой.

— Нет, — сказал муж. — Конечно, нет. Никто тебя не отсылает.

— Тогда почему?

— Я думаю, ты сама этого хотела бы. Ну, подумай. Ты уехала выйти замуж, — он улыбнулся, и у Хиран немного отлегло от сердца. Но затем, чем больше муж говорил, тем тревожнее ей становилось. — Ты и вышла, правда не за того, но уже не важно. Все произошло так быстро. Ты была растеряна, напугана и в отчаянии. А потом еще и волновалась о том, как отреагирует на твое замужество отец. А сейчас, когда стало понятно, что он не... против нашего брака, почему бы тебе не полететь вместе с ним в Индию. Повидать родных. Побывать среди тех, кого ты любишь, рядом с теми, кто тебе близок. Там ты сможешь все обдумать, прийти в себя.

— Но со мной все хорошо! — все больше пугаясь, сказала Хиран. — И я не могу никуда поехать. Мы муж и жена. Ведь так?

Видимо муж уловил вырвавшийся наружу страх в ее голосе, потому что, глубоко вздохнув, поцеловал в висок, затем оставил поцелуй на щеке, и быстрый на губах.

— Да. Мы муж и жена. Я помню про клятвы кругов, о том, что я твоя судьба и о семи жизнях, я тоже помню. И я не отсылаю тебя, — уверенно произнес муж. — Как я могу? — изобразив шутливый тон, добавил он. — Ты же принцесса. Я просто предлагаю навестить родных. Поверь, если ты захочешь вернуться, я все еще буду здесь.

Возможно, Колин не обратил внимания, но от Хиран не ускользнуло слово «если». Значит, муж думает, что она могла бы не вернуться. И все равно говорит о возвращении в Индию. Она пыталась понять, в чем дело и не могла. Если бы Колин не был таким нежным,

и его руки не прижимали бы ее к сильной груди, если бы его глаза не смотрели бы на нее с чувством, похожим на любовь, Хиран могла бы поверить, что Колин действительно хочет отослать ее с отцом, потому что она не нужна ему. Но все это было, и Хиран всем своим существом ощущала какую-то борьбу, происходившую в муже. А еще, чтобы окончательно не поддаться панике, Хиран снова и снова мысленно возвращалась к той минуте, когда призналась Колину в любви. Она не ждала признания и от него. Понимала, что прошло слишком мало времени, но надеялась, что сможет завоевать любовь мужа, если сама будет любить его и заботиться о нем.

Но он сказал ей, что тоже любит и Хиран несколько секунд как оглушенная лежала, почти не дыша. А муж стал покрывать поцелуями ее лицо, а когда снова посмотрел на нее, то Хиран сама поцеловала его в губы. И теперь она держалась за его признание как за последний источник света в темной комнате.

— Почему ты молчишь, принцесса? Не надо так пугаться. Я всего лишь спросил. Послушай, — муж обхватил ее лицо ладонями, заставляя смотреть ему в глаза, — У тебя есть еще время подумать. Твой отец сказал мне, что пробудет в Нью-Йорке еще пару дней. Так что не спеши.

Не успела Хиран опомниться, как Колин мягко, но решительно отстранился от нее и встал, оставив Хиран на диване, закутанную только в простынь. Муж был в джинсах и без футболки, и на его обнаженный торс падали полосы света, прорезающиеся сквозь чуть приоткрытые жалюзи на окне. Он прошел на кухню, достал из пакетов, привезенную им из ресторана еду и молча поставил два небольших пластиковых контейнера в микроволновку. Потом достал из холодильника сок в коробке и налил в керамическую чашку оранжевую жидкость. Когда он вернулся к дивану и протянул сок Хиран, она машинально взяла его и сделала глоток.

— Ты сказала, что планировала навестить родных в какой-то праздник.

— Дивали. Праздник Дивали.

— Когда он?

— В октябре.

— Ну, вот видишь. Всего через каких-то три месяца. Так почему бы не сейчас? К тому же мне было бы спокойней, зная, что ты полетишь вместе со своим отцом.

— Но я думала, вернее я хотела поехать туда с мужем. С тобой...

Колин внимательно посмотрел на нее. Улыбнулся. Покачал головой. И Хиран не могла бы с уверенностью сказать, показались ли ей, мелькнувшая на секунду надежда, а затем сожаление в его взгляде, цвета голубого льда.

— Я не мог бы, принцесса. Разве могу я оставить гараж? Это моя работа.

— Тогда и я никуда не поеду. Разве жена может оставить мужа? Может когда-нибудь, после, мы могли бы поехать. И я могу подождать. Да, я скучаю, особенно по бабушке, но ведь теперь моя семья это ты... мой муж.

— Хорошо. Я ведь и не спорю с этим, да? И хочешь правду, принцесса? От мысли, что ты моя жена я схожу с ума. Ты удивительная, Хиран. Ты родилась и выросла в богатстве, но ты живешь со мной в этой убогой квартире и тебе как будто все равно. Ты красива так, что у меня дух захватывает, когда я смотрю на тебя. И рядом с тобой я чувствую себя более значимым, чем есть на самом деле. Но вот это... — он обвел рукой пространство вокруг себя. — Все это, не то, на что ты рассчитывала, отправляясь в другую страну, чтобы выйти замуж. Ты говоришь, что любишь меня Хиран. И когда смотришь на меня, выглядишь так,

словно ты и правда получила в мужа принца. Но это не так.

Он говорил и говорил. Никогда она не слышала, чтобы муж так много говорил. Еда давно подогрелась, и навязчивое гудение микроволновки оборвалось противным писком звукового сигнала. А Колин продолжать убеждать ее в том, что она слишком добрая и наивная, чтобы до конца осознать, в каком незавидном положении оказалась.

И в первые минуты Хиран испытала почти ужас, когда подумала, что, не смотря на заверения в обратном, муж все же хочет отослать ее, что не желает иметь ее в качестве жены и быть с ней рядом. Но по мере того как он говорил, ему все меньше удавалось контролировать свои эмоции и Хиран увидела... Увидела, как Колин нервно сжимает пальцы в кулак, как напряжены его плечи. Она пыталась поймать его взгляд, но он смотрел куда угодно, только не на нее. А когда и скидывал на нее взгляд, то от Хиран не укрылось, каким несчастным он был.

Колин, ее уж, не хотел, чтобы она уезжала. Может она и была наивная и добрая и еще много чего, о чем рассуждал муж. Но она не была совсем дурой. Да, он женился на ней, потому что она его... застала врасплох. Неосознанно сыграла на жалости. Но он не избавился от нее при первой возможности. Мог ведь оставить в квартире Аруна, как тот и предлагал. Что для американца значил какой-то костер на пустыре и несколько слов, значения которых он даже не понимал. Но он привез ее в свой дом. Пусть убогий, но единственный, какой у него был. И ничего, кроме заботы. Нежности и любви она не видела от этого мужчины. Он сделал все, чтобы она чувствовала себя счастливой. Он позволил превратить его дом в импровизированный индийский шатер. На окнах висели занавески с восточным орнаментом, на диване было несколько подушек, расшитые цветными нитями и стеклярусом. Кругом стояли ароматизированные свечи в замысловатых подсвечниках, на полу перед диваном коврик, в центре которого силуэт слоненка. У одной стены небольшой столик, на котором Хиран устроила алтарь для статуи бога Кришны, украшенной цветочной гирляндой. Колин позволял ей делать все это не потому что вдруг стал поклонником индийской культуры, а чтобы она, Хиран почувствовала себя лучше. Он позволял ей ставить тiku себе на лоб, и сам осыпал ее пробор синдуром, угождая ей. А ночами, он ласкал ее так, как только любящий мужчина может любить свою женщину.

Так почему же сейчас, именно тогда, когда она наконец-то обрел настоящее счастье, он хочет отправить ее от себя подальше?

— Колин... — тихо спросила она, прерывая его слова о том, как хотел бы он быть уверенным в том, что она однажды не пожалеет о своем решении выйти за него. — Ты скажешь мне правду, если я спрошу?

Он наконец-то посмотрел на нее. Его внимательный взгляд проник ей прямо в душу.

— Да. Я еще ни разу тебе не солгал, Хиран.

Я тоже тебя люблю

Он не лгал. Муж любит ее. Он облегчение она едва не заплакала.

— Почему ты хочешь, чтобы я уехала?

У нее дрожали руки, и чтобы прекратить это, Хиран сжала пальцами простынь. Муж заметил это, и по его лицу пробежала судорога. Потом он снова посмотрел ей в глаза, и Хиран с ужасом почувствовала, что по ее щеке все же побежала слеза, но была слишком взволнована, чтобы стереть ее. Колин осторожно сделал это сам. Провел большим пальцем вдоль влажной дорожки, а затем провел им по своей нижней губе. И молчал. Так долго, что Хиран подумала, что он уже не ответит.

— Я этого не хочу, принцесса, — все же произнес он.

— Тогда почему ты говоришь все эти вещи? Все это, — она повторила его недавнее движение, обведя рукой помещение. — Не имеет для меня значения.

Колин зло запустил пальцы в волосы и жестко провел ладонями ото лба к затылку.

— Но это имеет значение для... — он замолчал и отвернулся.

А Хиран вдруг все поняла. И самый счастливый день превратился в глупую пародию. Она почувствовала, что ей холодно под тонкой простыней. Она обхватила себя за плечи.

— Для кого, Колин — джи? Для кого это имеет значение? Для моего... моего отца? Папа, он...

— Хиран...

— Скажи мне правду. Пожалуйста! Ты обещал сказать мне правду.

— Да.

— Это папа хочет забрать меня домой?

— Да.

— Ты позволишь ему?

— Хиран, послушай. Сейчас уже не важно, что хочу я. Теперь...

— Почему? Колин — джи? Почему не важно? А что тогда важно? Если ты, мой муж не хочешь, что бы я уехала, а я — твоя жена, не хочу покидать тебя, тогда зачем? Папа не может увести меня. Теперь я принадлежу тебе. Ты — моя семья, Колин-джи. Тогда почему ты думаешь, что я должна сделать то, чего мы оба не хотим?

Хиран сама прижалась к спине мужа, обняла его за шею, оставив поцелуй на его затылке. Она почувствовала, как он вздохнул. А потом он ловко переместил ее так, что Хиран оказалась в его объятиях, у него на коленях. Муж подарил ей долгий поцелуй, такой нежный, но Хиран чувствовала едва сдерживаемую страсть, которую уже знала, научилась распознавать, и желала все сильнее.

— Хиран. Если ты не поедешь, — тихо сказал Колин, когда их поцелуй прервался и он прижал ее к своей груди. — Если ты не поедешь, принцесса, случится то, чего ты так боялась. Он откажется от тебя.

Хиран чувствовала себя немного неуютно, сидя на заднем сиденье автомобиля, и стараясь не смотреть на мужа, который был за рулем. Она сама не могла объяснить, почему не села вперед. И еще больше ее пугало то, что Колин предпочел поехать на машине, а не на мотоцикле. Все было не правильно, начиная с ее одежды, и заканчивая неестественным молчанием между ней и мужем.

А еще Хиран не знала, что чувствует сильнее, думая о встрече с отцом. Страх, злость или разочарование?

Когда муж сказал ей о разговоре с отцом и его условии, Хиран разрыдалась. Так долго сдерживала слезы, а тут расплакалась как маленькая, чем испугала Колина. Она не думала, что ее слезы могут так его испугать. Он пытался успокоить ее поцелуями, и заверениями, что ничего не случится. И что он все понимает. Он подумал, что она сдалась и согласилась. Ничего он не понимал! Но, наверное, ее просьба отвести ее к отцу, в квартиру Аруна, подтвердила его предположение. Хиран долго простояла в ванной, пытаясь собраться с мыслями и остановить поток слез, который возобновлялся от одной мысли, что, всего вероятнее, увидит отца в последний раз.

И с того момента, когда она вышла из ванной, и до того, как они подъехали к

многоэтажному дому, где располагалась квартира Аруна, они с мужем почти не разговаривали.

И только когда они подошли к двери квартиры, Колин взял ее за руку, легко сжал. А Хиран не выдержав, снова всхлипнула.

— Не надо, — вздохнул муж. — Как бы то ни было, ты лучшее, что случилось со мной, — он повернулся к ней, обхватил ладонями лицо. — Я знал, что этот день настанет. Я только не хотел, чтобы это было так трудно для тебя. Я хотел бы, чтобы моя принцесса улыбалась.

— Колин-джи...

— Все хорошо. Давай просто сделаем это, — он наклонился, Хиран думала, надеялась, что муж ее поцелует. Но он только прижался щекой к ее волосам, а через секунду уже отстранился и четко постучал в дверь Аруна. — Просто сделаем это.

Арун открыл сразу, потому что дежурный внизу уже сообщил ему об их появлении. Он был удивлен, расстроен и что показалось странным, посмотрел осуждающе на Колина. Но Хиран сейчас не могла, не имела сил разбираться в этом. Ей хотелось попросить друга о помощи. Чтобы хоть кто-то помог ей, потому что она не знала, что делать. Как все это вынести. Но она не о чем не попросила. Она даже не смогла поздороваться, только спросила где отец. И когда Арун сказал, что в комнате, где вначале остановилась Хиран, она высвободила свою ладонь из руки мужа и, не оглядываясь, пошла туда.

Колин отчетливо ощущал течение времени. Секунды, минуты. Панорамные окна в квартире Аруна позволяли смотреть на город, который мог угнетать своей каменной статностью и восхищать стремительностью. Сейчас же Колин не чувствовал ничего. Просто смотрел, практически не замечая высоты, с вкраплениями зеленых парков, и снующих желтых машин такси.

Хиран не было уже около часа. О чем можно было говорить так долго? Все и так было ясно.

Он не мог забыть, что стало с женой, когда он сказал об условии ее отца. Своими словами он будто ударил ее наотмашь. Он больше бы не хотел видеть это выражение ее глаз. И не желал быть причиной ее боли. Поэтому он сделает, как обещал, отпустит ее с отцом. А потом... К черту все.

Он любил ее. И не хотел ее отпускать. Если бы он мог хоть на минуту стать сволочью, схватил бы за руку, выволок бы отсюда и увез домой. В конце концов — она его жена. Если бы все дело было только в деньгах! Но он мог бы...

Хиран была принцессой. Он мог бы дать ей все. Большой дом, с обслугой и поваром. Машину. Наряды. Он мог бы превратить ее жизнь в каждодневный праздник Холи, Дивали и фестиваль Дурги. Но будет ли ей достаточно этого, чтобы простить ему, что стал причиной разрыва с отцом. Возможно, нет. Но он бы старался.

Только теперь это вряд ли понадобится. Она уедет. Так и останется в его жизни лишь волшебным эпизодом. Недолгим, но таким сладостно-горьким. Он хотел бы пожалеть о том, что Хиран вошла в его жизнь, разрушив его спокойный мир, где его ничего не тревожило. В котором он не желал больше того, что имел. Но не мог. Потому что и сам готов был порвать каждый свой мир в клочья за те несколько недель, которые его принцесса провела с ним.

Как же трудно было продолжать убеждать ее в необходимости уехать, когда так хотелось послать все к черту, и не отпускать. Запереться с ней в квартире, отгородить от

внешнего мира, заполучить ее для себя навсегда. Он до последнего противился поддаться и согласиться со всем, о чем она говорила. Потому что, вопреки всем доводам рассудка, ему казалось, таим правильным видеть Хиран в одной лишь белой простыне, на его диване. С распушенными по плечам темным волосам. А ее доверчивый и искренний взгляд переворачивал душу.

Но он проиграл. Что бы ни случилось — он проиграл.

Колин стоял возле окна и ждал, когда жена выйдет. И малодушно молился, чтобы она решила остаться. Он проиграл и был не в силах умирять эгоистичных демонов внутри себя. Если она хоть намеком, хоть словом даст понять, что хочет остаться с ним, он заберет ее отсюда. А потом всю жизнь будет любить ее. Он женится на ней и даст ей все, что она пожелает. Роскошный дом? Ладно. Семь жизней? Пусть забирает их все.

Как же долго она не выходила! Колин слышал, как за его спиной прошел Арун и был благодарен, что тот молча ждет вместе с ним. На схватку с другом не было сил...

— Колин — джи...

От того как резко он обернулся Хиран вздрогнула. Он хотел извиниться, но промолчал. Потому что помертвел, когда увидел ее виноватые глаза. Когда она дрожащими губами снова произнесла его имя и замолчала. Их разделяло несколько шагов, но она не спешила преодолеть их, а он не был уверен, что его ноги не приросли к полу. Он все понял, ему не нужно было ничего говорить.

О чем бы ни говорили дочь с отцом, у Нараяна Притвираджа получилось убедить Хиран лучше, чем смог Колин. Может потому что сам Колин не хотел ее отпускать. Но она приняла решение, он видел это по глазам жены. Он уже видел такое у нее. На пустыре, у разведенного костра, когда она решила выйти за него. Не смотря на боль и отчаяние, Хиран была полна решимости. Так и теперь.

Он знал, что это было неизбежно, и что это возможно самое ее правильное решение, и он не должен ее останавливать. И все же, в эту минуту он перестал быть самим собой. Протянул ей руку, предлагая подойти к нему. Она могла бы, ведь все еще была его женой. Но Хиран поняла, что это значило. Он спрашивал ее, этим жестом, просил... предлагал. Но она, застыв, смотрела на него, и, казалось, не дышала.

Его рука опустилась. Пара секунд всего прошла, и он сам подошел к жене.

— Колин... — голос ее надломился, и по ее щекам потекли слезы.

Он вытер ее щеки, а она схватила его за запястья.

Он смотрел на нее и все еще надеялся увидеть какой-то знак, что ошибся. Но Хиран заплакала еще сильнее и Колин понял. Он ее не винил. Он только бы не хотел, чтобы она так страдала. Он видел, что ей больно. Но он так же знал, его принцесса не может по-другому. Она преданна тем, кого любит. Она могла бы быть преданна и ему. Она хотела. Он сам не позволил. Поэтому она права, что поддалась на их уговоры и отправиться домой. Потому что Колин ее не заслуживал. И он только теперь осознал, что причина не в его происхождении. И не в деньгах. Дело в том, что Хиран была слишком хороша для труса, каким оказался он. Слишком зацикленный на детских обидах, уязвленном самолюбии и надуманных комплексах, чтобы выползти из норы, в которую залез, и хоть что-то сделать для женщины, которую любил.

Жена вздохнула, попыталась что-то сказать. Но не сумела сразу. Только с третьей попытки ей удалось произнести:

— Колин — джи, я...

— Что, принцесса?

— Я...

— Скажи. Скажи это, Хиран. Просто скажи. Все хорошо. Просто скажи мне.

Спустя мучительное мгновение, она отпустила его запястья. Сделала один шаг назад, наклонилась и коснулась его ног. Затем выпрямилась, прижимая руки к груди и обливаясь слезами четко сказала:

— Я возвращаюсь домой, в Индию.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigolub.net